

Казахский национальный университет имени аль-Фараби

УДК 94.574: “1891”

На правах рукописи

АХМЕТЖАНОВА АЖАР ТОКСАНОВНА

Степное положение 1891 года в Казахстане: исторический аспект

07.00.02 – Отечественная история
(история Республики Казахстан)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук.

Научный руководитель
доктор исторических наук,
профессор Садвокасова З.Т.

Республика Казахстан
Алматы, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1 ПОДГОТОВКА СТЕПНОГО ПОЛОЖЕНИЯ 1891 ГОДА	12
1.1 Система управления в Казахстане в 60-х годах XIX века	12
1.2 Создание и деятельность комиссий по подготовке Степного положения 1891 года	30
2 ПОЛОЖЕНИЕ ОБ УПРАВЛЕНИИ СТЕПНЫМИ ОБЛАСТЯМИ	44
2.1 Структура, содержание и особенности Степного положения 1891 года	44
2.2 Штаты управления в Степном генерал - губернаторстве во второй половине XIX века	69
3 КРИТИКА КАЗАХСКОЙ ЭЛИТОЙ ПОЛОЖЕНИЯ 1891 ГОДА	78
3.1 Лидеры казахской интеллигенции о Степном положении 1891 года	78
3.2 Критика казахской элитой деятельности колониальной администрации Степного края	88
3.3 Казахская интеллигенция о последствиях введения Положения 1891 года	103
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	120
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	125
ПРИЛОЖЕНИЯ	133

ВВЕДЕНИЕ

Общая характеристика работы. Диссертационное исследование посвящено истории подготовки и введения Российской империей Степного положения 1891 года в Казахстане и критике её казахской элитой.

Актуальность темы исследования. Для восстановления исторической правды о прошлом казахского народа необходимо изучение истории Казахстана на основе исторических источников, а также различных документов и материалов. Приобретение Казахстаном независимости дает большую возможность исследователям попытаться раскрыть многие вопросы развития истории нашего государства, переосмыслить исторический опыт, с целью не допустить в дальнейшем ошибок и не упустить шанс войти в число 50-ти конкурентоспособных стран мира.

Казахский народ испытал большие трудности в своем развитии. Особенно тяжелым был XIX век, когда раздробленное Казахское ханство попало под влияние нескольких соседних государств. Старший жуз – среднеазиатских ханств, Средний и Младший жузы – Российской империи. Казахи Среднего и Младшего жуза, принявшие протекторат Российской империи в XVIII веке, в начале XIX лишились своей политической независимости.

Проблемы истории Казахстана конца XIX века – одно из перспективных и активно разрабатываемых направлений современной исторической науки Казахстана. Административная реформа 1891 года, известная как «Степное положение», явилась завершающим звеном в изменении политического строя края, как колонии Российской империи и оказала огромное влияние на последующее политическое, экономическое, социальное и культурное развитие Казахстана.

Тема диссертации актуализируется интересом к имперской политике в целом и ее составным частям - имперское управление, взаимоотношение имперского центра и регионов в постсоветских государствах. Задача казахстанских исследователей, с учетом особенностей исторического развития различных регионов страны, исследовать историю подготовки той или иной реформы, причины принятия их, сущность, особенности.

Актуальность темы исследования обусловлено и тем, что изучение истории административной реформы царской России в Степном крае вызывает повышенный интерес при решении территориальных проблем с соседними странами.

Свидетельством актуальности исследуемой темы является и то, что вопросам введения и усиления колониальной власти в Казахстане, после принятия Положения об управлении степными областями, большое внимание уделяла казахская элита. В связи с 90-летием движения Алаш выявлено и опубликовано множество документов и трудов алашской интеллигенции. Анализ их показывает, что многие из них, так или иначе, освещают вопросы нашего исследования: отношение казахской элиты к реформе 1891 года, критика ими её отдельных статей, анализ и оценка последствий введения Степного положения.

Подтверждением актуальности темы служит и то, что реформы царской России рассматривались учеными нашей Республики, стран СНГ и дальнего зарубежья. В основном это работы – общего характера или же посвященные реформам 1822, 1824 и 1867-1868 годов, их подготовке и последствиям введения по регионам.

Тема научного исследования актуальна также, в связи с реформированием казахстанского общества, в частности, административном и правовом.

Значимость исследуемой темы усиливает и то, что причины принятия новой системы колониального управления в Казахстане в 1886 и 1891 годах, цели и задачи реформы 1891 года, подготовка и её принятие, сущность и особенности изучена крайне слабо.

Объектом исследования является имперская политика царской России в Казахстане, преследовавшая цель – укрепление своих позиций путем принятия колониальных реформ во второй половине XIX века.

Предмет исследования – принятая Российской империей в Казахстане Степное положение 1891 года и критика ее алашской элитой.

Территориальные рамки исследования включают в себя области Казахстана, входившие в состав Степного генерал-губернаторства.

Цель и задачи исследования.

Главной целью настоящего исследования является изучение истории реформ Российской империи в XIX веке, а также важность Положения 1891 года, представляющее логическое завершение предыдущих реформ, действовавшее как закон Российской империи в обширных и богатых степных областях Казахстана.

Исходя из поставленной цели, конкретизированы следующие задачи:

- исследовать историю подготовки и принятия Степного положения 1891 года, укрепившее позиции Российской империи на территории Казахстана;
- рассмотреть структуру Положений 1886 и 1891 годов, соответственно Положение об управлении Туркестанским краем и Положение об управлении Степными областями;
- проанализировать содержание и особенности Степного положения;
- показать реакцию казахской элиты против введения законодательства 1891 года по административному управлению Казахстаном царской Россией;
- выявить последствия принятия реформы 1891 года и критика ее лидерами казахской интеллигенции.

Хронологические рамки исследования.

Хронологические рамки исследования охватывают период подготовки реформы с 80-ых годов XIX века до 1917 года.

Методологической и теоретической основой исследования явились общеисторические методы: объективность, историзм, взаимосвязь исторических явлений, целостный подход и всесторонность рассмотрения. Также исследователь использовал такие методы, как статистический, сравнительный и историко-сопоставительный анализ положения.

Степень изученности исследуемой проблемы. Изучение истории подготовки Степного положения 1891 года и критика её представителями

алашской интеллигенции имеет как научное, так и практическое значение. Реформа 1891 года явилась очередным колониационным законом Российской империи в Казахстане, по которому казахи жили до 1917 года.

Вопросам подготовки, введения, содержания и последствий реформ Российской империи в XIX веке (1822, 1824, 1867-1868 и 1886 годов) посвящены работы, которые можно разделить на три этапа 1) дореволюционный, 2) советский, 3) современный. Критерием выделения этих 3-х этапов являются методологическая и концептуальная основы исследований.

Исследователями первого этапа историографии были, в основном, чиновники российской администрации. Хронологически, это работы начиная с 60-х годов XIX века, поскольку подготовка и предварительные реформы начались еще в эти годы. Среди них следует выделить труды активно участвовавших в реформах чиновников российской администрации И.Н. Крафта [1], А.К. Гейнса [2], труды Л.И. Мейера [3], А.И. Мякутина [4], В.А. Остафьева [5]. Особое внимание обращает на себя книга «Сборник узаконений о киргизах степных областей» И.Н. Крафта, где наряду с документами, содержится обширный очерк административной реформы 80-90-х годов.

Подробное освещение родоплеменного состава казахов содержит работа востоковеда, чиновника Семиреченского областного правления А.Н. Аристова [6]. О готовности киргизов и других заселявших Российскую империю народов к интеграции в Российское общество, путем изменения их хозяйственно-экономического уклада и административно - правового устройства, писал Н.М. Ядринцев [7]. Прогрессивные взгляды высказаны в работе В.В. Радлова [8], который подчеркивал упадок благосостояния казахского народа после введения административных реформ XIX века. Особенности работ этого периода является оценка реформ с позиций администрации империи. Исследователи зачастую являлись носителями идеологии власти, поскольку находились на государственной службе, описывая события, в которых они принимали непосредственное участие. С другой стороны, дореволюционных исследователей отличало стремление не только просто дать оценку, но и проанализировать ситуацию, привлечь ретроспективные материалы, выявить причины проведения очередных преобразований и спрогнозировать последствия их реализации, то есть проследить логику процессов в степи и потому данные работы могут быть оценены в качестве научных. Подробный анализ административной и судебной реформ России в Казахстане в 20-х - первой половине 60-х годов, суда биев, предложения по реформированию судебной системы в крае, содержатся в статье выдающегося казахского ученого-историка, этнографа Ч.Ч. Валиханова [9]. Свои взгляды о реформе 1868 высказал и известный просветитель, ученый-этнограф И. Алтынсарин [10]. Интересное мнение высказал М. Тынышпаев [11] в 1905 году, будучи студентом.

Историографический анализ дореволюционной литературы представлен в монографиях Д.И. Дулатовой [12] и К.А. Абилева [13]. Зарубежная

историография истории Казахстана освещена в докторских диссертациях К.Л. Есмагамбетова [14] и К.Р. Несипбаевой [15].

В советский период были опубликованы ряд работ как общего, так и специального характера. В довоенный период были подготовлены работы М. Тынышпаева [16], П.Г. Галузо [17], С.Д. Асфендиярова [18]. Среди перечисленных трудов выделяются работы С.Д. Асфендиярова, который дал свою оценку колониальной политике царизма и раскрыл проблемные вопросы развития Казахстана [19].

В послевоенный период значительный вклад в изучение темы внес известный казахстанский историк Е.Б. Бекмаханов [20]. Анализируя последствия отмены ханской власти в Среднем жузе в 1822 году, автор подробно исследовал восстание под предводительством Кенесары Касымова, процесс военной, политической и экономической экспансии России в отношении Казахстана, явившиеся предвестниками колониальных реформ во второй половине XIX века.

Ход административных реформ на юге Казахстана подробно освещается в монографии П.Г. Галузо [21]. Этно-демографические процессы в Казахстане XIX века отражены в исследованиях Ф.Н. Базановой [22], Н.В. Алексеенко [23].

Аграрные отношения, формирование рабочего класса, развитие торговли, общественной жизни Казахстана исследуются в монографиях Б.С. Сулейменова [24], А.П. Савицкого [25], Е. Дильмухамедова и Ф.Маликова [26], В.З. Галиева [27].

Эволюция казахстанской государственности отражена в обобщающих трудах по истории Казахстана, истории государства и права Казахстана в исследованиях Т. М. Культелеева [28], С.Г. Кляшторного и Т.И. Султанова [29], С.З. Зиманова [30], Е.К. Нурпеисова и А.К. Котова [31].

Роль административных реформ в контексте эволюции кочевого общества показана в монографиях С.Е. Толыбекова [32], Н.Э. Масанова [33].

Реформы второй половины XIX века отражены в обобщающих трудах по истории Казахстана XIX века Ж.О. Артыкбаева [34], М.С. Турсуновой [35], М. Кул-Мухаммеда [36], К.А. Жиренчина [37].

Колониальная политика царизма в Казахстане, подробный анализ системы карательных органов, национально-освободительные восстания, исторический анализ истории становления Российской государственной системы управления в Казахстане, подробно освещаются в трудах Г.С. Сапаргалиева [38], Ж.К. Касымбаева [39], С.М. Машимбаева [40–41]. Военно-казачья колонизация Казахстана представлена докторской диссертацией М.Ж. Абдирова [42]. Большое внимание роли периодической печати в освещении колониальной политики царизма в Казахстане уделено в трудах К.М. Атабаева [43 - 44].

В работах Б.С. Сулейменова [45], Х.Д. Садыкова [46], В.С. Толочко [47], Н.С. Киняпиной [48], Н.Е. Бекмахановой [49], К.А. Жиренчина [50], С.К. Жакыпбек [51] объектом исследования являются реформы XIX века, их влияние на политическое развитие Казахстана.

Основное отличие исследований второго этапа историографии темы заключается в приоритете классового подхода при оценке роли реформ XIX века авторами 20 - 80-х годов XX века. Хотя следует оговориться, что принцип партийности не столь выражен в исследованиях 60 - 80-х годов, по сравнению с исследованиями 20 - 50-х годов. "Прогрессивное значение окончательного присоединения Казахстана к России" обуславливается ими, в первую очередь, приобщением казахского населения к революционному движению рабочего класса во главе с партией большевиков в России.

Необходимо отметить, что исследуемая тема была едва ли ни наиболее политизированной в советской исторической науке 20 - 80-х годов. Не случайно, множество исследователей М.Т. Тынышпаев, С.Д. Асфендияров, П.Г. Галузо, Е.Б. Бекмаханов, Б.С. Сулейменов были репрессированы в 20-50-е годы в связи с обвинениями в национализме при изучении истории Казахстана XIX века. Книги перечисленных авторов были запрещены и лишь в 90-е годы переизданы.

Третий этап историографических исследований отличается попыткой объективного, с введением в научный оборот новых архивных данных, анализа исторических событий XIX - начало XX века. Реабилитация алашской интеллигенции, открыло исследователям большие возможности для изучения их научных трудов и деятельности на благо казахского народа. Так, были переизданы труды Алихана Букейханова [52], Ахмета Байтурсынова [53–54], Мыржакыпа Дулатова [55], Тельжана Шонанова [56], Мухамеджана Тынышпаева [57], Мустафы Шокай [58] и многих других.

Исследованием подготовки реформ XIX века, последствиями их введения в Казахстане занимались ученые: Б.К. Осеков, [59], С.К. Жакыпбек [60 - 61], М. Кул-Мухаммед [62–63], Б.С. Эбенова [64], З.Б. Мырзатаева [65], Г.С. Жумашева [66], Г.К. Шуланбекова [67], А.Ж. Касымбаев [68] и другие. Вопросам духовной экспансии царизма в области образования и религии посвящена докторская диссертация З.Т. Садвокасовой [69]. Проблемы аграрных преобразований на протяжении столетия (конец XIX-XX вв.) исследованы в докторской диссертации О.Х. Мухатовой [70]. Налоговая политика Российской империи во II половине XIX века раскрыта в кандидатской диссертации Г.Р. Несипбаевой [71]. Всестороннему изучению проблем исторической географии Степных областей Казахстана в XIX – начале XX века посвящена докторская диссертация Г.Н. Ксенжик [72]. Законодательные акты Российской империи как исторический источник по истории колонизации Казахстана XVIII-XIX вв. исследованы в докторской диссертации Г.Е. Отеповой [73]. Исследователем Г.С. Султангалиевой [74–75], предпринята попытка изучения процесса инкорпорирования казахов Оренбургского ведомства в имперскую систему управления, функции и направления деятельности казахских чиновников, их образовательный уровень и социальное происхождение. Кандидатская диссертация Ж.А. Тлеукеева [76], посвящена истории деятельности зарубежного капитала и его влиянию на социально-экономическое и политическое развитие Казахстана в конце XIX - начало XXI века. В работе Б. Абдрахмановой исследуется история создания и функционирования на территории Казахстана российских органов власти и управления с 20-х годов

до конца XIX века [77]. Исследованию этнической территории казахов в XVIII – начале XX веков, посвящена работа М.С. Муканова [78].

Вопросам алашского движения, деятельности их лидеров посвящены работы Д.А. Аманжоловой [79–80], М.К. Койгельдиева [81–82], К.Н. Нурпеисова [83], Т.О. Омарбекова [84]. Также конференции, посвященные 90-летию Алаш [85–86]. В работах казахской элиты как отмечает исследователь Алашского движения М.К. Койгельдиев отражена политическая деятельность казахской интеллигенции в 1905-1917 гг., т.е. участие в революции 1905-1907 гг., составление петиционных жалоб, выражающих чаяния и требования казахского народа, организация национальных периодических изданий, участие в Государственной Думе, политическая позиция в период национально-освободительного движения 1916 года, участие в общественных преобразованиях после Февральской революции 1917 года, проведение всеказахского съезда.

Исследованием деятельности отдельных представителей алашской интеллигенции занимались М. Кул-Мухаммед [87], Э.Т. Сеитов [88] С.С. Иманбаева [89], Э.Ж. Эзіретбергенова [90], Л.М. Хасанаева [91], Г.М. Рахимова [92], Г.Е. Эбикенова [93], К.К. Кайсар [94 - 95] и другие. Издан многотомный сборник документов по истории алашского движения.

Анализ казахстанской историографии приводит нас к мысли о том, что на сегодняшний день нет ни одного специального исследования, посвященного истории подготовки и принятия Степного положения и критике её казахской элитой.

Источниковедческая база исследования. Документы, раскрывающие проблемы нашего исследования, сосредоточены в Центральном государственном архиве Республики Казахстан. В фондах архива содержатся документальные материалы различного характера: отчеты, записи, доклады, ходатайства, прошения, отзывы, указы, инструкции, правила, положения и другие которые отражают официальную политику царского правительства по отношению к казахскому народу, его жизнедеятельности и будущности.

Фонд 64 – Канцелярия степного генерал-губернаторства: отчеты, рапорты, переписка степных генерал-губернаторов в разные годы, военных губернаторов, уездных начальников; проекты об устройстве казахских земель в степных областях; переписка о пересмотре Положения по составлению объединительного проекта; журналы заседаний комиссий; жалобы и прошения киргиз, статистические сведения; списки лиц, подвергнутых взысканиям или поощрениям; приказы по степному генерал-губернаторству; проект изменения статьи 126 Степного положения и другие.

Фонд 369 – Акмолинское областное правление: годовые отчеты; копии журналов заседания областной комиссии; проект Положения об управлении областями; жалобы и переписка военного губернатора по прошениям киргиз; сведения о кочевом и оседлом населении; циркуляры Министерства Внутренних Дел; копии журналов присутствия Акмолинского областного правления и другие.

Фонд 15 - Семипалатинское областное правление: годовые отчеты; копии постановлений, указов Сената; уставы обществ; переписка с канцелярией Степного генерал-губернаторства; списки киргизских волостей; циркуляры департаментов полиции; материалы для отчета Степного генерал-губернаторства и другие.

Фонд 25 – Тургайское областное правление: донесения уездных начальников; журналы присутствия Тургайского областного правления; отчеты о доходах и расходах городов Тургайской области; о поземельном устройстве киргиз, принявших христианство; сведения чиновников особых поручений и другие.

Фонд 370. Уральское областное правление: штаты полиции; протоколы заседания о поездках военного губернатора по области; о поземельных спорах; отчеты уездных начальников; о выборах в Государственную Думу; об увеличении штата полиции и др.

Фонд 246 - Акмолинское уездное управление; фонд 769 – Кокчетавское уездное управление; фонд 390-Петропавловское уездное управление, фонд 408-Семипалатинское уездное управление и др.

Также официально опубликованные правительством Российской империи законодательные материалы: Полное собрание законов Российской империи, Свод законов Российской империи.

В диссертационном исследовании использованы документы, собранные в книгах: «Материалы по истории политического строя Казахстана (со времен присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции)» [96]. Здесь содержатся некоторые основные указы царского правительства по вопросам государственного устройства казахских жузов из «Полного собрания законов Российской империи», тексты уставов, положений по управлению казахами и другие. Также имеются материалы, которые представлены в виде донесений официальных лиц, законодательных актов царского правительства, донесений и записок лиц, бывших в Орде, документы, исходящие от казахских феодалов, отправленные царским чиновникам. История Казахстана. Сб. документов и материалов (XVIII- начало XX века) [97]; Материалы по введению русской политической системы управления в Казахстане [98]; История Казахстана в русских источниках [99]. История колонизации Казахстана в 20-60-х годах XIX века [100]; Царская колонизация в Казахстане. По материалам русской периодической печати XIX века [101]. Хрестоматия по новейшей истории Казахстана (1917 – 1939), (под ред. Каражан К.С.) [102].

Самостоятельную группу источников составляют труды казахской элиты, в которых подвергнуты критике Степное положение 1891 года с момента принятия и ее введения, деятельности чиновничества Российской империи по претворению её в жизнь и, последствия принятия реформы для казахского народа. В настоящее время изданы многочисленные разрозненные публикации по движению Алаш в сборнике: Алаш қозғалысы. Құжаттар мен материалдар жинағы. Движение Алаш. Сборник документов и материалов [103]. Также отдельные издания трудов видных деятелей казахской интеллигенции в лице

Алихана Букейханова, Ахмета Байтурсынова, Мыржакыпа Дулатова, Тельжана Шонанулы, Мухамеджана Тынышпаева и других.

В работе использованы материалы, опубликованные в газетах «Киргизская степная газета». Человек, общество, природа. 1888-1902 годы [104]; «Қазақ газеті» [105], «Айқап» [106].

Ценность документов заключается в том, что они помогают нам дополнить исследования, рассматривающие колониционный период прошлого нашего государства, осмыслить важность вопроса государственности, самобытности и уникальности казахского народа. Представленная в диссертационном исследовании источниковая база по истории подготовки, принятия, ведения реформы 1891 года и критика её казахской элитой позволяет достичь цели и решить задачи, поставленные в исследовании.

Основные положения, выносимые на защиту. Недостаточная изученность проблемы предопределила защиту следующих положений:

1. Степное положение 1891 года явилось очередным колониционным законом Российской империи в Казахстане, который полностью и окончательно закрепил его политический статус – колонии Русского государства, со всеми вытекающими последствиями.

2. Анализ содержания реформы 1891 года во всех направлениях: административно-территориальном, судебном, местной (туземной) администрации, налогов, землепользования, духовной сфере, привел к окончательной утрате государственности казахским народом и угрозы существования его как нации.

3. Сравнительный анализ структур Положений 1886 и 1891 годов и выявление особенности реформы 1891 года позволяет сделать вывод о цели царской России – господство над всей территорией Казахстана, используя политику колониальных держав «разделяй и властвуй».

4. Раскрытие деятельности казахской элиты в период введения Степного положения 1891 года в Казахстане, дает нам возможность утверждать, что национальные лидеры прекрасно понимали колониальную сущность реформ, смогли предвидеть последствия царских законов и предлагали пути выхода из кризисного положения.

5. Справедливая критика представителями казахской интеллигенции имперской политики России в Казахстане характеризует их как борцов за национальные интересы своего народа. Реформы 1886 и 1891 годов создали основу для усиления гнета коренного населения, произвола и насилия колониальных чиновников над ними, грабежа природных богатств края для нарождающейся русской буржуазии.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что впервые, в казахстанской исторической науке в рамках диссертации сделана попытка комплексного исследования истории подготовки и принятия Степного положения 1891 года и критика её казахской элитой:

- исследована деятельность российских чиновников, вошедших в состав комиссии по подготовке и принятию реформы 1891 года;

- в результате анализа структур и содержания Положений 1886 и 1891 годов подчеркнуты особенности Степного положения 1891 года;
- показана активная борьба передовых членов казахского общества против реформирования, особенно в степных областях;
- выявлены и привлечены новые, ранее не опубликованные архивные материалы, раскрывающие сущность колониальной реформы 1891 года;
- сделана попытка раскрытия содержания Степного положения с использованием наглядности.

Научная и практическая значимость исследования заключается в том, что содержащийся в ней материал может быть использован государственными служащими разных уровней, студентами-историками, политологами, филологами, международниками, учеными, исследующими административно-территориальные реформы Российской империи, СНГ и Республики Казахстан. Практический материал и теоретические выводы, положения и рекомендации исследования могут быть использованы при составлении законов Республики Казахстан, определении государственных границ с соседними странами, при разработке вопросов дальнейшего развития различных регионов страны, при проведении административно-территориальных реформ, подготовке лекций и учебных пособий по отечественной истории и т.д.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования были представлены в 14 статьях, опубликованных в сборниках материалов международных и республиканских научно-практических конференций, а также на страницах изданий, рекомендованных Комитетом по контролю в сфере образования и науки МОН РК.

Работа обсуждена на заседании кафедры новой, новейшей и современной истории Казахстана Казахского национального университета имени аль-Фараби.

Структура и объем исследования.

Диссертационное исследование состоит из введения, трех разделов, заключения, списка использованных источников, приложения.

Объем диссертации соответствует нормам, установленным в Инструкциях и рекомендациях Комитета по контролю в сфере образования и науки МОН РК.

1 ПОДГОТОВКА СТЕПНОГО ПОЛОЖЕНИЯ 1891 ГОДА

1.1 Система управления в Казахстане в 60-х годах XIX века

Все законоположения царизма с 20-х по 90-е годы XIX века по управлению казахскими землями, вводились постепенно, по отдельным крупным регионам края, и в конечном итоге, полностью и окончательно закрепили колониальное положение Казахстана. Политика Российской империи была направлена на окончательную утрату государственности Казахстана, превращение отдельных крупных регионов Казахстана в колонию, русификацию и христианизацию казахского населения.

Колониальная политика Российской империи осуществлялась путем военной экспансии (строительство военных укреплений, продвигавшихся все более в глубь степи, в 20-х - 60 годах XIX века, подавление национально-освободительных восстаний, военные экспедиции 1854-1865 годов), территориального разделения казахских земель по трем, а затем двум генерал-губернаторствам (политика "divide et impera" - "разделяй и властвуй"), отстранения от власти степной знати (по Уставам 1822 и 1824 годов ханская власть упразднялась, но к управлению на местах привлекались султаны, реформы 60-90-х годов окончательно отстраняли степную знать от власти), законодательного обеспечения политико-административного, судебного, поземельного, налогового устройства в интересах Российской империи.

Авторы монографии «История колонизации Казахстана в 20-60-х годах XIX века» считают, «... сложность связей Казахстана и России в том, что их нельзя отождествлять с отношением западноевропейских метрополий к своим колониям. Там они разделены морями, диктовались чисто экономическими интересами. Четко проявляется принцип выкачивания сырья, и использования рынков сбыта, не говоря уже о вселенской трагедии торговли рабами, истреблении коренных жителей» [100, с. 10].

В подготовке реформ XIX века можно выделить три основных этапа.

1) 1822 - первая половина 60-х годов XIX века: последовательное создание предпосылок к завершению колонизации казахских земель Российской империей, которое включало военную и экономическую экспансию в крае, принятие десятков законодательных актов.

2) 1863 - 1867 годы: создание Особого комитета (1863 г.), Комиссии Военного министерства и Министерства Внутренних Дел (1865 г.) для подготовки «Временных положений» 1867-1868 годов, послуживших основой, последующих «Положений» 1886 и 1891 годов.

3) 1868 – 1891 годы: непосредственная подготовка реформ 1886 и 1891 годов чиновниками Туркестанского и Степного генерал-губернаторств.

То есть реформы 1886, 1891 годов явились завершающим звеном в колониальной политике Российской империи в Казахстане. Как видим, были подготовлены ряд законов царской России, принятых в XIX веке. Наиболее значимыми, в контексте колониальной политики России в отношении Казахстана, были «Устав о сибирских киргизах» 1822 года, «Устав об оренбургских киргизах» 1824 года, Положение об отдельном управлении

сибирскими киргизами 1838 года и Положение об управлении оренбургскими киргизами 1844 года. Углубленного изучения требуют «Временные Положения» 1867-1868 годов, направленные на законодательное закрепление казахских земель как колонии России.

Создание Сырдарьинской линии, куда вошли районы от Раима до Акмечети, затем соединение Оренбургских и Сибирских линий способствовало продвижению России не только в глубь казахских земель, но и приближению к территории Старшего жуза и среднеазиатских ханств. Срочно требовалось решить так называемый «Восточный вопрос». От его решения зависело, быть ли Казахстану колонией Российской империи и откроется ли дорога в остальные страны Центральной Азии. На активизацию внешнеполитической деятельности России в Южном Казахстане и Центральной Азии большое влияние оказывала политика Англии, интерес которой к Казахстану и Средней Азии появился еще в XVIII веке. К середине XIX века Центральная Азия стала ареной острой политической борьбы между Россией и Англией.

В 60-ые годы XIX века, Россия, дипломатическими и военными действиями, подчинила казахов Старшего жуза. Завоевание Туркестана, Чимкента и Ташкента в 1864-1865 годах способствовало изданию в июле 1867 года закона об образовании Туркестанского генерал-губернаторства с центром в городе Ташкенте, куда вошли вновь учрежденные Семиреченская и Сырдарьинская области.

Включение территории Старшего жуза в состав Российской империи в 60-ые годы XIX века окончательно колонизировало казахские земли. Настало время для совершенствования русской системы управления на всей территории Казахстана.

Вхождение всей территории «Казахстана в состав России было продиктовано не экономическими соображениями, а политическими ... для царизма присоединение огромных казахских территорий диктовалось имперскими амбициями» [100, с. 10].

Поэтому, 11 июля 1867 года были приняты «Указ об учреждении Туркестанского генерал-губернаторства» [88, с. 85] и «Временные положения об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областями» [88, с. 87].

Временные положения 1867 года включали 8 разделов: 1) Устройство администрации, 2) Устройство суда, 3) Хозяйственные, общественные управления в Сыр-Дарьинской области, 4) Подати и земские повинности, 5) Устройство финансовой части в крае, 6) Устройство почтовой части, 7) Устройство медицинской части, 8) Особые права и преимущества службы в Семиреченском и Сыр-Дарьинском крае.

21 октября 1868 года был принят «Указ о преобразовании управления в степных областях Оренбургского и Сибирского ведомства» [88, с. 151] и "Временное положение об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях" от 21 октября 1868 года [88, с.154].

Временное положение 1868 года состояло из 7 разделов:

- 1) административное устройство;
- 2) устройство суда;

- 3) подати, сборы и земские повинности;
- 4) о пользовании и владении;
- 5) о нравах киргизов;
- 6) об управлении духовными делами киргизов;
- 7) о школах в степи.

Для наглядности мы предлагаем структуру реформ 1867-1868 годов.

СТРУКТУРА ВРЕМЕННЫХ ПОЛОЖЕНИЙ 1867-1868 гг
Временное положение об управлении Семиреченской
и Сырдарьинской областей. 11 июля 1867 г

I. Устройство администрации §1 - §128

§1. Примечание 1,2,3.

1. Генерал-губернатор, его канцелярия и чиновники для поручений § 2 - §10
2. Областные управления § 11 - § 41
3. Уездные управления § 42 - § 79
4. Местное управление § 80 - § 128

II. Устройство суда § 129 - § 244

1. Подсудность § 129 - § 135
2. Органы судебной власти по русским законам § 136 - § 147
3. Судопроизводство по русским законам § 148 - § 180
4. Народный суд у киргизов § 181 - § 213
5. Народный суд у сартов и других оседлых туземцев Сыр-Дарьинской области § 214 - § 244

III. Хозяйственные общественные управления в Сыр-Дарьинской области §245 - § 254

IV. Подати, сборы и земские повинности § 255 - § 355

1. Государственные подати:
 - а) с киргизов § 255 - § 278;
 - б) с оседлого населения Сыр-Дарьинской области § 279 - § 295;
 - в) торговые сборы с туземцев Сыр-Дарьинской области § 296 - § 312;
 - г) торговые сборы с иностранных азиатских купцов § 313 - § 330.
2. Земские сборы и повинности § 330 - § 355.

V. Устройство финансовой части в крае § 356 - § 374

1. Финансовые учреждения § 356 - § 371
2. Надзор по акцизной части § 372 - § 373
3. Контрольная часть § 374

VI. Устройство почтовой части § 375 - § 380

VII. Устройство медицинской части § 380 - § 387

VIII. Особые права и преимущества службы в Семиреченской и Сыр-Дарьинском крае § 388 - § 398

8 разделов, 398 параграфов

Временное положение об управлении в Уральской, Тургайской,
Акмолинской и Семипалатинской областях. 21 октября 1868 г

- I. Административное устройство § 1 - § 91
 1. Деление на области § 1 - § 19
 2. Областные управления § 20 - § 43
 3. Уездные управления § 44 - § 51
 4. Устройство медицинской части § 52 - § 57
 5. Местное управление § 58 - § 91
 - II. Устройство суда § 92
 1. Подсудность § 92 - § 100
 2. Органы судебной власти § 101
 - уездный судья § 102 - § 109
 - военно-судные комиссии § 110
 - областное правление § 111
 3. Судопроизводство по русским законам § 112 - § 134
 - уголовное § 112 - § 123
 - гражданское § 124 - § 134
 4. Народный суд у киргизов § 135 - § 167
 - III. Подати, сборы и земские повинности § 168 - § 209
 1. Государственные подати § 168 - § 195
 2. Паспортный сбор § 196 - § 203
 3. Земские повинности § 204 - § 209
 - IV. О пользовании и владении § 210 - § 242
 - V. О правах киргизов § 243 - § 250
 - VI. Об управлении духовными делами киргизов § 251 - § 261
 - VII. О школах в степи § 263 - § 268
- 7 разделов, 268 параграфов

Как видно из названия и структуры «Временных положений» 1867 года, в Туркестанское генерал-губернаторство входили две области – Сыр-Дарьинская и Семиреченская. Сыр-Дарьинскую область составляли Аулие-атинский, Джизакский, Казалинский, Перовский, Ташкентский, Туркестанский, Чимкентский и Ходжентский уезды. Семиреченскую область составляли Верненский, Иссык-Кульский, Копальский, Сергиопольский и Токмакский уезды.

Главное управление в крае было возложено на генерал-губернатора, а управление областями - на военных губернаторов. Генерал-губернатор являлся одновременно командующим войсками Туркестанского военного округа, с правом ведения дипломатических отношений с соседними странами. При генерал-губернаторе состояли:

- 1) канцелярия;
- 2) чиновники особых поручений.

В Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях были созданы областные правления. Председатели областных правлений являлись одновременно

помощниками военных губернаторов. Областные правления состояли из трех отделений: распорядительного, хозяйственного и судебного.

Управление в каждом уезде осуществлялось уездными начальниками. Уездные начальники совмещали административные и полицейские функции. При уездных начальниках состояли помощники и канцелярия.

Уезды делились на волости. Местное управление у кочевого и оседлого населения областей имело отличия. Волость составляли от 1000 до 2000 кибиток, аулы - от 100 до 200 кибиток. Волости управлялись избираемыми населением (выборными от 50 кибиток) волостными управителями, аулы (выборными от 10 кибиток) - аульными старшинами. Волостные управители и аульные старшины избирались на три года.

Оседлое население Сыр-Дарьинской области в каждом населенном пункте избирало (выборными от 10-50 домов) на три года аксакалов. В городах избирались аксакалы от кварталов.

По Временному положению 1867 года в Сыр-Дарьинской и Семиреченской областях учреждались «три рода суда: военный суд, суд на основании общих законов империи и народный суд» [98, с.109].

С казахов Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей взимался кибиточный сбор 2 руб. 75 коп. с кибитки, дома. С оседлого населения Сыр-Дарьинской области взимались два вида податей - харадж и танап. Харадж составлял 1/10 урожая. Размер танапного сбора определял генерал-губернатор. С торговцев взимался зякет в размере 2,5% в год с торгового капитала. Кроме того, взимались земские сборы и повинности.

В каждом уезде были учреждены уездные кассы доходов и расходов, в областных городах Ташкенте и Верном - областные казначейства. В Верном и Ташкенте учреждались почтовые конторы, в Сергиополе, Копале, Токмаке, Казалинске, Перовске, Туркестане, Чимкенте, Аулие-ате, Ходженте и Джизаке - почтовые отделения. Главный надзор за медицинской частью в Туркестанском генерал-губернаторстве возлагался на военно-окружного медицинского инспектора. Медицинскую часть в областях возглавляли дивизионные доктора. В каждом уезде учреждалась должность уездного врача. Российским чиновникам в Туркестанском крае создавались особые права и преимущества в виде стажа работы, оплаты труда и отдыха.

«Временное положение» 1868 года в административном устройстве соответствовало реформе 1867 года. Различия имелись в разделах: устройства суда, подати, сборы и земские повинности. Также отдельные главы «Временных положений» 1867-1868 годов были разные, включенные с учетом местных условий, народностей проживавших в крае и времени подчиненности территории Российской империи. Так, в разделе о народном суде для степных областей был определен суд только для киргизов, в южных – для киргизов и отдельно для сартов и других туземцев. В Туркестанском крае с туземцев и иностранцев взимался торговый сбор, в Степном – нет. В реформе 1867 года один раздел посвящен особым правам и преимуществам службы в Семиреченской и Сыр-Дарьинской областях. В реформе 1868 года введен специальный раздел «О правах киргизов», по которому киргизы, принявшие

христианство, могли зачисляться в крестьянское или же казачье сословие и пользоваться их правами. Особо подчеркивалось права казахов быть награжденным за усердное служение царизму. Самым важным отличием реформы 1868 года было введение статьи 210 и 211, которые объявляли земли кочевников государственными и предоставляемыми в общественное пользование всей аульной общине киргизов. Земли, которые были пожалованы царем ханским потомкам, считались их собственностью. Статья 210 создавала юридическую основу для расширения колонизации края. Также определены были духовные дела киргизов и вопросы образования во Временном положении 1868 года, а во Временном положении 1867 года таких разделов нет. Эти два раздела закона открывали дорогу для проведения колониальной политики царизма в области религии и образования. Таковы, на наш взгляд общие черты и различия реформ 1867-1868 годов.

В своем исследовании мы не рассматриваем вопросы подготовки, принятия, содержания и последствия «Временных положений» 1867-1868 годов, так как они достаточно изучены историками и правоведами нашей страны. Нас интересуют причины совершенствования русской системы управления в 60-90-х годах XIX века.

Для решения этой проблемы мы попытались сделать анализ структур реформ 1867-1868 годов. На наш взгляд, необходимо также проанализировать взгляды казахских ученых Ч.Ч. Валиханова и И. Алтынсарина, бывших свидетелями подготовки реформ 1867-1868 годов, русских чиновников и исследователей «Временных положений» в разные годы XX века.

Как правильно отмечает исследователь казахской элиты М.К. Койгельдиев: «Казахские ученые – просветители Ч. Валиханов, И. Алтынсарин и другие, получившие образование в русских учебных заведениях, в определенной степени соответствовали требованиям, быть проводником интересов Российского государства, русской культуры. Но и они, однако, не являлись слепыми исполнителями воли колониального начальства. Поэтому в их поведении и настроении чувствовалась раздвоенность. С одной стороны, они понимали, что без европейского образования и культуры казахское общество не может освободиться от пут средневековья и отсталости. В тоже время они не могли не видеть отрицательных последствий колониальной зависимости. Резко критическое отношение Ч.Ч. Валиханова, И. Алтынсарина... и других представителей казахского общества к реформам царской администрации свидетельствовало о наступлении качественно нового периода во взаимоотношениях национальной элиты и царской администрации» [85, с.17].

Все мы знаем и ценим деятельность выдающегося ученого и путешественника Чокана Валиханова. Казахский народ по праву считает его первым ученым по многим отраслям науки. В торговом караване Чокан Валиханов совершил путешествие в неизвестный тогда, русской и европейской науке, Кашгар. Открытия, сделанные им, поставили молодого поручика русской армии в один ряд с выдающимися географами мира. Ч. Валиханову принадлежат известные труды по географии, истории, этнографии, экономике, социологии и фольклору Казахстана.

Как ученый и знаток казахской степи Ч. Валиханов высказал оригинальные мысли по вопросу реформ, проводимых Российской империей в Казахстане.

В 1863 году Западно-Сибирский генерал-губернатор В. Дюгамель включил Ч.Ч. Валиханова в состав экспедиции С. Яценко с целью представления мнения о новом судеустройстве. Все лето 1863 года Ч.Ч. Валиханов собирал материалы о судебных обычаях в Кокчетавском, Атбасарском, Акмолинском, Каркаралинском и Баян-Аульском округах и «на основании более точных фактов и наблюдений, пользуясь некоторыми статическими и историческими данными...» [9, с. 82] написал одну из последних больших работ, «Записку о судебной реформе» (28 февраля 1864 года).

В работе Ч. Валиханов высказал свое мнение о природе и сущности реформ, «ввиду... важных преобразований... представил некоторые свои соображения и заметки (относительно судебной административной реформы и отчасти касательно народного образования)» [9, с.77].

Ч. Валиханов считал, что «вопросы о реформах требуют гораздо большей осторожности и более глубоких соображений, ибо от них зависит народное «быть или не быть» [9, с.80]. Поэтому он писал: «нет вопроса общественного, который был бы так всемогуще важен, как вопрос о народных реформах. Самым важным и близким для народа считаются реформы экономические и социальные, прямо касающиеся насущных нужд народа, а реформы политические допускаются как средства для проведения нужных экономических форм, ибо каждый человек отдельно и все человечество, коллективно стремятся в развитии своем к одной конечной цели – к улучшению своего материального благосостояния, и в этом заключается так называемый прогресс» [9, с.78]. Отсюда можно сделать вывод, что Ч.Валиханов к введению реформы подходил с позиции, чем она полезна и как она помогает жить народу, улучшает его благосостояние, ведет ли его по пути прогресса.

Ч. Валиханов рассматривал «суд биев в его сущности, с целью увидеть смысл и характер этого института..., на основании статистических и других достоверных фактов». Он хотел «определить, в какой степени суд биев удовлетворяет или не удовлетворяет современному развитию киргизского народа», и применим ли проектируемый правительством мировой суд к быту киргизов или же не применим вовсе. После анализа приходит к заключению, что мировой суд не применим в отношении киргизского народа, суд биев, действующий у киргиз, вполне удовлетворяет развитию народа. Также суд биев имеет некоторые преимущества перед судом мировым, поэтому древний суд биев необходимо оставить без изменений и дополнений. [9, с.85].

Говоря о состоянии народного образования, сетовал на то, что оно находится бесконтрольно в руках татарских мулл. Русское начальство, «мало обращало внимание на умственное образование киргиз и, жарко преследуя баранту, конокрадство и вообще дисциплинируя киргизский народ, не имело времени следить за действием мулл и странствующих дервишей. Но дело еще можно поправить, и реакция еще возможна...» [9, с.94].

Указывая на то, что административный вопрос для киргиз имеет слишком большой интерес, но так как пока этот вопрос не поднимался, то Ч.Валиханов считал, что затрагивать его не следует и ограничился указанием на серьезный недостаток Оренбургского Степного управления, который заключается в том, «что ордынские чиновники назначаются там не по выборам народа, а по устремлению пограничного начальства». Также он высказал свое мнение по кибиточному сбору, который «неправилен с научной точки зрения и тяготен для народа», поэтому он предлагал ввести подушную подать, «платимый сибирскими киргизами по числу скота» как единственно возможный и вполне правильный [9, с.103].

Рекомендации Ч. Валиханова не были учтены при подготовке реформы 1867-1868 гг., так как их разрабатывали высокопоставленные царские чиновники Министерства Внутренних Дел, генералы и полковники, возглавлявшие колониальную администрацию и преследовавшие одну цель: полностью и окончательно покончить с остатками былой свободы и независимости казахов, закрепить колониальное положение Казахстана и создать все необходимые условия для гнета и грабежа его в интересах России. Ч. Валиханов любил свой народ и верил в него, поэтому в работе «Записка о судебной реформе» писал, «что из всех инородческих племен, входящих в состав Российской империи первое место по многочисленности, по богатству и, пожалуй, по надеждам на развитие в будущем, принадлежит нам – киргизам» [9, с.104].

На наш взгляд, Ч.Ч. Валиханов высказал прогрессивные, демократические взгляды по вопросу реформ 60-х годов XIX века. Какое бы государство не проводило реформы, оно должно учитывать интересы народа и ответить на вопрос: что даст та или иная реформа для улучшения благосостояния народа? Ч.Ч. Валиханов высоко ценил и уважал своих русских друзей, русскую культуру. Но был против русских колониальных законов, разочарован в политике царизма в Казахстане.

Зная это, колониальная администрация относилась к нему недоверчиво и к разработке проекта нового Закона по управлению казахским краем не привлекала. На наш взгляд, его научная компетенция, глубокие знания в области быта и жизни родного народа могли оказать неоценимые услуги при подготовке реформы.

Известный просветитель, педагог и ученый Ибрай Алтынсарин в начале 60-х годов XIX века трудился учителем русско-киргизского училища в г. Тургай, затем – инспектором народных училищ, в промежутке был делопроизводителем Тургайского уездного управления и Тургайским уездным судьей. Он устроил несколько мужских русско-киргизских училищ, одно женское и одно специально-ремесленное в г. Тургае, автор научных трудов и Киргизской Хрестоматии.

По долгу службы И. Алтынсарин бывал в аулах, участвовал в выборах волостного управителя и аульных старшин. Находясь на этой должности, он всячески боролся со злоупотреблениями баев, пытался пресекать родовую

вражду, подкупы, взяточничество. Например, в стихотворении «Когда стоишь перед судьей» он писал:

Когда стоишь перед судьей,
Знай, это не защитник твой,
Что скажет правду смело,
Лишь взятка сможет все решить,
Твой скот поможет завершить
Благополучно дело.

Недовольная феодально-байская верхушка аула не раз подавала на него жалобы областному правлению, военному губернатору и даже министру внутренних дел, необоснованно обвиняя его в нарушении правил выборов, предусмотренных «Временным положением 1868 года».

Свои соображения относительно новых административных реформ царизма И. Алтынсарин высказал в своей работе «О «Временном положении об управлении в степных областях» 1868 года», где подчеркивал изменения в управлении оренбургскими киргизами и указывал на статьи «Временного положения» «на которые особенно жалуются киргизы в своих песнях и частных разговорах» [10, с.37].

«Первое – бедствия 1879-1880 годов, унесшие почти весь скот казахов Тургайского уезда и особенно Уральской области. Второе – выборы должностных лиц с помощью десятских и пяти десятских, которые ведут к открытому взяточничеству и вынуждают «саших киргизских властей» гоняться «за первенствующей ролью в волости и почетным положением», тратиться «на задаривание выборных из последних своих материальных сил, а, заняв должность, стараются пополнить эти убытки посредством же взяток. Кроме того, следствием каждых выборов бывают обыкновенно непримиримая уже вражда между претендентами на должность и их сторонниками, делящим волость на несколько партий, притеснение со стороны имеющих власть, несправедливые решения дел, нескончаемые жалобы со стороны обиженных и т.п.» [10, с. 37].

«Третье горе киргизов – это опасение, происходящее от того, что в среде их время от времени не перестают носиться слухи о причислении будто бы двух прилинейных уездов Тургайской обл. к Оренбургской губ., населенной казаками, против которых, в силу постоянных столкновений материальных их интересов, сложилось у киргизов непримиримое негодование. Факт исторический, что на самых лучших частях земли оренбургских киргизов заселены были оренбургские и уральские казаки еще в те времена, когда киргизов представляли «дикими номадами». Да и в настоящее время казаки не перестают претендовать и на те незначительные остатки земли, кои пригодны для земледелия» [10, с.38].

Далее И. Алтынсарин указывал, что четыре уезда Илецкий, Николаевский, Тургайский и Иргизский «составляли и составляют как бы одно целое по родовым, искони установившимся связям и экономическому своему положению» [10, с.38].

Также И. Алтынсарин в работе высказал свое мнение по вопросу выборов, отмечая, что в старые времена ханы и родоначальники избирались «не десятскими и пятидесятскими выборными, заранее определенными для подобного рода дел, а старшими вообще лицами по летам и положению в каждом роде и отделении, которых старшинство составилось не по выбору кого-либо, а само собой по большим сравнительно с другими способностям, состоянию и летам» [10, с.38]. После реформы, как известно, аксакалы не шли на должности десятских или пятидесятских выборных, почему и назначались выборными преимущественно молодые люди из несостоятельного класса. Они не имея самостоятельного положения в обществе и как люди преимущественно бедные, выкрикивали на выборах чье-либо имя по приказанию почетных одноаульцев или же прельщались на взятки.

Что же касается поземельных дел, решаемых аульным сходом выборных, т.е. десятскими, или же волостным съездом выборных, т.е. пятидесятками, то по мнению И. Алтынсарина это положительно уже не согласуется с народным киргизским обычаем.

Далее И. Алтынсарин подчеркивал, что не лишне было бы упомянуть и о том, что, «по мнению всех компетентных людей, знающих жизнь киргизов, всецелое приравнивание сельских сходов, существующих в русских селениях, к киргизскому быту крайне преждевременно ввиду того, что в русских селениях весь сход находится в одном селе, почему и сбор их не представляет никакого затруднения, а выборных аульного схода киргизов нужно собирать из-за сотен иногда верст, так как они зимуют и кочуют по двадцать кибиток на разных местах и по разным направлениям» [10, с.40].

Затем Ибрай Алтынсарин делает вывод «что в применении к народному быту киргизов некоторые части «Положения», впрочем еще временного, введенного в виде опыта, не совсем достигают желанной цели правительства и что если в принципе и желательно доведение киргизов до усвоения выборных начал в том же виде, в каком введены вообще в сельских сословиях, то все это было бы удобнее вводить постепенно, по мере нравственного и культурного вообще развития киргизов» [10, с.41]. Впрочем, лично он не видел никакого ущерба ни политическим, ни образовательным целям правительства, если бы, например, выборы на должности производили у киргизов аксакалы из каждого аула, а не десятники и пятидесятники, и если бы поземельные споры решались посредниками или третьей стороной, допущенным и основными законами Империи по всем гражданским делам. Напротив, по его мнению, при подобном порядке значительно упростились бы решения поземельных дел киргизов, и уездные и областные власти избавились бы от нескончаемых, прогрессивно увеличивающихся год от года жалоб по выборным и поземельным делам.

Учитывая тринадцатилетний опыт проведения реформы 1868 года, считал вредным введенный порядок местного управления и предлагал тщательно пересмотреть «Временное положение об управлении в степных областях» в связи с народными обычаями, бытовыми условиями и взглядами киргизов на подобные дела.

Интересно мнение И. Алтынсарина, высказанное им в 1879 году : «...долг каждого из нас – принести посильную лепту на пользу своей Родины, еще невежественной, но не испорченной никаким разлагающим элементом и восприимчивой ко всему полезному». Далее он размышлял о том, «...что административные и судебные должности ему вовсе не по душе, и что всегда интересовался делом учебным и, если бы граф допустил его к участию в образовании киргизов, это бы составило верх его счастья» [10, с.310].

Хотя мы должны учитывать и мнение Русского государства о нем и его деятельности. Как указывалось в некрологе: «Да, это был истинно обруселый киргиз, со всеми добрыми качествами, свойственными этому племени. Вместе с тем он был в высшей степени симпатичный, умный и честный человек, вполне полезный чиновник и усердный деятель на пользу России и киргизов. Говоря короче, Алтынсарин был первым апостолом среди киргизов, вносящим свет цивилизации европейской и любви к России в среду темных номадов своего племени.

Мир памяти твоей, благородный сын обширных киргизских степей, честный труженик и полезный слуга Русскому государству!» [10, с.310].

Исходя из вышеизложенного, мы можем сделать следующий вывод:

И. Алтынсарин не был против реформы 1868 года, но все же отметил, что некоторые ее части не совсем достигают цели правительства, а выборность среди казахской администрации необходимо осуществлять постепенно, и что важно, необходимо тщательно пересмотреть «Временные положения» 1868 года, с учетом казахских обычаев, бытовых условий и их мнений по вопросу реформ.

Государственный и общественный деятель начала 30-х годов XX века, исследователь истории и культуры казахского народа М.Тынышпаев в годы учебы в вузе, 20 июня 1905 года написал письмо Председателю Комитета министров о фактическом бесправии казахов. В письме М.Тынышпаев смело указывал, что все бедствия казахского народа от тех законов, которые приняла Россия в степи. Далее он открыто заявлял: «Практика управления киргизским населением показала, что те или другие статьи ныне действующего «Временного положения», быть может вполне соответствовавшие духу прежнего времени, а также различные циркуляры и предписания местных властей не отвечают жизненным условиям киргизов. В настоящее время, сама жизнь выдвигает на очередь несколько серьезных вопросов, затрагивающих насущные нужды и интересы киргизов» [11, с.15].

Какие это вопросы, мы попытаемся показать в третьей главе, где раскрывается критика казахской интеллигенцией деятельности колониальной администрации.

Как известно, реформы 1867-1868 гг. явились объектом исследования ряда ученых. Например, по мнению исследователя работы Степной комиссии по подготовке реформы 1867-1868 годов в Казахстане Б.К. Осекова, преобразования системы управления российским правительством в 60-х годах XIX века, решало «прежде всего политические задачи - обеспечить внутривластическую стабильность, ликвидацию пограничных беспорядков,

пресечение враждебных действий среднеазиатских ханств и происков английских агентов, создание сильной государственной власти в присоединенных районах. Сознвая временный, преходящий характер, стоящих на данном этапе задач, правительство нацеливало деятельность комиссии на изучение социально-экономической жизни края с выявлением перспектив его развития в будущем» [59].

Действительно, политическая ситуация на юге Казахстана, требовала от царской администрации немедленного установления своих законов. Поэтому, российские чиновники в течении двух лет подготовили реформы, подчинившие всю территорию Казахстана русской власти.

По мнению российского ученого Н.Е. Бекмахановой, законодательные акты 1867-1868 годов радикально изменили политико-административное управление краем. Казахская степь была окутана единой системой управления. Административное управление носило ярко выраженный военный характер. Вся власть сосредотачивалась в руках Российской военно-бюрократической машины. В области социальной политики правительство отказалось от союза с феодальной знатью и юридически оформило права нарождавшейся национальной буржуазии. Влияние казахской аристократии – султанов, биев и старшин фактически было уничтожено. В области земельной политики правительство перешло к ограничению землепользования у кочевников и полукочевников. В области судебной политики правительство сохранило народный суд биев с выборной основой, но поставило его под контроль. Царское правительство, называя эти реформы временными, проводило их твердо и последовательно. Эти реформы носили переходный характер [49].

Мы согласны с мнением Н.Е. Бекмахановой, которое актуально и авторитетно. Высказано оно в результате анализа большого количества документов и материалов. Труды ее оценены видными учеными Казахстана и России.

Один из первых историков Казахстана С.Д. Асфендияров верно отмечал: «... царская колониальная система являлась основным хребтом, фундаментом, опираясь на которой организовалась и оформилась казахская верхушка в лице баев – полуфеодалов, переводчиков и аткаминеров» [18]. С.Д. Асфендияров подчеркивал, что реформы оказали значительное влияние на распад родовых отношений и обращал внимание исследователей на ошибочность нового административно-территориального деления внутри областей. Считал, что введенная система управления находилась в значительном противоречии с казахским бытовым укладом. Прежде всего родовое деление и мелкоаульное деления не согласовывались с проводимым территориальным принципом. Административный аул, который должен был состоять из 200 кибиток, являлся совершенно искусственной единицей. Хо́заулы объединялись по родовому признаку и поэтому, административный аул становился через полосным, разбросанным на большом расстоянии.

С мнением С.Д. Асфендиярова мы согласны. Считаем, его одним из знатоков колониальной политики царизма, свидетельством является его ценные труды по истории Казахстана.

Исследованием реформ 60-х годов XIX века занимался казахский ученый Б.С. Сулейменов в своей статье «О подготовке реформы 1867-1868 годов» он подчеркивал, что «проект положения об управлении казахским народом был подготовлен сверху в аппарате царского правительства при активном участии колониальных властей края. Не только трудящиеся массы, но и привилегированные слои казахского общества – крупные баи, старшины, султаны, царские слуги – не могли принимать участия в подготовке реформы, что характеризует резкие особенности колониальной политики царизма в Казахстане в 60-70 гг. прошлого столетия. Только переустройством управления казахским народом царизм смог успешно осуществить колонизацию его земли, превратив край в рынок сбыта и источники сырья для капиталистической промышленности Европейской России. Переустройство управления казахской землей укрепило власть царизма над местным населением и служило важным плацдармом в дальнейшем продвижении царизма в глубь Средней Азии» [45].

На наш взгляд, известный историк Б.С. Сулейменов показал колониальную сущность реформ и дал свою оценку нововведениям Российской империи в Казахстане.

Казахстанский правовед К.А. Жиренчин в своей монографии «Политическое развитие Казахстана в XIX-нач. XX веков», исследуя реформы 20-90-х годов XIX века, пишет о том, какие значительные изменения в социальной, политической и правовой жизни казахского общества вызвали преобразования, проведенные царской Россией. К.А. Жиренчин освещая вопросы подготовки, содержания и результатов реформ 60-90 годов XIX века, отмечал, что реформы 1867-1868 годов принимались временно, сроком на три года. «После истечения трехлетнего испытательного срока должно было быть разработано и представлено на рассмотрение новое положение об управлении» [50, с.164]. Рассматривая разные аспекты реформы, все же подчеркивал ее положительные стороны. Реформы, по его мнению, «способствовали развитию оседлости и земледелия у казахов, в определенной мере ограничивали произвол феодально-родовой знати в отношении бедняков – казахов, вводя выборное начало для формирования органов общественного самоуправления и представляя активное избирательное право сравнительно большому количеству казахского населения, в отличие от предыдущих законодательных актов, которые предоставляли активное избирательное право только представителям феодально-родовой знати ...» [50, с.129, 130]. И далее отмечает, что реформами в Казахстане была создана несколько упорядоченная система управления.

Исследователь Б. Абдрахманова считает, что «в начале 60-х годов представителями местной Оренбургской и Сибирской администраций все настойчивее высказывалась мысль о ненадежности системы управления в решении ряда экономических и политических проблем края, о необходимости радикальных административных преобразований. Подчеркивались специфические черты социально-экономического устройства казахского общества, признаки глубоких изменений, которые проявлялись в результате уже более чем векового влияния России на это общество, что требовало, по мнению администраторов, реорганизации управленческой системы в целом»

[77 , с. 95, 96]. По ее мнению, осуществление реформы 1867-1868 годов «позволило создать более прочную, разветвленную систему государственных учреждений.... Новая административная система... была приближена по форме к системе органов управления во внутренней России пореформенного периода... Это свидетельство буржуазно – реформаторских настроений правящих кругов России 60-х годов XIX века» [77, с.128].

На наш взгляд, автор изучив историю создания российских органов власти и управления в XIX веке в Казахстане, высказал мнение, близкое к взглядам К.А. Жиренчина.

Специалист по истории Казахстана нового времени С.К. Жакыпбек посвятил реформам 1867-1868 годов две статьи. По его мнению, законы 1867-1868 годов имеют особое значение в истории Казахстана. Они прочно закрепили колониальное положение Казахстана, создав здесь военно-оккупационный режим. Хотя подчеркивает автор, в свое время царские сатрапы возвеличивали их значение, выдавали их как огромной важности исторический документ, принесший казахам благо, процветание и счастье. Внедрение указанных законов в жизнь принесло казахам разорение, обнищание, много горя и страдания. Народ лишился свободы, потерял самые лучшие, плодородные земли и подвергся бесчеловечной эксплуатации, а страна – грабежу [60].

Смелое высказывание С.К. Жакыпбек созвучно современному подходу к исследованию имперской политики царизма в Казахстане. Как нам известно, позиция данного историка выработана в ходе кропотливого и добросовестного труда с источниковедческим материалом. Мы полностью поддерживаем его мнение.

Известный ученый С.М. Машимбаев, занимающийся историей государственных учреждений России в Казахстане с 30 годов XVIII века по 1868 год, справедливо отмечает, что главная цель Российской империи – покорение края. Поэтому «в ходе административно – управленческих реформ конца 20-х и 60-х годов XIX века, Россия почти полностью реорганизовала казахскую социально-политическую систему в соответствии со своим экономическим потенциалом, изменив и разрушив ее содержание и исключительность. Российское правительство посредством института биев хотело построить дешевую и приемлемую для кочевого народа судебную систему, но в связи с объективными обстоятельствами подчинила ее своим имперским интересам и целям. В итоге эта судебная система стала частью общей системы российского управления на местном уровне» [40].

По нашему мнению, с автором трудов, что особенно важно, написанных на казахском языке, нельзя не согласиться. Его имя можно уверенно называть в числе ученых, активно исследующих имперскую проблематику.

Автор труда «Этническая территория казахов в XVIII – начале XX веков, считает что «разнородность управления казахскими землями (дистанции, области, округа)... требовала приведения его в однородную систему, близкую к управлению в России ... Окончательный переход к общероссийской системе управления начал осуществляться с 25 марта 1891 год, когда вступило в

действие «Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской» [78, с.27]. Действительно, принятые в начале XIX века реформы, постепенно вводили российскую власть. Сначала в Среднем, затем Младшем и Старшем жузах.

Далее, известный омский историк А.П. Толочко, продолжил мысль казахстанского ученого М.С. Муканова. Он пишет: «Общие принципы внутреннего управления Российской империи уже в существенной степени были распространены на территорию Казахстана и его населения административной реформой 60-х годов XIX века». Затем подчеркивает, что «Степное положение 1891 года как бы завершило процесс реорганизации здесь системы управления с учетом общероссийских принципов административного устройства» [107, с. 42].

Правы, авторы коллективной монографии сотрудников Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, высказывая свое отношение к различным законоположениям. Так, они пишут: «Введение на окраинах российской системы управления в различных модификациях для XVIII и XIX вв. в определенной мере зависело от опыта, приобретенного в других, ранее присоединенных территориях, главным образом в Поволжье, Сибири и на Кавказе» [100 с. 277].

Заслуживает внимания мнение российского историка А.В. Ремнева. Он в своей статье «Степное генерал-губернаторство в административных планах самодержавия конца XIX – начала XX вв.», пишет «Временное положение 1868 года, продолжавшее действовать вызывало массу нареканий на местах. Поэтому необходимо было не только согласовывать законы, но и провести реформу, которая бы внесла существенные коррективы не только в административный строй окраины, но и позволила выстроить новую систему организации суда, сбора налогов, землепользования и направления колонизационных потоков из внутренних губерний империи» [107, с. 36].

Исходя из выше изложенного, мы можем сделать следующий вывод: исследователи реформ 1867-1868 годов рассматривали «Временные положения» как переходный этап к более совершенным и упорядоченным законам Российской империи.

Временные положения 1867-1868 годов должны были способствовать выполнению главной задачи царизма – постепенного слияния окраин с остальными частями империи, возможности постепенного введения централизованной системы управления по российскому образцу, закрепление колонизационного положения Казахстана.

Интересным для исследователей является то, что вопрос совершенствования системы управления в Казахстане, поднимала администрация Российской империи. Например, А.К. Гейнс, один из авторов Временных положений, считал, что проведение реформ показало, как административное устройство в казахских степях не совершенно и не удобно для управления. Также, он указывал, что введение реформ привело к изменениям в повседневной жизни казахов, к разорению их хозяйств, грабежу и насилию со стороны русской власти и сопротивлению казахов.

Еще в ходе подготовки реформ А. Гейнс высказывался против введения русской политической системы управления сразу, считая, что казахи еще не готовы к принятию русской власти. Далее подчеркивал, что жизнь киргизов до такой степени оригинальна, что не подходит ни под одну форму русской жизни [2].

Действительно, жизнь казахского народа по законоположениям царской России, принесла ему много вреда, горя и несчастья.

Близкое к мнению А. Гейнса было отношение к реформам 1867-1868 гг. Л.Г. Сенявина, управляющего Министерства Внутренних Дел, который свое несогласие с введением Российского государственного управления объяснял тем, что казахский народ отсталый, неразвитый, дикий, поэтому не готов к подчинению русской власти. По его мнению, «русское государство постепенно должно было готовить их к новому управлению, не вмешиваясь во внутренние дела казахов. Управление ими должно быть внешнее под строгим контролем российской администрации». Он подчеркивал, что необходимо время для достижения цели – удобного и полезного России подчинения государственного устройства казахов, их культуры, сознания. Далее русский чиновник утверждал, что «им необходимо будет только наблюдать за действиями, смотреть, чтобы не было каких-нибудь важных злоупотреблений, пресекать всякие в степи беспорядки, вселять в киргизах повиновение и покорность и т.п. Сия система, без сомнения, есть самая лучшая и вполне сие убеждает долголетний опыт» [96, с. 251].

Высказывание Л. Сениявина показывает истинную цель политики Российской империи в Казахстане: подчинение, повиновение и покорность казахов.

Особого внимания требует и дает повод для размышления, мнение Оренбургского генерал-губернатора Кржижановского, которое он высказал в 1869 году: «Отныне киргизская степь становится действительно русской территорией ... Отныне киргизы будут повиноваться русской власти».

На наш взгляд, чиновник доволен принятием Временных положений 1867-1868 годов, которые законодательно закрепили имперский статус России и соответственно колониальный – Казахстана.

Исследователь периода колонизации Туркестанского края К. Кайсар в своем исследовании «История Туркестанского края в эпоху царизма» пишет о том, что в отчете о ревизии Туркестанского края сенатора К.К. Палена указывалось: «Надо дать свободный доступ производительным силам русского народа. Надо покончить с кочевым бытом, тормозящим развитие государства. Кочевое скотоводство есть анахронизм, с которым государство должно решительно покончить» [94, с. 160]. Здесь же автор приводит особое мнение действительного статского советника Крюкова, высказанное им в ходе работы ревизионной комиссии. «... В США, выдвинув индейцев в известные границы, был решен Земельный вопрос ..., единственный практический способ разрешения земельного вопроса – это отыскать землю русским людям, поэтому мы должны выдвинуть всех сибирских инородцев в известные границы, тогда

получено будет возможность распоряжаться свободными землями ...» [94, с.160].

Здесь также прослеживается ярко выраженный взгляд колонизатора на решение самого важного и жизненного вопроса любого народа – вопроса о Земле.

На наш взгляд, мнение знатока кочевой цивилизации казахов, ученого Н. Масанова, очень актуально на все периоды развития казахского общества и может служить доказательством ошибочности мнений русских чиновников. Так в своем последнем интервью Н. Масанов отмечал: «... многие исследователи анализируют проблему кочевничества в отрыве от реальностей жизни казахского общества. Ведь 50 % территории Казахстана составляет пустыня, 25 – полупустыня, 20 – степь, и только 5-7% - лесостепь. Для того чтобы заниматься, например, неполивным земледелием, требуется 400 мм атмосферных осадков в год, тогда как в Казахстане их в среднем почти вдвое меньше. Совершенно очевидно что в таких условиях можно было заниматься только кочевым скотоводством. Это был единственный способ адаптации человека к сложным природно-климатическим условиям региона. Попытки некоторых исследователей представить дело таким образом будто бы казахи кочевали только потому, что это было их субъективным желанием или чьей-то злой волей, являются абсолютной чепухой ...» [108].

Разные мнения высказывались при подготовке реформ, обсуждении проектов, затем введении и нескольких лет управления в Казахстане. Хотя, конечно, цели преследуемые чиновниками сводились к одному – колонизации казахских земель, использование богатств для развития промышленности России и духовное подчинение казахского народа. Конечная же цель – создание единой России, единой веры, единого народа.

Высказывания русских колониальных чиновников о новой системе управления в Казахстане между собой отличались лишь в части времени введения и низового звена колониальной администрации. А что касается главного: цели и задачи, обеспечивающие господство России в Казахстане, они были едины. Иначе и не могло быть. Проект реформы составлялся высокопоставленными русскими военными чиновниками, колонизаторами, без учета мнения и интересов казахского народа. Казахская аристократическая знать в своем подавляющем большинстве не возражала, а наоборот, поддержала проект реформы, чтобы угодить колониальной администрации и с ее помощью сохранить свое господствующее положение в обществе.

В России, как и в других колониальных державах, народы, заселявшие ее, были лишены всякого участия в издании законов или же их обсуждении. Также были лишены права требовать отчета от царских чиновников, жаловаться на них, обвинять или же проверять их действия. Права историк Е.В. Безвизонная, определяя «особый статус российских чиновников в степном пространстве» [107, с. 73]. По этой причине, мнения различных деятелей как казахского, так и русского народов остались на бумаге.

Мы согласны с мнением исследователя реформ II половине XIX века Жакыпбек С.К. о том, что с самого начала своего проникновения и господства в

Казахстане здесь царизм создавал и укреплял органы колониальной власти. Особым периодом в этом процессе было введение реформ 1867-1868 годов. Но со временем стало выясняться, что многие вопросы во «Временных положениях», даны в общих чертах, кратко, а некоторые вопросы, не нашли в них отражения. К тому же еще произошли серьезные изменения в административно-территориальном делении казахских земель. До 1882 г. Акмолинская и Семипалатинская области находились в ведении Западно-Сибирского генерал-губернаторства. А в 1882 г. эти две области вместе с Семиреченской областью, выделенной из ведения Туркестанского генерал-губернаторства, вошли в состав вновь созданного Степного генерал-губернаторства [51, с. 41].

Поэтому в старые законы надо было вносить коррективы, дополнения или же принять новые законы, для решения проблемы управления Казахстаном с расширением и усилением прав генерал-губернаторов и других колониальных чиновников, с учетом всех изменений, произошедшие в жизни колониального Казахстана в 70-80 гг. XIX века. Опыт деятельности колониальной администрации за этот период также привел к необходимости принятия таких законов вместо «Временных положений» 1867-1868 гг.

Таким образом, анализ структуры «Временных положений», различных мнений ученых по рассматриваемому вопросу, взглядов отдельных чиновников русской администрации, дают нам возможность сделать следующие выводы:

1) реформы 1867-1868 годов охватили всю территорию Казахстана и преследовали цель – превращение его в колонию Российской империи. Казахи всех трех жузов потеряли свою независимость;

2) структура «Временных положений» доказывает, что оба закона более или менее унифицированы в решении вопроса управления: административно-территориальном делении края, о правах и обязанностях колониальных чиновников и местного населения, определении размеров налогов, порядке их взимания. Есть только некоторые различия;

3) реформы принимались с учетом исторической ситуации, сложившейся в 60-х годах XIX века. Проблема подчинения территории Южного Казахстана, затем и среднеазиатских ханств требовала от русской власти поспешного законодательного утверждения здесь своей власти. Поэтому реформы назывались «Временными положениями», введенными на два-три года и свидетельствовали о необходимости дальнейшего совершенствования системы управления в Казахстане;

4) опыт деятельности колониальной администрации остро ставил вопрос о расширении и усилении прав чиновников всех уровней;

5) неточность и отсутствие многих вопросов во «Временных положениях» также подтверждали мнение о необходимости улучшения законов Российской империи в Казахстане, для достижения основной цели реформ;

6) полноты и охвата всех сторон жизни многонационального Казахстана возможно было с принятием более совершенных, кратких и удобных законов;

7) изменения в административно-территориальном делении казахских земель, завоевание среднеазиатских ханств также требовали от правительства Российской империи прогресса в подготовке и принятии новых положений.

1.2 Создание и деятельность комиссии по подготовке Степного положения 1891 года

При рассмотрении проектов Положений 1867-1868 годов Степному и Туркестанскому генерал-губернаторам был назначен двухлетний срок для разработки постоянных Положений об управлении этих двух генерал-губернаторств. Но подготовка Положений продолжалась значительно дольше. Только в 1886 и 1891 годах были утверждены окончательные тексты Положений для Туркестанского и Степного генерал-губернаторств.

Положение об управлении пяти областей Степного края было принято позже, чем аналогичное Положение по Туркестанскому краю.

11 июля 1881 года было упразднено Оренбургское генерал-губернаторство, 18 мая 1882 года – Западно-Сибирское генерал-губернаторство. По указу царя 28 мая 1882 года было создано Степное генерал-губернаторство и введена должность Степного генерал-губернатора, которому подчинялись Акмолинская, Семипалатинская, Семиреченская области, последняя была изъята из ведения Туркестанского генерал-губернаторства.

Функции Степного генерал-губернатора не были четко определены, включали особые права по военно-административному управлению в Семиреченской области Туркестанского генерал-губернаторства, а в остальных областях определялись Временными Положениями 1867-1868 гг.

Степное положение было подготовлено и утверждено в виде закона Российской империи под названием: «Положение об управлении Акмолинской, Семиреченской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской областями» 25 марта 1891 года. В России в XIX - начале XX века некоторые законы принимались в виде Положений, которые «явились формой законодательного акта, определявшего деятельность государственных и частных учреждений, организаций, правовое состояние отдельных сословий, порядок управления некоторых регионов» [109]. Например: «Положение об управлении Оренбургскими казахами» 14 июня 1844 года, «Временные положения 1867-1868 годов», «Положение об управлении Туркестанским краем» 12 июня 1886 года, «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» 12 июня 1890 года, «Положение о выборах в Государственную Думу» 9 августа 1905 года и другие.

При подготовке Степного положения был учтен опыт разработки предыдущих законов и их результаты. Если Уставы 1822-1824 годов готовились отдельными чиновниками – Генерал-губернаторами М. Сперанским и П.Эссеном, то последующие законы – Положения, разрабатывались целыми комиссиями. Так, для подготовки Положений 1886 и 1891 годов к работе привлекались: чиновники-администраторы, «знатоки» казахской степи-военные и ученые. При подготовке реформы 1886 года было образовано даже несколько

комиссий в 1871, 1883, 1886 годах и возглавляли их разные чиновники: Кауфман, Колпаковский, Гирс, Игнатъев.

Работая над разработкой проектов Положений 1886 и 1891 годов, комиссии учитывали такие вопросы, как территория, состав и основной вид деятельности большинства населения, отношение к религии, близость или дальность расположения областей от границы Российской империи.

Генерал-губернаторами Степных областей, за период с 1882 по 1917 годы были шесть чиновников высшего эшелона власти: Г.А. Колпаковский (1882-1889); М.А. Таубе (1889-1900); Н.Н. Сухотин (1901-1906); И.П. Надаров (1906-1908); Е.О. Шмидт (1908-1915); Н.А. Сухомлинов (1915-1917) [110]. Они в своих отчетах, донесениях, рапортах докладывали в разные инстанции о том, что: степные области представляют кочевое и полукочевое население и до прихода русских казаков и крестьян-переселенцев, население края было однородным, киргизским. В Туркестанском крае проживает в основном оседлое, многонациональное население (киргизы (казахи), узбеки, дунгане, уйгуры, таджики). Территория Степного края больше, чем Туркестанского. Туркестанский край находится в пограничной с Китаем зоне, здесь переплетаются интересы России и Англии. Степные области располагаются на границе с Россией, поэтому влияние Российской империи в крае значительное, население частично русифицировано, опыт колонизации накоплен достаточный, поэтому, по мнению генерал-губернаторов, особой опасности нет.

По сравнению с степными областями Казахстана, Туркестанский край был завоеван в 40-60-х г. XIX века. Поэтому волнения, разногласия и опасения со стороны чиновничества царской администрации были вполне закономерны и понятны. Также при подготовке проекта Степного положения учитывалось и то, что население Туркестанского края более религиозное, исламизированное, чем население северных областей, где ислам вытеснялся христианизированным населением и активно велась пропаганда и агитация православия русскими миссионерами. Царской России необходимо было закрепиться на территории Казахстана и среднеазиатских ханств, не допустить объединения народов, не потерять богатую землю и территорию, открывавшую ворота в Центральную Азию. Поэтому для дальнейшей колонизации края необходимы были новые, более усовершенствованные, упорядоченные и приспособленные к новым историческим условиям и возможностям России законы, над составлением проектов которых и работали комиссии в Туркестане - с 1871 года, в Степном крае – с 1883 года.

Вопрос о преобразовании управления Туркестанского края признало почти одновременно «необходимым принять меры к улучшению существовавшего до того времени неопределенного, переходного порядка управления степными областями. В 1883 году Госсовет, рассмотрев представление Министерства Государственных имуществ об учреждении управления государственными имуществами в Западной Сибири, указал на то, что существовавший в степных областях порядок управления крайне ненормален, и что к прекращению дальнейшего его существования должны быть направлены самые энергичные усилия правительства» [111, л. 95]. Для составления законодательного

«предположения» об устройстве административных учреждений и судебной части в областях Степного генерал-губернаторства были созданы комиссии.

Разработка проекта Степного положения 1891 года началась с работы комиссии в областях под руководством областных губернаторов, затем в Омске-Объединительной комиссии под председательством М. Курбановского, в Петербурге – Особой комиссии, возглавляемой В. Плеве.

После окончания работы комиссии в областях, подготовку проекта Степного положения с 4 марта 1883 года «угодно было возложить на комиссию», под председательством Акмолинского Вице-губернатора, Действительного Статс-Советника М. Курбановского, целью которой было «пересмотр действующих... Временных положений об управлении в степных областях, одного для Семиреченской области и другого – для областей Акмолинской и Семипалатинской, составление общего Объединительного проекта Положения об управлении в областях Степного Генерал-губернаторства» [111, л.84]. В состав комиссии вошли: управляющий Омской контрольной палатой, Действительный Статский Советник Е. Стеблин-Каменский, Акмолинский областной прокурор Э. Константинов, чиновник особых поручений при Степном генерал-губернаторстве, полковник О. Усов, секретарь Акмолинского статистического комитета И. Козлов, Омский полицмейстер, коллежский асессор А. Туполев. Состав комиссии, в основном, по причине обсуждения различных вопросов или по состоянию здоровья чиновников, менялся. Так к работе привлекались: Семипалатинский Вице-губернатор, Действительный Статский Советник В. Чернавин, чиновник особых поручений Министерства финансов, Действительный Статский Советник Павлов-Сильванский, начальник отделения Семиреченского областного правления, коллежский асессор П. Селицкий, военно-окружной инспектор Омского военного округа, Действительный Статский Советник Соколов и другие. Для обсуждения и принятия предложений об устройстве финансовой части была образована специальная комиссия в составе Действительных Статс-Советников Е. Стеблина-Каменского и Павлова-Сильванского, также чиновника особых поручений при Генерал-губернаторе Статс-Советника Тюфяева. Возглавлял комиссию сам М. Курбановский. При решении вопроса границ областей, к работе комиссии привлекались: начальник геодезистского отдела Омского Военного округа, полковник Мирошниченко, начальник отделения канцелярии Степного генерал-губернаторства, коллежский асессор Лосевский и секретарь Акмолинского статистического комитета, асессор И. Козлов.

В приложении В. приведена таблица, по которой можно ознакомиться с порядком обращения к различным чинам и определить к какому классу государственной службы можно отнести русских чиновников. «Следует оговорить, что в официальных документах XIX века нередко даже фамилии высших должностных лиц указывались не только без имен и отчеств, но даже без инициалов, поскольку их как бы заменяли частные титулы» [112, с.56].

18 мая 1884 года Г. Колпаковский пишет письмо Е. Стеблин-Каменскому «Продолжительная служба Вашего превосходства в здешнем крае и обширное

знакомство с экономическим и этнографическим состоянием его побуждают меня покорнейше просить Вас для большего и полезнейшего успеха принять участие, в качестве члена, в трудах учрежденной мною Комиссии по составлению Объединительного проекта Положения в вверенных мне областях» [113, л. 29]. 30 мая 1884 года Е. Стеблин-Каминский телеграфировал о своем согласии.

Комиссия, при составлении проекта Степного положения 1891 года, рассмотрела большое количество документов, о чем 17 декабря 1884 года писал Степному генерал-губернатору Г. Колпаковскому, председатель комиссии М. Курбановский. Так, были изучены действовавшие в этот период Временные положения 1867-1868 годов, проекты Положений об управлении: Туркестанским краем 1881 года; степными областями Западной Сибири 1875 года; Тургайской областью; разного характера Записки: об устройстве управления в Семиреченской области, составленная в 1883 году комиссией под председательством Семиреченского военного губернатора; две особые записки об устройстве местного управления в степных областях. Комиссия рассмотрела материалы переписок: Акмолинского областного правления и Главного Управления Западной Сибири по предложению Уральского губернатора об увеличении кибиточной подати с киргизов; по военному ведомству; об устройстве медицинской части в Сибирском казачьем войске. Изучила статистические сведения о положении степных областей по отчетам военных губернаторов и статистических комитетов. Также дела: о движении делопроизводства в областных правлениях; о судебных и следственных делах, как в областных правлениях, так и судей и следователей степных областей с 1878 по 1883 годы; о доходах и расходах по степным областям и губерниям Тобольской и Томской и по некоторым их уездам. При подготовке закона чиновники обращались к донесениям, непосредственным сообщениям и личным отзывам военных губернаторов и некоторых уездных начальников по разным частным вопросам и предложениям, касающиеся устройства местного управления. Члены комиссии проанализировали «Временные правила, проектированные в Министерстве Юстиции, порядок устройства судебной части в Уральской области; действующие узаконения о судопроизводстве в Закавказском крае; Положение об общественном управлении в казачьих войсках 13 мая 1870 года. «Кроме того..., комиссия при обсуждении каждого предмета, входящего в проект Положения...» руководствовалась «общими узаконениями относительно тех предметов, действующими в губерниях, управляемых по общему учреждению, на что и сделаны указания в надлежащих статьях объяснительных записок» [114, л. 70].

В ходе работы комиссии высказывались различные мнения, предложения, отзывы по отдельным главам или же в целом о проекте закона. Так, в комиссию по составлению Объединительного проекта положения об управления Степными областями 22 мая 1884 года было подано «особое мнение члена комиссии... по поводу штатов Областного, Полицейского и уездных управлений Семиреченской области, начальника отделения Семиреченского областного Правления Титулярного Советника П. Селицкого», где он

«ходатайствует и дает дополнительные разъяснения с подкреплением точных данных... о несостоятельности «допущенных комиссией изменений в штатах» [115, л.82–83]. П. Селицкий выразил свое несогласие с мнением комиссии по вопросу исключения из штатов областного правления чиновника особых поручений по горной части с содержанием 2000 руб. в год, объясняя, что должность необходимо оставить для развития частной горной промышленности. Чиновник высказывая такое мнение опирался, во-первых, на «Временные положения» 1867-1868 годов, где в подразделе «Областные правления» § 33 (1867 г.) было записано, что для организации дел по горной части определяется чиновник особых поручений. В § 37 (1868 г.) членами областного правления кроме прочих чиновников были учреждены чиновники по горной и лесной части. Во-вторых, на составленный в 1883 году Семиреченской областной комиссией проект штатов управления Семиреченской области, где это должность была сохранена. В-третьих, на свой опыт работы в Семиреченской области и отдаленность её от центра Степного генерал-губернаторства, что в свою очередь не привлекало интересы и капитал крупных промышленников. Развитие горной промышленности в области возможно было, по мнению П. Селицкого, усилиями мелких частных предпринимателей. Чиновник особых поручений по горной части в областном правлении помог бы, сэкономить время и деньги мелкой буржуазии, организуя их деятельность. Далее он ходатайствовал о сохранении строительного отделения в Семиреченском областном правлении, для организации почтовых станций, возведения мостов, улучшения и проведения, новых дорог, возведения оросительных каналов в области, дальнейшей колонизации и сооружения различных построек чиновникам. Высказал суждение о необходимости сохранения окладов чиновникам областных, уездных и полицейских управлений области, где были бы учтены расходы на медикаменты, пенсионные, госпитальные, инвалидные и далее рассуждал о хозяйственных расходах управления, считая, что жизнь в Семиречье обходится намного дороже, чем в других областях Степного края. Выделяемые из казны 8500 рублей крайне не достаточны. Например, отпускаемые на хозяйственные нужды уездных управлений 800 рублей ничтожны, необходимы не менее 2000 рублей. Соображения П. Селицкого были подшиты в дело «О работе Объединительной комиссии», как особое мнение члена комиссии.

Конечно, мнение П. Селицкого было интересным и полезным для русского государства. Но, ставка его на мелкую буржуазию, на наш взгляд, было ошибочным. Поэтому, возможно, комиссия на развитие горной промышленности в Семиречье, не согласилась.

28 ноября 1884 года Степным генерал-губернатором Г. Колпаковским в Комиссию была передана «Копия с записки и.д. Акмолинского губернатора о преобразовании Акмолинских областных ведомостей в орган Степного генерал-губернаторства», где главное внимание комиссии обращалось на необходимость внесения в проект Положения особых должностных лиц в состав редакции газеты «Акмолинские областные ведомости», учесть расходы на наем писцов, канцелярские расходы, вознаграждение сотрудников и

репортеров. На что комиссия в составе М. Курбановского, Е. Стеблина-Каминского, О. Усова, А. Константинова, И. Козлова ответила, что особая должность редактора и расходы по содержанию печатного органа областных правлений внесена в проект Положения с учетом утвержденных таковых в Общих губернских правлениях. Вопрос преобразований «Акмолинских областных ведомостей» в орган Степного генерал-губернаторства, по мнению Комиссии, преждевременный, так как еще не определено местопребывание центрального управления краем. Поэтому решать проблему изменения статуса областного и официального органа Степного Генерал-Губернаторства необходимо тогда, когда такие изменения будут приняты, а «заведывание изданием его удобнее было бы предоставить непосредственно и исключительно центральному управлению, как это делается ныне и предположено по последнему проекту 1881 года в Туркестанском крае, но в таком случае, в предупреждение совершенно излишнего перепечатывания одних и тех же известий, в центральном органе и в местных областных ведомостях, надлежало бы соответственно сократить программу сих последних» [111, л.84].

Действительно, без решения вопроса о главном городе Степного края, определять место печатных органов в области было бы поспешным решением. Ведь готовился новый закон, который охватывал все стороны жизни населения степных областей Казахстана.

Объединительная комиссия составила «... Положения, относящиеся к устройству администрации, хозяйства и суда, с объяснительными к ним записками» [111, л.82]. Проект Положения состоял из двух разделов. Первый – Учреждения общие, второй – Местное управление. Каждый из разделов был объединен в три подраздела: по администрации, по хозяйству, по суду. Подразделы имели несколько глав.

Комиссия составила и своевременно представила «Записки об учреждении двух новых уездов – Зайсановского в Семипалатинской области и Джаркентского – в Семиреченской, в составлении последней принимал участие подполковник Генерального штаба Тихменев» [111, л.86].

Комиссией не были рассмотрены только два вопроса: «О школах в степи», «О поземельном пользовании и владении», по причине их сложности, разного решения ее в областях Степного Генерал-губернаторства и необходимости, в дальнейшем обсудить по частям, Особой комиссией в Петербурге.

М. Курбановский 16 июня 1884 года, выслал в канцелярию Степного генерал-губернаторства «по девяносто печатных экземпляров первой главы проекта Положения об управлении в областях Степного генерал-губернаторства, с объяснительной к нему запиской об устройстве финансовой части». 31 августа этого же года председатель комиссии по составлению объединительного проекта Положения имел «честь препроводить ... по восемьдесят экземпляров проекта Положения о местном управлении в областях Степного генерал-губернаторства и объяснительной к нему записки и по сколько же экземпляров особого мнения членов комиссии: управляющего Омскою контрольною палатою, Действительного статс-советника Е. Стеблина-Каменского и начальника отделения Семиреченского областного правления,

коллежского асессора П. Селицкого – по первой главе проекта Положения и штатам» [115, л.82-83]. Много или мало. На наш взгляд, достаточно.

Также, 21 сентября 1884 года были переданы в канцелярию «по семидесяти пяти печатных экземпляров особых мнений члена комиссии П. Селицкого» об общественном управлении туземцев и об устройстве народного суда в Семиреченской области.

23 ноября 1884 года были готовы проекты Положения об управлении духовными делами киргизов, с объяснительными записками, формами метрических книг и описания границ областей Степного генерал-губернаторства, каждый по семьдесят печатных экземпляров. Все документы были высланы в канцелярию Степного генерал-губернаторства.

Свою работу комиссия закончила в 1884 году 20 декабря, свидетельством чего является приказ по Степному генерал-губернаторству, в котором выражалась «благодарность председателю и членам комиссии и сообщалось о получении в мае 1885 года отчета о деятельности комиссии под председательством М. Курбановского» [116, л. 128]. Уже 7 января 1885 года, Степной Генерал-губернатор Г. Колпаковский пишет графу Д.А. Толстому, что председатель комиссии М. Курбановский «уволен в четырехмесячный отпуск в Европейскую Россию и просит его зачислить в комиссию, которая будет рассматривать проект нового Положения» [116, л. 128], об управлении в областях Уральской, Тургайской, Акмолинской, Семиреченской и Семипалатинской в Петербурге. Но, Курбановскому не суждено было работать в комиссии Министерства Внутренних Дел, так как 6 мая 1885 года он умер в Петербурге во время отпуска. 28 января 1885 года канцелярия Степного Генерал-губернаторства сообщила в канцелярию Министерства Внутренних Дел о том, когда и какие документы отправлены для разработки нового закона. Сообщалось, что 24 декабря 1884 года были высланы: Положение о поземельном устройстве, о податях, земских повинностях, о местном управлении киргизов с объяснительными записками, 29 декабря – Положение о колонизации с объяснительной запиской, 4 января 1885 года с курьером-казаком М. Колпаковским (однофамилец генерал-губернатора Г. Колпаковского), отправлены несколько проектов Положений: о суде биев, об административном делении областей и три карты Степного Генерал-губернаторства. Всё это говорит о том, что комиссия Министерства Внутренних Дел, под председательством В. Плеве в Петербурге начала работу по подготовке нового Положения по управлению Степным краем сразу же после окончания работы комиссии под руководством М. Курбановского в Омске.

В комиссию, под руководством сенатора В. Плеве вошли: от Военного министерства – Л.Н. Соболев, от Уральского казачьего войска – П.В. Мартынов, Сибирского и Семиреченского – П.С. Щербаков, Оренбургского – И.Н. Стрелковский. От Министерства иностранных дел – Д.Л. Лисовский. От Министерства внутренних дел – И.М. Лазаревский. От Министерства государственных имуществ – В.Г. Тригоров. От Министерства юстиции – С.Г. Щегловитов. От Степного генерал-губернаторства – Н.Л. Мордвинов и другие.

Комиссия начала свои заседания 5 октября 1885 года. Первым вопросом она рассмотрела соображения генерал-адъютанта Свистунова об управлении Семипалатинской областью и распределении ее территории между Акмолинской и Семиреченской областями.

Свистунов предлагал для достижения единства войсковой и областной администрации присоединить северо-западные уезды Семипалатинской области к Акмолинской, а юго-восточные - к Семиреченской области. Вместо трех было бы две области с особым в каждой области казачьим войском во главе с военным губернатором. Он являлся для казачьих войск наказным атаманом. Все уезды, граничившие с Китаем, при этом вошли бы в Семиреченскую область.

Степной генерал-губернатор Г. Колпаковский нашел неприемлемыми предложения Свистунова. Он рекомендовал отделить от Семипалатинской области Павлодарский уезд и от Семиреченской области - Лепсинский уезд, присоединив первый к Акмолинской, последний к Семипалатинской области. Колпаковский считал, что это облегчит губернатору Семиреченской области пограничный надзор, управление Лепсинским уездом и устранил споры между жителями смежных волостей. Оба проекта комиссия отвергла.

При этом Госсовет указывал, «что существующий в степных областях порядок управления крайне ненормален, и что к прекращению дальнейшего его существования должны быть направлены самые энергичные усилия правительства» [117, л.47]. Поэтому и была создана Особая, под председательством Государственного Секретаря, Статс - Секретаря В. Плеве «комиссия из представителей всех подлежащих ведомств, которая окончила возложенную на нее работу в 1888 году» [118, л.1].

В «Записке» к объединительному проекту Положения для Степного генерал-губернаторства, составленной в 1888 году подчеркивается, что все «кочевые народы, во все времена ... жили и живут под родовым началом», «в этом строе они находили не только защиту от врага, но и взаимную поддержку в беде и нужде, т.е. крепкую нравственно-экономическую связь» [119, л.88].

Однако при подготовке «Временных положений» Степная комиссия выступила против родового начала, считая, «что роды, составляя большие и неравномерные административные единицы, раскинуты на значительном пространстве и что соединение большого рода под властью одного родоначальника может быть вредно в политическом отношении». Поэтому роды были разделены на волости (1000-2000 кибиток) и аулы (100-200 кибиток), а управление ими поручено волостным управителям и аульным старшинам, избираемым народом на трехлетний период. Народные судьи, Бии были предложены к избранию на тот же срок. Тем самым, вместо нравственно-экономического блага при выборах укрепились интриги, подкуп избирателей, разлад и разврат в народе.

В «Записке» указывалось: «Учитывая вышеизложенное, «весьма желательно, чтобы родовое начало было опять восстановлено», тогда «киргизское хозяйство прежним своим своеобразным блеском..., продолжится введенная нами дезорганизация кочевого быта - киргизы будут беднеть и развращаться все сильнее и сильнее с каждым годом, а кулачество разовьется

так, что свободнейший из народов закрепостит экономически окончательно и бесповоротно» [119, л.91].

Также подчеркивалось что, «разрушив родовой быт, Степная комиссия, роковым образом разрушила и народный суд у киргизов. Судьи избираются теперь народом в определенном количестве и на определенный срок, снабжаются особыми знаками и книгами для записывания решений, провозглашавшихся прежде устно. Почетный киргиз боится и этих официальных знаков, и этих книг, он не соглашается быть казенным чиновником, подлежащим суду и пересуду за свои действия по службе, привыкнув с незапамятных времен к свободной форме третейского суда ...» [119, л.88].

В самом деле, говоря о форме обычного права, которая существовала повсеместно у киргизов до принятия законов Российской империи, подчеркивается, что она была поразительной «поэтому, ... указывает на недавнюю ещё трогательную чистоту нравов этого народа» [120, л.27].

Именно изменения суда биев по мнению администрации Акмолинского областного правления Степного края являлось для честных и неподкупных киргиз несчастьем, и наоборот, послушным орудием для интриганов. Далее делался вывод о том, что истинными причинами «разорения киргизского хозяйства и развращения чистых и простых нравов» кочевников является разрушение в кочевых уездах родового быта. Восстановление родового начала и народного суда, близких к основам прежнего, уменьшило бы бумажную волокиту. Роль уездных начальников как надзирателей за действиями и родовых почетных киргиз и блюстителей порядка за приведением в исполнение судебных решений, стала бы весьма значительной и уважаемой [120, л.29].

Администрация Тургайского областного правления указывая, что «общественное управление киргизов организовано Временным положением 1868 года аналогично с общественным управлением крестьян», подчеркивала, что у киргизов, основанием общественного устройства является кибитка. Тогда как у крестьян каждый отдельный двор представляет собою хозяйственную единицу. Отдельная кибитка у киргиз не является обособленным хозяйством и каждый кибитковладелец не есть хозяин. Хозяйство у киргизов, соответствующий домохозяйству у крестьян, представляют собой группы семейств, связанных родственными или хозяйственными отношениями и пользуются сообща, как зимними, так и летними пастбищами [121, л.82].

Такое деление киргиз-аулов, соответствуют крестьянскому сельскому обществу. Разница в том, что зимовыми стойбищами аульное общество пользуется сообща. С наступлением весны аулы расходятся в разные места кочевания по обычаям и аульное общество в понимании закона 1868 года не существует. Такое нарушение положения закона не может соблюдать выборность от каждых 10 и 50 кибиток, назначаемых на съезды и не являются представителями определенных хозяйственных интересов, как выборные от домохозяев крестьянского общества. Также чиновники от Тургайской администрации пришли к выводу о том, что «решение самых жизненных для киргиз вопросов и выбор органов, чрез посредство которых действует русская

администрация, перешло во власть учреждений несколько не соответствующим тем началам, на которых существует действительный быт киргизов. Прежний патриархальный строй этого быта был разрушен, а взамен его Временное положение дало искусственные аулы и волости, несостоятельные и в смысле общественно-административном» [121, л.82].

Далее, чиновники Тургайского областного правления подчеркивали 13 летний опыт деятельности, который показал, что «действительные представители народа устранены от общественных дел и выборы отданы в руки людей, уронивших в глазах киргизов самое звание выборного». Поэтому при проведении последующих реформ предлагалось: «упразднить звание десятников и пятидесятников как учреждение чуждое понятиям киргизов и бесполезное», ликвидировать аульное управление, как «несоответствующее бытовым и хозяйственным условиям жизни киргизов». Напротив, «принять единственной единицею общественного управления волость, сохранив ныне существующие волостные учреждения, т.е. волостные съезды, волостных управителей и судебных биев; «волости составлять из отдельных хозяйств, соседственных по местам зимовых стойбищ и летнего кочевания»; «волостные съезды образовать из собрания представителей от всех отдельных хозяйств в волости, т.е. аксакалов», которые решали бы все дела киргиз на съезде аксакалов» [121, л. 84].

Затем, 2 мая 1890 года министром внутренних дел, проект нового закона были представлен в Госсодет, «мнение которого по сему делу удостоилось высочайшего одобрения в 25 день марта 1891 года» [122, л. 40]. Ввести в действие Положение планировалось «с 1 января 1892 года. Между тем, в виду бюджетных затруднений... вызванных неурожаем 1891 года, Министерство финансов высказалось за необходимость отсрочить приведение в действие этой реформы до более благоприятного времени и Министерство внутренних дел не нашло возможным возразить против такового предположения» [118, л.1].

Степной генерал-губернатор барон М. Таубе неоднократно писал Плеве, который исполнял обязанности Министра внутренних дел, о необходимости введения закона 1891 года с 1 января 1892 года для создания возможности «прочной борьбы с искоренившимися здесь непорядками», «в интересах высочайше вверенного ему управлению края» и ввиду «давно ожидаемого краем и срок введения, которого... известен населению». Дабы не быть голословным приводил разные цифровые данные по расходам на содержание штатов управления, о порядке взимания оброчной подати и о «весьма незначительных пожертвованиях, по сравнению с предоставляемым введением нового административного и судебного устройства» [123, л.36].

Далее М. Таубе показал расход по штатам, состоящий из 857, 098 рублей 23 копейки, из которых 196,020 рублей отведены на земские сборы, 18,300 рублей на счет городских и войсковых сумм, остальные – 642,478 рублей, 23 копейки – за счет Государственного казначейства. Касаясь неурожаев, генерал-губернатор писал о том, что они сказались только на положении оседлого населения Петропавловского и Кокчетавского уездов. Кочевое население Степного края способно уплатить налоги, согласно положения 1891 года. По

мнению М. Таубе Министерства внутренних дел на содержании канцелярии Степного Генерал-губернаторства тратит 35,682 рубля, губернаторов областей 37,560 рублей, областных правлений – 150,5564,49 рублей, врачебной части – 55,911,91 рубль, уездных управлений – 242,518 рублей. Всего: 552,241 рубль 40 копеек. По сметам Министерства юстиции – 75,148 рублей. Издержки государства - 597,389 рублей. Пенсионные выплаты равны 10 тысяч рублей. Всего приплата выражалась бы примерно 35 тысяч рублей или по 7 тысяч на одну область. Если же учитывать то обстоятельство, что «...государство с введением Положения 25 марта», получит новый доход, «в виде оброчной подати, определенной по IX статье Положения и исчисляемой по местным соображениям, то приплата выразится в крайне ограниченных цифрах» [123, л.36].

Генерал – губернатор учитывал и то обстоятельство, что «распоряжение об исчислении и взимании налогов в новом виде уже сделано. Новое распоряжение о налогах в отмену сделанных и известных населению приведут к нежелательным толкам и неустойчивости правительственных распоряжений» [123, л. 36].

Из Петербурга последовала телеграмма, которая уведомляла о приостановке введения Степного положения и взимании оброчной подати с 1 января 1892 года. Также, 18 февраля 1893 года из Министерства Внутренних дел, земским отделом по делопроизводству о киргизах в канцелярию Степного генерал-губернаторства поступило распоряжение о признании «необходимым отсрочить переустройство» управления степными областями «не позднее как до последней четверти предстоящего года и внести в сметы исчисленные на означенное преобразование средства по расчету с 1 октября 1893 года, с тем, чтобы назначения по финансовой смете Министерства внутренних дел как по доходам, так и по расходам были определены по сроку до 1 октября на основании существующих узаконений, штатов и постановлений, а с этого времени и до 1 января 1894 года на основании Высочайше утвержденного 25 марта 1891 года «Положения» об управлении степными областями» [96. с. 280].

Мнение главного управителя края не было учтено и Степное положение 1891 года введено с 1 октября 1893 года, хотя уже через несколько лет тот же М. Таубе и военные губернаторы областей, как и алашская интеллигенция поднимали вопрос о пересмотре Положения 1891 года.

Казахская интеллигенция считала, что казахи управляются «на основании особых законоположений», «самых диких и бессмысленных» [11, с.21], чиновники царской администрации желали совершенствования системы колониального управления краем и приспособления аппарата принуждения к новым историческим условиям.

Таким образом, Степное положение 1891 года готовилось несколькими комиссиями: сначала в областях под руководством губернаторов областей, затем с 4 марта 1883 года по 20 декабря 1884 года в Омске работала Объединительная комиссия под председательством М. Курбановского, сразу же после её окончания приступила к работе Особая комиссия Министерства Внутренних Дел, которую возглавил В. Плеве. Завершилась работа в 1888 году.

Второго мая 1890 года проект нового закона был представлен в Госсовет, одобрен и утвержден царем Александром III 25 марта 1891 года. Как в ходе подготовки Степного положения 1891 года, так и после её принятия, не было единого мнения о содержании, сроках и последствиях ее введения в крае. В разные годы в закон 1891 года вводились дополнения и изменения.

Например, из Министерства Внутренних Дел Степному генерал-губернатору 5 декабря 1897 года было выслано постановление утвержденное Госсоветом 11 октября 1897 года, Соединенных Департаментов Законов, Государственной экономии и Гражданских и Духовных дел и общего собрания о дополнении 17 статьи Положения об управлении степных областей. В постановлении указывалось: «В случае значительного усиления в той или другой местности областей Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской следующих преступлений: сопротивления правительственным властям, убийства, разбоев, грабежей, скотокрадства и пристанодержательства, Степному генерал-губернатору предоставляется тех из инородцев, которые по имеющимся у местной административной власти достоверным сведениям об участии их в означенных преступных действиях, оказываются вредными для общественного порядка и безопасности - удалять в избранную для сего Генерал-губернатором местность, в пределах упомянутых областей, с воспрещением всякой из не отлучки в течение определенного срока, не свыше, однако, пяти лет. О каждом таком распоряжении Генерал-губернатор доводит до сведения Министра внутренних дел, с подробным объяснением причин, побудивших его принять эту меру». Постановление было утверждено 17 ноября 1897 года императором [124, л.3].

Так, с 19 ноября 1897 года по 22 декабря 1901 года из Акмолинской и Семипалатинской областей «за скотокрадство на основании закона 17 ноября 1897 года» было выслано 47 человек по 11 представлениям губернаторств двух областей. В 1899 году – 22 киргиза из Акмолинской и 16 из Семипалатинской, в 1900 году – 2 киргиза из Акмолинской и 5 из Семипалатинской, в 1901 году – 2 киргиза из Акмолинской области. Высылались по решению генерал-губернаторов областей из Семипалатинской в Акмолинскую и наоборот, также в отдаленные уезды соседних губерний и областей [124, л.3].

Уже в 1906 году 28 июля Степной генерал-губернатор написал «Записку» Министру внутренних дел «относительно административной высылки киргизов».

В «Записке» главный управитель края указывал, что статья 17 Степного положения 25 марта 1891 года представляла Степному генерал - губернатору право высылать только вредных по политической неблагонадежности инородцев. Но, как отмечает глава администрации, «закон этот оставался без применения за все время его существования так как после Кенесаринского восстания степняки - киргизы в политическом отношении были вполне благонадежны и не подавали поводов к репрессиям. Не имея, поэтому особенного значения для Степного края, упомянутая статья в том виде, как она

изображена в Степном положении 25 марта 1891 года, может быть отменена»[124, л. 64].

Далее генерал-губернатор высказывает мнение о том, что киргизы ходатайствуют не об отмене статьи 17 Степного положения, а об отмене закона 17 ноября 1897 года, дополнившего статью 17, предоставлением Генерал-губернатору права высылки скотокрадов. Предлагает меры для её искоренения: первое, возложить материальную ответственность в пользу потерпевших на киргизские общества, второе, высылать скотокрадов в другие области на определенный срок. При этом он подчеркивает, что от скотокрадства страдает крестьянство. Способствует развитию её, отсутствие полицейских органов, обширные территории края, умышленные бездоказательные действия самих пострадавших киргиз, также ненависть киргизов к переселенцам, которых они считают виновниками сокращения киргизского «землепользования».

В заключение своего размышления по поводу 17 статьи Степного положения, генерал-губернатор И.Т. Надаров признает, что отмена её «по отношению к скотокрадам не только не желательна, но необходимо даже пресечение губительного для благосостояния населения скотокрадства, удовлетворить» [124, л.63].

В 1902 году Земским отделом Министерства внутренних дел был составлен проект Положения об управлении Степных областей, который по мнению Статс – Советника И. Мельникова, необходимо было составить изучив «...через особую комиссию, на месте настоящее состояние киргизских степей, после проведения Сибирской железной дороги, собрать материал по этому предмету в форме статистических, обработанных на месте данных, необходимых для подкрепления выводов о насущных потребностях края» [125, л.36].

В приложении А. мы приводим выдержки из этого документа.

Нельзя не согласиться с мнением автора статьи «Царские законы 1886 и 1891 гг. и усиление колониальной власти в Казахстане» о том, что изменения в административно-территориальном устройстве в 70-80 гг. XIX века, устарелость ряда положений законов 1867-1868 гг. и необходимость совершенствования, улучшения законов по управлению казахских краем в соответствии с требованиями усиливающейся колониальной политики царизма привели к принятию «Положения об управлении Туркестанским краем» от 12 июня 1886 года и «Положения об управлении степными областями» от 25 марта 1891 года [51].

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы:

– главной задачей колониальной политики царского правительства в 1822-1891 годах было объединение подвластных России народностей под одно управление, устранение от власти местной аристократии, ослабление родовых начал, с целью добиться слияния казахских степей с прочими частями России;

– реформы 1886, 1891 годов опирались на десятки законодательных актов царской России, принятых в XIX веке. Наиболее значимыми, в контексте колониальной политики России в Казахстане, были «Устав о сибирских киргизах» 1822 года, «Устав об оренбургских киргизах» 1824 года, «Временные

положения» 1867, 1868 годов, способствовавшие законодательному закреплению превращения казахских земель в колонию России;

– непосредственная подготовка реформ началась после принятия «Временных положений» 1867, 1868 годов. Реформы тщательно прорабатывались чиновниками Российской империи;

– для подготовки Степного положения 1891 года было создано несколько комиссий: сначала в областях, под руководством губернаторов областей, затем под председательством М.А. Курбановского работала Объединительная комиссия. Сразу же после ее окончания приступила к работе Особая комиссия Министерства внутренних дел, которую возглавил В. Плеве. После одобрения в Госсовете, Степное положение 25 марта 1891 года было утверждено императором Александром III;

– реформы 1886, 1891 годов были направлены на дальнейшее закрепление колониального статуса Казахстана, являлись завершающим звеном в колониальной политике Российской империи;

– новые законы, прочно укрепив власть Российской империи в Казахстане, усилили колониальный гнет казахского народа и грабеж его богатств;

– в последующие годы в Степное положение 1891 года вносились дополнения и изменения, усиливающие колониальное положение Казахстана.

2 ПОЛОЖЕНИЕ ОБ УПРАВЛЕНИИ СТЕПНЫМИ ОБЛАСТЯМИ

2.1 Структура, содержание и особенности Степного положения 1891 года

Во второй половине XIX века, в период правления императора Александра II (1855-1881 гг.) Российская империя приняла ряд реформ. В области экономической: отмена крепостного права (1861 г.); в политической: земская и судебная (1864 г.), городская (1870 г.), военная (1874 г.); в духовной сфере: либеральный университетский устав, широкая вузовская автономия (1863 г.), реформа печати, появление «гласности» (1865 г.), либеральная реформа среднего образования (1871 г.). Но, как известно, при Александре III (1881-1894 гг.) были приняты контрреформы. Соответственно в экономической: прекращение временнообязанного состояния крестьян, запрет земельных переделов, консервация общины (1883 г.); в политической: Манифест о незыблемости самодержавия (1881 г.), отказ от плана созыва Земского собора (1882 г.), введение земских начальников (1889 г.), ограничение полномочий земств (1890 г.) и городских дум (1892 г.); в духовной: усиление цензуры печати (1882 г.), новый университетский устав, свертывание автономии (1884 г.), ограничения для «кухаркиных детей» в получении образования (1887 г.).

Эти реформы и контрреформы, касались центральных губерний России. На окраинах же империи были приняты: Временное положение об управлении Семиреченской и Сырдарьинской областями (1867 г.) и Временное положение об управлении Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областями (1868 г.), последствием чего явилась утрата казахами своей независимости. Положение об управлении Туркестанским краем (1886 г.) и Положение об управлении Степными областями (1891 г.) – законы, вводившиеся «всерьез и надолго», действовавшие около 30 лет, до 1917 года.

Известны были эти Положения (законы, реформы) как Туркестанское положение 1886 года и Степное положение 1891 года, в которых были «...охвачены все аспекты расширения и усиления колониальной администрации в Казахстане» [98, с.9].

Законам Российской империи 1886 и 1891 годов подчинялась вся территория Казахстана и Средней Азии. Изменения в административно-территориальном делении казахских и среднеазиатских ханств привели к образованию сначала трех (Туркестанское, Западно-Сибирское, Оренбургское), затем двух (Туркестанское и Степное) генерал-губернаторств.

Как писал известный историк России А.В. Ремнев: «В Азиатской России большие региональные общности были оформлены в генерал-губернаторства, с четко выраженной военно-административной доминантой. Для XIX века можно выделить четыре больших азиатских региона Российской империи: Сибирь, Дальний Восток, Степной Край и Туркестан» [126]. Туркестанское генерал-губернаторство было образовано в 1867 году, Степное генерал-губернаторство в 1882 году. До 1882 года Акмолинская и Семипалатинская области находились в ведении Западно-Сибирского генерал-губернаторства, а в 1882 году эти две области вместе с Семиреченской областью, выделенной из ведения

Туркестанского генерал-губернаторства, вошли в состав вновь созданного Степного генерал-губернаторства. Образование новой системы управления привело к дальнейшему укреплению и усилению колониальной власти в Казахстане и Средней Азии. Анализ структур Положений 1886 и 1891 годов служит тому доказательством.

Для наглядности мы предлагаем сравнительную таблицу (таблица 1) [127].

Таблица 1 – Структура Положений 1886 и 1891 годов

Положение об управлении Туркестанского края 2 июня 1886 года.	Положение об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями 25 марта 1891 года
1	2
I. Введение (1-9) II. Раздел I. Административное устройство (10-116)	I. Введение (1-12) II. Раздел I. Административное устройство (13-100)
Гл. I. Главное управление	Гл. I. Главное управление областей: Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской
Гл. II. Управление отдельными частями: а) управление медицинской частью; б) управление государственных имуществ.	Такой главы нет
Гл. III. Местные административные установления Отд. I. Установления областные. Отд. II. Установления уездные и городские: А. Аму-Дарьинский отдел. Б. Уездное управление. В. Управление в городах. Отд. III. Установления сельские: А. Управление оседлого туземного населения Б. Управление кочевого населения. В. Управление в селениях, населенных русскими лицами, не принадлежащих к туземному населению. Нет	Гл. II. Местные административные установления Отд. I. Установления областные. Отд. II. Установления уездные и городские: I. Уездное управление. II. Управление в городах. Отд. III. Установления сельские: I. Управление кочевого населения. II. Управление оседлого населения А. Управление русских поселений. Б. Управление дунган и таранчей. III. Управление духовными делами инородцев.
Раздел II. Судебное устройство (117-254) Гл. I. Общие положения Гл. II. Судебные установления, действующие на основании общих законов империи. Гл. III. Народный суд.	Раздел II. Судебное устройство (101-118) Действуют правила судебного устройства в Туркестанском крае с изменениями и дополнениями (ст. 102-118)
Раздел III. Поземельное устройство (255-285) Гл. I. Поземельное устройство оседлого населения Гл. II. Поземельное устройство кочевого населения. Гл. III. Поземельное устройство нижних чинов Туркестанского военного округа.	Раздел III. Поземельное устройство (119-136) Гл. I. Поземельное устройство кочевого населения Гл. II. Поземельное устройство оседлого населения. Нет

Продолжение таблицы 1

1	2
Раздел IV. Подати и повинности (285-331) Гл. I. Подать с оседлого населения Гл. II. Подать с кочевого населения Гл. III. Земские повинности.	Раздел IV. Подати и повинности (137-168) Гл. I. Подать с кочевого населения Гл. II. Подать с оседлого населения Гл. III. Земские повинности.
<i>Таким образом</i>	
Разделов 4, статей 331	Разделов 4, статей 168
1886 г.	1891 г.
Примечание - Составлено автором	

Положения 1886 и 1891 годов были более совершенные и удобные для организации деятельности колониальной администрации и явились логическим завершением предыдущих реформ (незавершенных, недоработанных и временных). Следует, имеет ввиду что они разработаны с учетом исторических, национальных и экономических особенностей Степного и Туркестанского краев.

Как видно из таблицы, структуры реформ 1886 и 1891 годов имеют как общее, так и особенности. Названия реформ характеризуют отличия, так как в Положении 1886 указан Туркестанский край, в Степном Положении – название пяти областей. Положение об управлении Туркестанским краем состоит из 331 статьи, а Положение об управлении степными областями – из 168, в два раза меньше. Каждое из Положений состоит из введения, 4 разделов, которые делятся на главы, отделы и статьи. Названия разделов одинаковые: административное устройство, судебное устройство, поземельное устройство и подати и повинности, но главы реформ разные. В Положении 1891 года нет главы « Управление отдельными частями», а в Положении 1886 года, эта глава делится на два отдела: А. Управление медицинской частью, Б. Управление государственных имуществ. Глава «Местные административные установления» первого раздела обоих законов имеет особенности как в реформе 1886 года, так и 1891 года. В Положении 1886 года включен: Аму-Дарьинский отдел, а в Положении 1891 года - отделы « Управление духовными делами инородцев» и «Управление дунган и таранчей».

Судебное устройство в обоих Положениях одинаковое, так как в Степном крае «действуют правила судебного устройства в Туркестанском крае с изменениями и дополнениями» [98, с.244]. Различия указаны в статьях Степного положения отдельно. Первая и вторая главы третьего раздела «Поземельное устройство» имеют много общего, кроме главы «Поземельное устройство нижних чинов Туркестанского военного округа», включенной в Положение 1886 года. В четвертом разделе «Подати и повинности» главы одинаковые, различия в том, что в Положении об управлении Туркестанским краем глава « Подать с оседлого населения» введена в первую главу, в Положении об управлении степными областями аналогичная статья включена во вторую главу. Подать с кочевого населения записана в первой главе.

Анализ структуры Положений 1886 и 1891 годов, не говоря уже об их содержании, приводит нас к мысли о том, что Российская империя подготовила совершенные, удобные и выгодные для колонизации казахских и среднеазиатских земель законы, строго придерживавшие политику в целом, «разделяй и властвуй». Если общее в реформах объясняется колониальной политикой царизма, то различия – учетом российским государством особенностей Степного и Туркестанского краев.

В Туркестанском крае население было оседлым, многонациональным и было привержено исламу, в Степном – кочевое, киргизское, особо не религиозное, поэтому в Положение 1891 года был включен отдельный раздел «Управление духовными делами инородцев», содержание, которого свидетельствует о том, что «...влияние царизма на духовную жизнь казахского народа проявлялась в насаждении русского образования, пропаганде православия, притеснении мусульманской религии» [69].

Территория Туркестанского края меньше, чем Степного. Степные области находились на границе с Россией, тогда как южные области Казахстана и среднеазиатских государств – на границе с Китаем, Ираном и далеко от России.

Юг Казахстана и Средняя Азия вошли в состав Российского государства в 60-70 годах XIX века, а области Степного края с XVIII века. Здесь давно уже хозяйничали русские казаки, крестьяне-переселенцы и весь чиновничий аппарат во главе с генерал-губернатором края.

Россия также всегда должна была помнить об интересах Англии, так как успехи России на Ближнем Востоке в 30-40 годах XIX века вызвали усиленное её противодействие. Лондонская конвенция 1841 года явилась крупным дипломатическим поражением России. Средняя Азия и Казахстан привлекали внимание Англии и России как рынок сбыта дешевого сырья и источник прибыли.

Для установления и подчинения колониальной власти, царское правительство вынуждено было вводить в законы отдельные главы или статьи, с целью привлечения в Казахстан и Среднюю Азию крестьян, казаков, военных и большой штат русских чиновников. «Окраинные чиновники и военные имели гораздо больше возможностей для карьеры (окраинные льготы, возможность получения наград и повышений по службе за особые заслуги), что позволяло им впоследствии занимать видные места в столичной иерархии, влиять на формирование как общей российской бюрократической культуры управления, так и на выработку в целом правительственной политики» [125, л. 9].

Структура и содержание Положений 1886 и 1891 годов подтверждают конечную цель России. Так, один из царских чиновников И. Мельников в своем высказывании определил в каком направлении и к чему должны прийти казахи: «С окончательным попаданием кочующих в русских пределах киргиз под власть России, когда занимаемые ими степи фактически стали русскими провинциями, киргизский народ... должен слиться с русским народом в солидарности интересов, без различия расы, веры и языка..., идти по одной и

той же с русскими стези прогресса и цивилизации... под сенью самодержавия» [125, л.32]. Выдержки из документа приведены нами в приложении А.

Российской империи необходимо было не объединенное казахское общество, а наоборот, раздробленное, разделенное на генерал-губернаторства, области, уезды, волости и аулы. Причем, как это было выгодно русскому государству, поэтому структуры и содержание Положений 1886, 1891 годов имеют, немало общего и отличительного, что характеризует политику России в Казахстане и Средней Азии во второй половине XIX – начале XX века как колониальную.

Как известно процесс введения в Казахстане новой русской системы административно-территориального устройства казахских земель начался с принятием специальных законов в виде Уставов и Положений. Так, в 1822-1824 гг. были введены «Устав о сибирских киргизах» и «Устав об оренбургских киргизах», затем подготовлены «Временные положения об управлении в Семиреченской и Сыр – Дарьинской областях» 1867 г. и «Временные положения об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях» 1868 г.

Так как, Уставы 1822-1824 г. охватывали не всю территорию Казахстана, то, на наш взгляд, правильно будет попытаться показать изменения в административно-территориальном устройстве казахских земель по Положениям 1886 и 1891 гг. в сравнении с Временными положениями 1867 – 1868 гг.

Временные положения 1867-1868 гг. охватывали всю территорию Казахстана и разделили его на три генерал-губернаторства: Туркестанское, Западно-Сибирское, Оренбургское. Положения 1886 и 1891 гг. – на 2 генерал-губернаторства : Туркестанское и Степное. По Временным положениям 1867-1868 гг. в трех генерал-губернаторствах было 6 областей, по две области в каждом. В Туркестанском – Семиреченская и Сыр – Дарьинская, в Западно – Сибирском – Акмолинская и Семипалатинская, в Оренбургском – Тургайская и Уральская области. Букеевская (Внутренняя) орда отошла к Астраханской губернии, Мангышлак вошел в состав Кавказского военного округа . Положения 1886 и 1891 гг. утвердили 8 областей. В Туркестанском крае – 3 (Сыр – Дарьинская, Ферганская и Самаркандская), в Степном крае – 5 (Уральская, Семиреченская, Акмолинская, Семипалатинская, Тургайская). Области, как по Временным положениям 1867 – 1868 гг, так и по Положениям 1886 и 1891 гг. делились на уезды. Количество уездов было разным. По реформам 1867-1868 гг. – 31, по Положениям 1886 и 1891 гг. - 39. Например, по Временным положениям 1867-1868 гг. в Тургайской, Уральской, Акмолинской областях определены по 4 уезда в каждой, в Семипалатинской и Семиреченской по 5, а в Сыр-Дарьинской – 8 уездов. По Положениям 1886 и 1891 гг. – в Сыр-Дарьинской, Ферганской, Акмолинской и Семипалатинской областях - по 5 уездов, а в Уральской, Тургайской и Самаркандской – по 4 уезда, в Семиреченской же области – 6 уездов. Уезды состояли из волостей, волости – из аулов. Но, как во Временных положениях 1867-1868 гг., так и в Положениях 1886 и 1891 гг. указаны не названия и количество волостей и

аулов, а записано следующее: в §58 (§80) Временных положений 1867- 1868 гг. «Кочевое население, киргизы, в каждом уезде разделяются на волости, волости – на аулы» [98, с. 161].

§59 (§81) Временных положений 1867-1868 гг. «Разделение на волости и аулы производится в уездах смотря по местным обстоятельствам, постепенно, или одновременно по всей области и утверждается военным губернатором. В ауле полагается от 100 до 200 кибиток, а в волости – от 1000 до 2000 кибиток».

§108 (§55) Положений 1886, 1891 гг. «Кочевое население в каждом уезде разделяется на волости, а волости – на аульные общества» [98, с. 197]

§109 (§56) Положений 1886, 1891 гг. «Число кибиток, входящих в состав волостей и аульных обществ определяется областным правлением, с тем, однако, чтобы число это не превышало: для волостей – две тысячи, а для аульных обществ – двести кибиток» [98, с.197].

Названия, количество и принадлежность к одной из ступеней административного устройства, как областей, уездов, так и волостей и аулов можно было изменить по решению и ходатайству перед вышестоящим руководством администрации или по указу императора России. Например, после принятия Временных положений 1867 – 1868 гг., в 1869 г. был открыт новый Атбасарский уезд. После введения Положения 1886 г. в 1893 г. появился Джаркентский уезд. Доказательством вышесказанного является и то, что Семиреченская область по Положению 1891 г. была в составе Степного края, но с 1897 г. по указу императора, а на практике с 1899 года, она включается в Туркестанский край.

Таким образом, подготовка и введение Положений 1886 и 1891 гг. привели к значительному изменению административно – территориального устройства казахских земель, к тому же, административное устройство стало более совершенным и удобным. Положения логически завершили предыдущие реформы.

Целью Российской империи было дальнейшее укрепление и усиление колониальной власти в Казахстане, поэтому принятые законы: «Положение об управлении Туркестанским краем» 12 июня 1886 года и «Положение об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями» (Степное положение) 25 марта 1891 года, с некоторыми дополнениями и изменениями действовали до принятия советских декретов 1917 и последующих годов. В указе об утверждении «Положения об управлении степными областями» 1891 года отмечена: сумма, необходимая для содержания штатов управления краем « в количестве восьмисот пятидесяти семи тысяч девяноста восьми рублей двадцати трех копеек» [98, с.227]; сроки введения закона «в действие с 1 января 1892 года» (но из-за нехватки средств в Государственной казне, введена была с 1 октября 1893 года); правила по решению судебных дел; размеры денежных сборов; изменения и дополнения в некоторые статьи законов Российской империи.

Степное положение 1891 года состоит из 168 статей, объединенных во введение и четыре раздела. Разделы делятся на главы и отделы. Введение закона включает 12 статей. В первых десяти статьях Положения сказано о

количестве, названии областей и уездов, их границах в пределах Степного генерал-губернаторства, также определены управление областей, местопребывание областных и уездных управлений. Особо подчеркивалось, что «Управление населением казачьих войск и отдельными частями по ведомству министров; военного, финансов, государственных имуществ и народного просвещения, а также государственного контроля, за исключениями, указанными в сем Положении, определяется общими узаконениями» [98, с. 232].

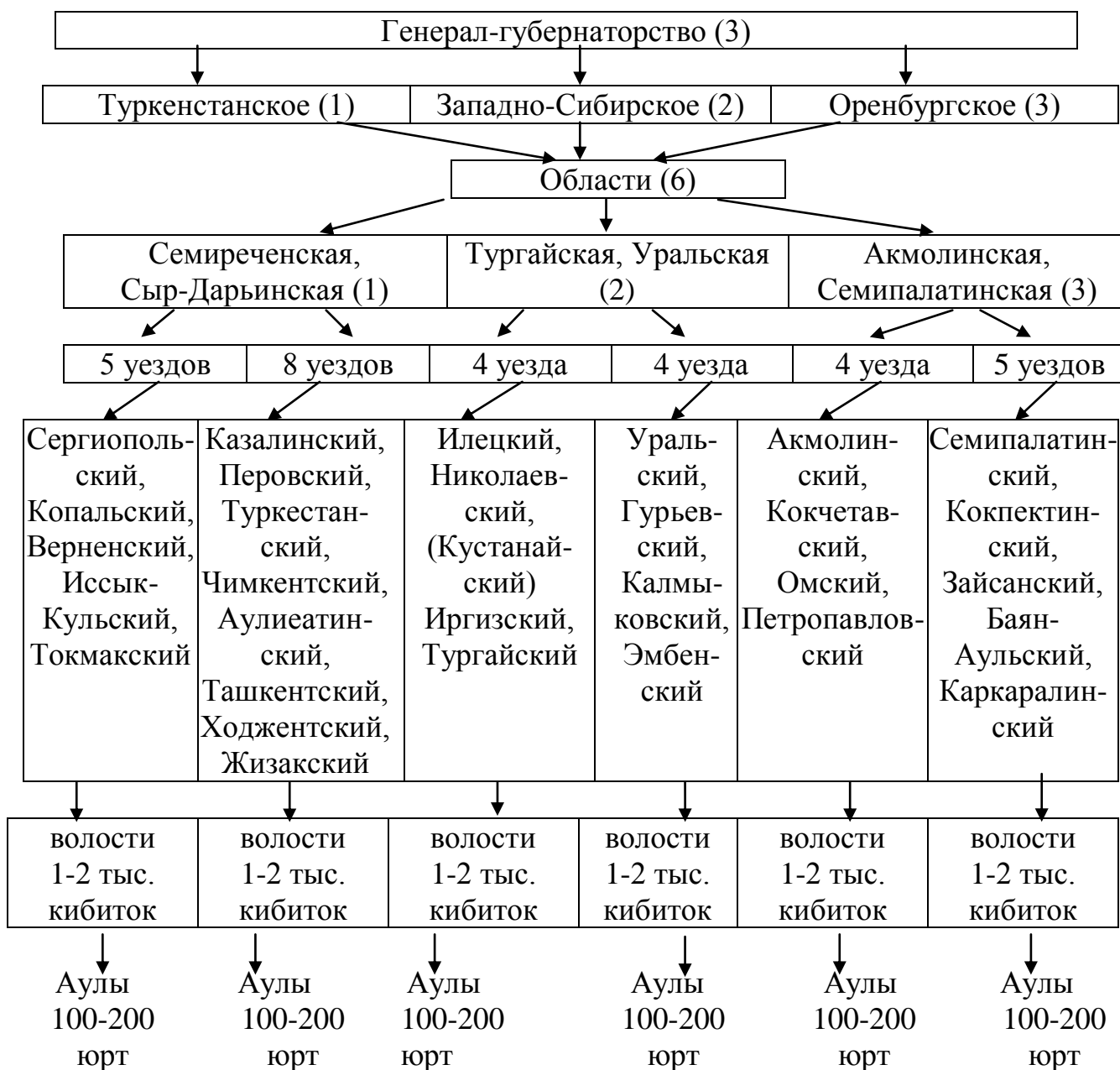
Одиннадцатая статья определила положение казахов степных областей: «Инородцы областей, кочевые и оседлые, пользуются правами сельских обывателей. Права и преимущества, присвоенные другими состояниями империи, инородцы приобретают на основании общих законов» [96, с. 232]. Двенадцатая - узаконивала политику русификации и христианизации казахов степных областей: «Инородцы, принявшие православную веру, приписываются, в случае желанья, к городам и русским селениям, без испрошения согласия обществ и без увольнительных приговоров, причем освобождаются пожизненно от отбывания воинской повинности» [98, с. 243].

Раздел первый, самый большой, называется «Административное устройство» и состоит из 88 статей (13 - 100). Первая глава «Главное управление областей Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской», глава вторая «Местные административные установления», разделены на несколько отделов и подотделов.

В первом разделе отдельно определено «Управление духовными делами инородцев» (97-100), по которым «разрешалось иметь своих мулл по одному в волости», но «утверждение или устранение его от сего звания» [98, с. 243,244] принадлежала военному губернатору. Для строительства мечети необходимо было получить разрешение в Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областях у Степного генерал-губернатора, а в областях Уральской и Тургайской – Министерства Внутренних Дел. Содержать мечети и школы должны были сами казахи. Вакуфы не допускались.

Далее мы предлагаем административно – территориальное деление казахских и среднеазиатских земель по Временным положениям 1867 – 1868 гг. и Положениям 1886, 1891 гг. в виде схемы (схемы 1, 2, 3) . Сравнительные схемы реформ 60 и 80-90-х годов помогут нам наглядно увидеть изменения, введенные Положениями 1886 и 1891 годов на всей территории Казахстана и подтвердить истинную цель проводимых реформ Российской империи.

Временные положения 1867-1868 гг.

Всего: 3 генерал-губернаторства.

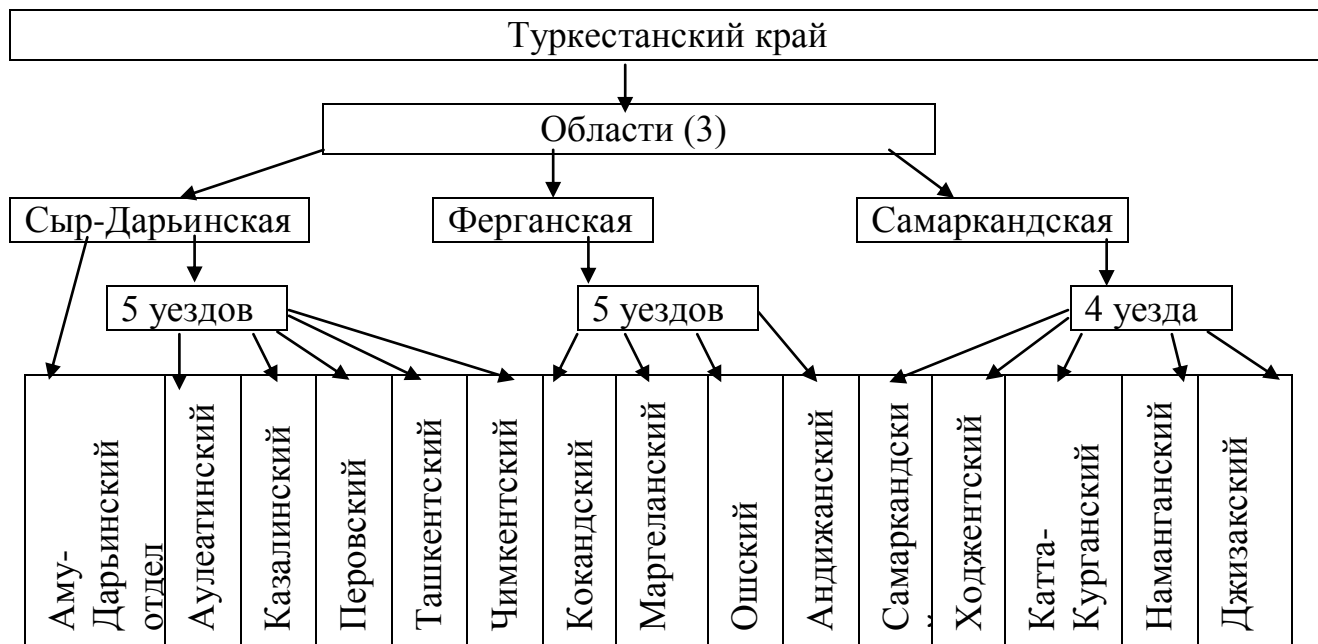
Центры: Ташкент (1), Оренбург (2), Омск (3).

6 областей Центры: Верный, Ташкент, Оренбург, Уральск, Акмолинск, Семипалатинск.

30 уездов (одноименные города), волости и аулы.

Рисунок 1 – Административно – территориальное деление казахских земель по реформе 1867-1868 годов

Второе Положение об управлении Туркестанским краем. 2 июня 1886 года

Всего: Областей – 3. Уездов – 14 + Аму- Дарьинский отдел
Джаркентский уезд (1893 г.)

Главное управление края находится в г. Ташкенте.

Областное управление :

Сыр-Дарьинского

г. Ташкент

Ферганского

г. Новый Маргелан

Самаркандского

г. Самарканд

Аму-Дарьинского отдела

Укрепление Петрово-

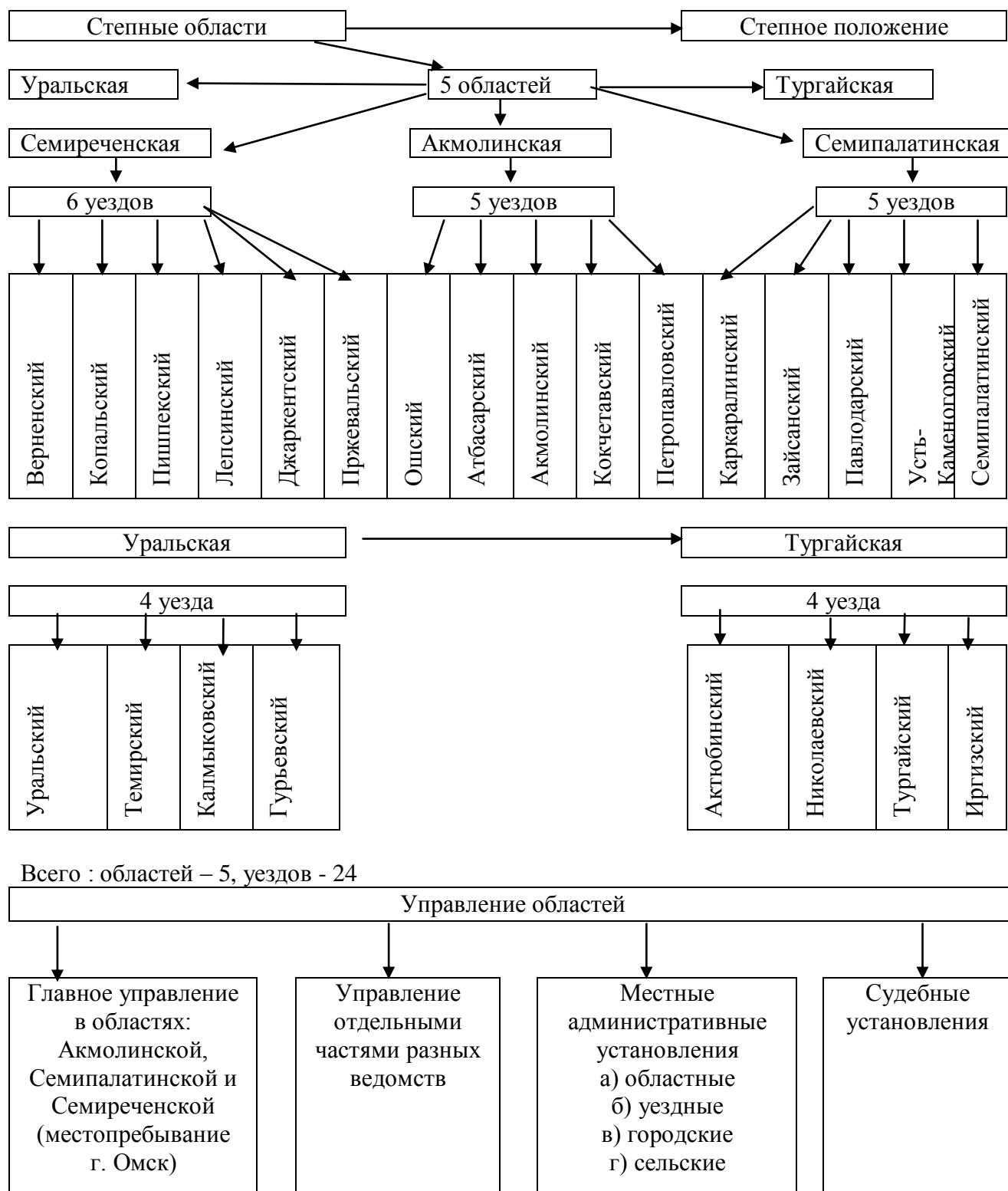
Уездные управления

Александровское в одноименных с
уездами городах

(кроме Джизакского – укрепление Ключевое)

Рисунок 2 – Административно – территориальное деление по реформе 1886 года

Третье Положение об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями. 25 марта 1891 года

Местопребывание главных управлений: г. Омск – Акмолинская, Семипалатинская, Семиреченская обл.

Уездные управления – одноименные с уездами города

Рисунок 3 – Административно – территориальное деление по реформе 1891 года

Таким образом, вся территория Казахстана и среднеазиатских ханств была разделена на 2 Генерал- губернаторства. Центры: Ташкент (1), Омск (2). Всего: 8 областей. Центры: Ташкент, Новый Маргелан, Самарканд, укрепление Перово-Александровское, Омск, Семипалатинск, Верный, Уральск, Оренбург. 39 уездов (одноименные города). Волости и аулы.

По «Степному положению» главным начальником Степного края являлся генерал-губернатор, назначаемый и увольняемый царем. Он был наделен неограниченной полнотой гражданской и военной власти. Имел право высылать вредных, по политической неблагонадежности инородцев в другие местности империи на срок не свыше пяти лет, согласовав свои действия с Министерства Внутренних Дел России. При генерал-губернаторе находилась канцелярия с большим штатом чиновников.

Области возглавляли военные губернаторы и областные правления. В областях Семиреченской и Уральской военные губернаторы считались и наказными атаманами казачьих войск. Закон 1891 года четко определил все нормы, в пределах которых могли действовать военные губернаторы и подчиненные им в областях чиновники.

В уездах полновластными хозяевами оставались уездные начальники. Они полностью контролировали и направляли всю хозяйственную, общественно-политическую жизнь на местах, управляли деятельностью волостных управителей и аульных старшин. Ст.39 давала право уездным начальникам подвергать инородцев за ослушание законным распоряжениям властей и за проступки (споры, драки, нарушение общественной тишины, непочтение и грубость к власти, непослушание родителям и оскорбление их) аресту не свыше семи дней или денежному изысканию не свыше пятнадцати рублей.

Например, Омский уездный начальник в рапорте Акмолинскому губернатору 19 декабря 1891 года предлагал «дела о преступлениях и проступках, совершенных должностными лицами из инородцев... передать русским судебным установлениям, изъять из ведения народного суда...» [128, л.19].

Уголовные дела передать «русскому суду как суду более высокому и развитому сравнительно с судом народным, что несомненно окажется одним из могучих средств цивилизации кочевников» [128, л.19].

Для своевременного и быстрого исполнения полицейских обязанностей и распоряжений уездных начальников вводились полицейские служители, приставы и военные команды. Местное управление подразделялось на управления: в городах, кочевого населения, русских поселений, дунган и уйгур. Управление сельского русского населения производилось согласно статей общих губернских учреждений империи. Управление нерусского оседлого и кочевого населения, как и прежде, производилось волостными управителями и аульными старшинами, избираемыми на три года.

Выборы должны были производиться во время летних кочевков. Избрание пятидесятников осуществлялось из числа уважаемых родственников, не подвергавшихся суду.

Во Временном положении 1868 года точно не определено, но в новом Степном положении определено более точно в статьях 65 и 66.

Перед выборами составлялся список баллотирующихся лиц. Выборы должны были производиться открыто и, по возможности, торжественно, в присутствии всех желающих киргиз. Обязательным было участие более 50% юртовладельцев. Также необходимо было доходчиво объяснить всем порядок выборов: закрытая баллотировка, ящики соответствующей окраски, устройство их. До выдвижения предлагалось пятидесятникам указать кандидатов на каждую должность и огласить список. К выдвижения приступали по очереди, согласно записи в списке. Число получаемых каждым баллотирующимся избирательных и неизбирательных шаров, объявлялось во всеуслышание.

Затем делался общий вывод об избрании, и объявлялось, кто будет представлен на утверждение вышестоящих начальников.

О результатах выборов составлялся общественный приговор за подписями и тамгами всех участвовавших и засвидетельствовавший уездным начальником.

Например: в 1892 году 4 сентября по результатам выборов был составлен приговор: «Мы нижеучинившие рукоприкладство волостным выборам Контыркульской волости Кокчетавского уезда сего число на избирательном волостном съезде в присутствии господина Кокчетавского уездного начальника, постановили сей приговор в том, что при производстве нами выборов посредством баллотирования шарами на должность Волостного управителя и кандидата к нему на трехлетье с 1893 по 1896 годы и по большинству избирательных шаров выбрали:

На должность управителя киргиза Токсанбая Ильчибекова и кандидата к нему Джангожу Таншина, которые поведения хорошего, под судом и следствием не состоят, ничем не опорочены и пользуются уважением в народе, в том и удостоверяем своим рукоприкладством. Волостные выборные: 35 человек. (Ф.И.О. и подписи)» [129, л. 2,42].

Содержание всех этих должностных лиц по-прежнему возлагалось на местные аульные общества. Волостные управители и аульные старшины степных областей должны были помогать колониальной администрации проводить в жизнь все ее распоряжения, следить за порядком на местах, обеспечить полный и своевременный сбор налогов. За усердную службу волостные и аульные должностные лица награждались ценными подарками, деньгами, медалями.

В ряде статей предусматривались права и обязанности народных судей. В «Степном положении» 1891 года особо обращалось внимание на контроль за деятельностью всех волостных и аульных чиновников из казахов. В случае малейшего неповиновения вышестоящие колониальные чиновники - уездные начальники, военные губернаторы могли отстранять их от должности. Они могли не утверждать итоги выборов волостных и аульных правителей и назначить новые выборы. Наглядным подтверждением вышесказанного является предлагаемая схема:

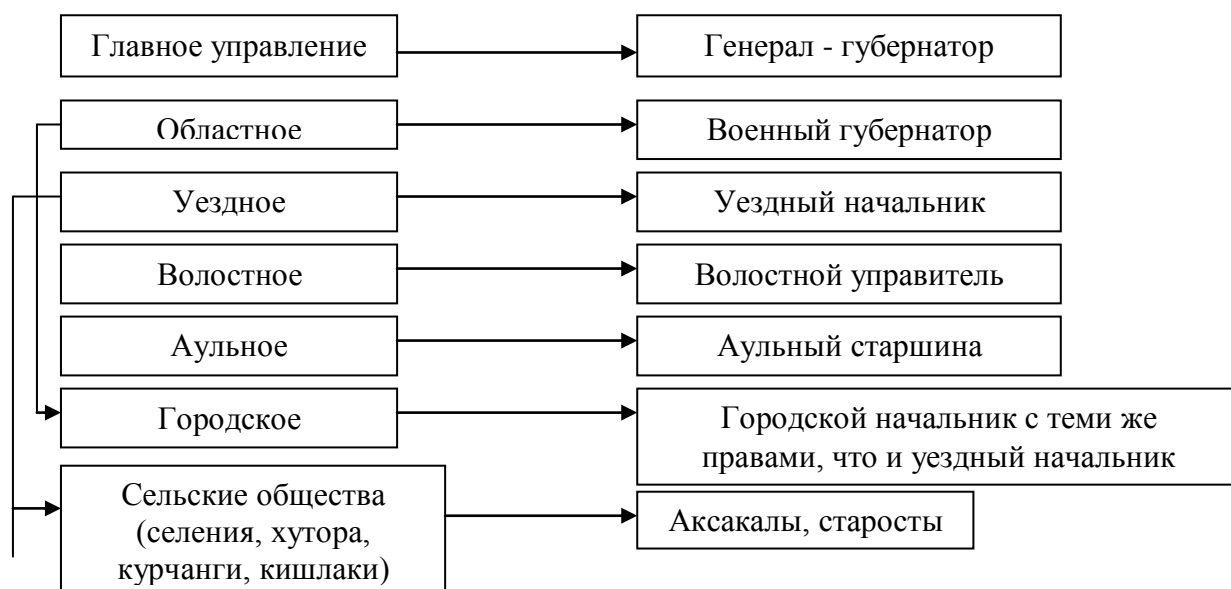

Рисунок 4 – Управление в степных областях

Раздел второй «Судебное устройство» (101-118), как записано в Степном положении «действует на основании правил о судебном устройстве в Туркестанском крае с изменениями и дополнениями» [98, с. 244].

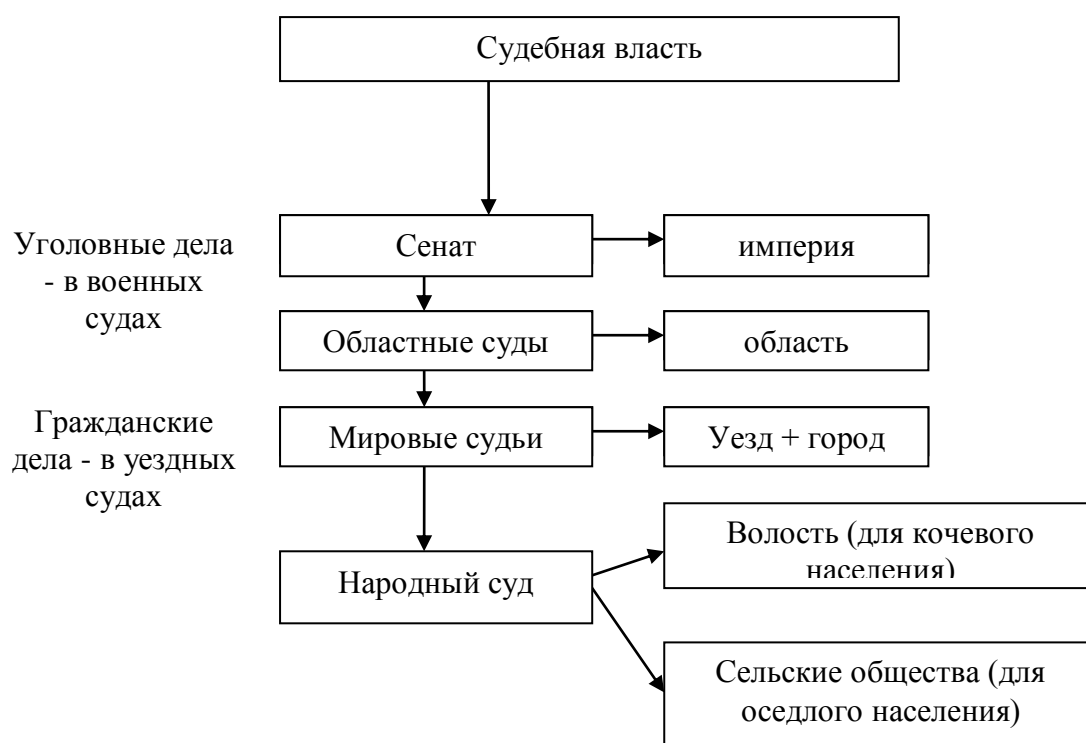

Рисунок 5 – Организация судебной власти

Далее статья 103 давала права, присвоенные Туркестанскому генерал-губернатору по отношению к судебной и опекунской частям по вверенному ему в Степном крае областях. В каждом уезде и в городах: Омске, Семипалатинске,

Верном и Уральске находился мировой судья. Далее оговаривалось, что в Николаевском уезде Тургайской области, при мировом судье находились два помощника, один из которых занимался следственными вопросами, а другой – рассмотрением дел, на правах мирового судьи. Права и обязанности Тургайского областного суда возлагались на Оренбургскую палату уголовного и гражданского суда. Особо рассматривались судебные дела «войсковых обывателей казачьих войск» вне службы и воинских обязанностей, когда дела по роду иска или проступка не подсудны станичному суду. Статья 109 давала право мировым судьям и областным судам, кроме прочих дел, ведать дела о преступлениях и проступках, совершенных должностными лицами из инородцев. 110 статьей Положения запрещалось совершать всякие вообще акты на земли «на имя лиц, которые не имеют права приобретать сии имущества в областях: Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской». Назначенное народным судом денежное взыскание, в случае несостоятельности осужденного, заменялось арестом не свыше трех месяцев. На каждую волость полагалось не больше одного судьи на каждое аульное или сельское общество. Был определен порядок избрания народных судей статьей 113, которая гласила: «в народные судьи может быть избран всякий из числа жителей волости, пользующийся уважением и доверием народа, не подвергающийся по приговору суда наказаниям, превышающим семидневный арест или денежное взыскание в тридцать рублей, не состоящий под следствием или судом и, кроме того, имеющий не менее тридцати пяти лет от роду. Лица, окончившие курс в одном из русских учебных заведений, допускаются к избранию по достижении двадцатипятилетнего возраста» [96, с. 394].

В должности, судью утверждал губернатор который мог и не утвердить избранного кандидата и назначить новые выборы. Судьям полагались особые знаки для ношения при исполнении служебных обязанностей, печати и книги для записывания решений. Статья 118 Степного положения отмечала те статьи, которые на области степного края не распространялись. В частности, статьи 196, 206, 211, 235-237 и 251-254 Положения об управлении Туркестанского края [96, с. 395].

Первый казахский ученый-юрист, один из организаторов правовой науки и юридического образования в Казахстане, крупный исследователь обычного права казахов Т.М. Культелеев в своей монографии «Уголовное обычное право казахов» отмечал, что после присоединения Казахстана к России в системе казахского обычного права появились новые виды наказания, которые не были известны раньше: тюремное заключение, заключение в арестантские дома, наказание в виде публичной временной работы, отдача под надзор, ссылка и другие. Также Т.М. Культелеев указывал на «...несоответствия между общеимперским правом и обычным правом, что все больше обнаруживались со второй половины XIX века с развитием капиталистических отношений в России» [28, с. 302], то есть с принятием Туркестанского и Степного положения.

В XIX веке основные виды преступлений, направленные против деятельности колониальных органов управления, были отнесены к подсудности царских судов, действовавших на основании общеимперских законов. Суды биев на основании обычного права рассматривали дела, связанные с нарушениями местных (султанско-бийских) органов управления.

Это доказывает то, что многие судебные дела решались, опираясь на законы Российской империи. «На территории Казахстана были распространены наиболее реакционные уголовные законы царской империи, предусматривающие ответственность за политические преступления и преступления против государственного управления, вводилось военно-уголовное законодательство и т.п.: Военно-судные комиссии и военно-полевые суды разбирали государственные (политические) преступления и выносили суровые приговоры на основании военно-уголовных законов империи. Например: разбой, грабеж, нападение на купеческие караваны, побег в чужие владения, поджоги, явное сопротивление властям, изготовление фальшивых монет и похищение казенного имущества. Дела людей, представлявших политическую опасность или угрожающие общему порядку и спокойствию в крае. К ним добавлялись дела, связанные с убийствами чиновников, полицейских, умышленный поджог, нападение на казенный транспорт» [28, с. 4, 82].

Раздел «Поземельное устройство» (119-136) состоит из двух глав: Поземельное устройство кочевого населения и Поземельное устройство оседлого населения. В статьях 119 и 120 говорится, что «занимаемые кочевьями и все принадлежности сих земель, в том числе и леса, признаются государственной собственностью... и остаются в бессрочном общественном пользовании кочевников на основании обычаев и правил сего Положения» [98, с.246]. В статье 126 отмечалось, что казахам «разрешается сдавать земли, находящиеся в пределах их зимних стойбищ, в наем на срок не свыше 30 лет лицам русского происхождения для земледелия, устройства фабрик и заводов, мельниц и других подобных заведений» [98, с.247].

Принятые в 20-90-ые годы XIX века Российской империей ряд законоположений по управлению казахскими землями в виде Уставов, Временных положений и Положений, создавали выгодные условия для проникновения русского капитала в экономику Казахстана и превращения его в колонию Российской империи. Первоначально «Временное положение об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях 21 октября 1868 года» установило, что земли, «занимаемые казахскими кочевьями, признаются государственными и предоставляются в общественное пользование казахов» [98, с.246].

Принимая Степное положение 1891 года Российская империя окончательно превратила казахские земли в государственную собственность. Так, в статье 119 определено, что «земли, занимаемые кочевьями и все принадлежности сих земель, а в том числе и леса « признаются государственной собственностью» [96, с.395]. Статья 120 с примечаниями

указывала на бессрочное общественное пользование кочевниками своими же землями, с учетом обычаев и правил, установленных законом 1891 года. Также империя была уверена в том, что земли кочевников могут «оказаться излишними» и быть переданы «в ведение министерства государственных имуществ» [96, с.395]. Статьи 119, 120 (с примечаниями) дополняла статья 126, по которому казахам разрешалось сдавать земли «в наем на срок не свыше тридцати лет лицам русского происхождения, для земледелия и устройства фабрик, заводов, мельниц и других подобных заведений» [96, с.396]. Статья 129 Степного положения открывала дорогу промышленникам для создания и развития горного промысла.

Все вышеуказанные статьи узаконили колониальный статус Казахстана. Российские и иностранные капиталисты смогли использовать казахские земли в качестве источника сырья и дешевой рабочей силы нового рынка. Россия не была заинтересована в создании в Казахстане развитого промышленного производства, поэтому использовала окраины как рынки сбыта для изделий российских фабрик и заводов, строила те предприятия, которые обеспечивали их дешевым сырьем. Также «отсутствие местных капиталов и сведущих рабочих, дороговизна топлива, высокая стоимость перевозки машин и многие другие условия...» [97, с.176] привлекали преимущественно торговый ростовщический капитал.

Первыми свои капиталы вложили русские купцы, организовав горнозаводские предприятия в Семипалатинской, Акмолинской, Уральской областях еще в XVIII веке. Так были основаны несколько рудников и заводов по разработке и выплавке серебро-свинцовых руд в Каркаралинском уезде Семипалатинской области купцом I гильдии А. Поповым. Рудники по добыче медных руд и угля в Жезказгане, Успенске, Караганде и Саранске построил купец Ушаков, скупив по дешевке у казахов богатые месторождения. Затем был построен Спасский медеплавильный завод в Акмолинском уезде, Риддерский, Зыряновский, Березовский, Белоусовский, Сокольный, Николаевский и другие рудники медных, серебро-свинцовых руд. В Кокчетавском и Усть-Каменогорском уездах имелось несколько богатых золотых приисков.

Но, промышленность развивалась медленно, в основном из-за колонизаторской политики царизма, слабости русской промышленной буржуазии, удаленности от промышленных центров России и неразвитости путей сообщения. Казахстан являлся поставщиком сырых материалов, чему способствовало принятие Степного положения 1891 года и объявление «земель кочевников государственными. Получение скота и животноводческого сырья требовало сохранения кочевого скотоводства в неизменном виде» [17, с.81].

В начале XX века горнодобывающая промышленность, несмотря на богатую базу, уступила место промышленности по первичной обработке продуктов земледелия и скотоводства. Винокуренные, пивоваренные, маслобойные, табачные, мукомольные, шерстомойные, кожевенно-меховые, салотопенные предприятия и скотобойни имелись по всему Казахстану. Но, в основном, животноводческое сырье в полуобработанном или не обработанном

виде вывозилось на суконные и кожевенные фабрики России и за границу – в Германию, Францию, США и другие. Заготовкой и вывозом масла, яиц занимались русские купцы и представители иностранных торговых фирм. Богатейшие естественные ресурсы Казахстана привлекали не только российский капитал, но и множественно иностранного.

По Степному положению 1891 года, капиталисты получали «широкие возможности для овладения горными богатствами Казахстана, так как недра земель, объявленных государственными, поступали в распоряжение горнопромышленников без всякого вознаграждения в пользу «землепользователей», если на них не было построек или древонасаждений. В последнем случае горнопромышленники оплачивали только стоимость построек и садов, от уплаты же земельной ренты были освобождены» [17, с.81].

Вложения иностранных инвестиций осуществлялись разными путями. Первый – приобретение действующих предприятий, попавших в затруднительное положение и создание на их базе иностранных компаний. Второй – покупка предприятий иностранными обществами, под вывеской русских компаний. Так, в Казахстане к 1917 году работали 9 крупнейших акционерных обществ, в которых участвовали русские и иностранные банки: Азовско-Донской, Русско-Азиатской, Сибирский, Волжско-Камский, Петербургский, Международный коммерческий, Лондонско-Ливерпульский, Дрезденский, Русский торгово-промышленный банк, Русский внешнеторговый банк и другие. Капитал акционерных обществ горной промышленности составлял 42,3 млн., а нефтяной – 28,7 млн. рублей.

В цветной и угольной промышленности хозяйничали английские и французские акционерные общества, в руках которых находились контрольные пакеты акций. Активное участие в разработке богатейших месторождений Центрального Казахстана принимали капиталисты Америки, Германии, Швеции, Австрии, Испании и других стран. Среди иностранных капиталов доминирующее положение занимал английский. Известные представители британской финансовой олигархии Лесли Уркварт, Рейнольдс, Вебстер, также американские миллиардеры Г. Гувер, Д. Морган вкладывали капиталы в несметные богатства рудного Алтая. Ими была учреждена Русско-Азиатская корпорация, которая через подставных лиц из русских чиновников и промышленных дельцов основала два горнопромышленных акционерных общества – Риддерское и Киргизское. Австрийский князь Турн-Таксис в 1904 году стал собственником несметных богатств месторождений цветных руд Риддера и Зыряновска [130, с. 352].

Иностранный капитал интересовался богатейшими нефтяными месторождениями Урало-Эмбенского района, с целью монополизации, их консервации, создания в стране топливного голода и сохранения высоких цен на нефть. «Так, с привлечением немецкого капитала было образовано «Туркестанское общество каменноугольной и горной промышленности», на нефтепромыслах, контрольные пакеты принадлежали «Товариществу Братьев

Нобель...». «В 1911 году образовалось «Ферганское нефтепромышленное общество» с основным английским капиталом» [130, с. 61,62].

Колониальный статус Казахстана, закрепленный Временными положениями 1867-1868 годов, затем Положениями 1886 и 1891 годов, привел к тому, что здесь «накануне революции действовало тринадцать иностранных акционерных обществ, в том числе пять – в горнозаводской и восемь – в нефтяной промышленности. В цветной промышленности края вложения английского капитала достигали 40 млн. руб. Крупные инвестиции были задействованы в «Риддерском акционерном горнопромышленном обществе» (12 млн. руб., или 60% акционерного капитала). С участием английского и французского капитала создавалось «Акционерное общество Спасских медных руд», «Акционерное общество Атбасарских медных руд», эксплуатировавшие богатые месторождения Карсакпая (Центральный Казахстан). «Накануне войны и во время ее, в состав правления входили: англичане Артур Фелл, Ф. Гамильтон и В. Паркер, французы Э. Карно и Ф. Робелаз. Они почти ни разу не посетили свои промыслы в России. Это были типичные рантье-тунеядцы, живущие в полнейшей праздности на доходы от ценных бумаг, живущие «стрижкой купонов» [131, с.62].

Колониальный характер промышленности, созданной русским и иностранным капиталом, наблюдался в их действиях, целью было стремление к тому, чтобы вложенный капитал вернулся как можно быстрее, с максимальной прибылью. Получаемая продукция вывозилась из Казахстана в сыром виде, не перерабатывалась на месте и не способствовала развитию других отраслей промышленности. Прибыль, получаемая иностранными капиталистами, не оставалась в Казахстане и не использовалась для расширения и развития производства, совершенствования его технологии.

Целью Российского и иностранных капиталистов было, как можно дольше сохранить восточные окраины в качестве источников сырья и рынков сбыта, нажить баснословные барыши, не задумываясь о судьбе трудившихся людей, экологических последствиях и развитии экономики в Казахстане. Например, «Риддер продержался кое-как 5 лет хищнической разработкой богатых руд верхних горизонтов. Когда же верхние горизонты месторождений были выработаны, когда стали переходить к разработке руды трудноплавкой, ... были уничтожены леса вблизи заводов и рудников ...» [97, с.169]. Также подтверждением является «Петиция рабочих и служащих Успенского медного рудника, предьявленная правлению горнопромышленника К.Э. Карно» 6 декабря 1905 года. В Петиции выдвигались требования: «... понижения цен на все продукты», отпускаемые рабочим и служащим в оплату, «так как существующие ... цены» они считали «высокими и незаконными»; «повышение заработной платы...»; «снабжение непромокаемой одеждою и обувью рабочих, работающих в мокрых забоях, от конторы рудника бесплатно, согласно существующих законов»; «устройство в непродолжительном времени постоянного русско-киргизского училища по типу земских школ с 3 отделениями...»; «немедленного улучшения помещений-казарм для киргиз-рабочих. Казармы без рам, с завешенными вместо стекол мешками, кошмами

вряд ли могут удовлетворять всем требованиям гигиены, а между тем администрация правления горнопромышленника, французского гражданина К.Э. Карно, относится, по-видимому, к тому положению вещей слишком безучастно...» [97, с.279, 280].

«Таким образом, как капиталы, так и сама инициатива в развитии промышленности в регионе исходили из-за его пределов. Число предпринимателей среди местного населения было невелико. Становление национальной буржуазии блокировалось господством российского и иностранного капитала, т.е. всей колониальной системой» [130, с.319], узаконенной Степным положением 1891 года.

Иностранный капитал, «... захватывая ключевые позиции, важнейшие отрасли народного хозяйства – уголь, нефть и металлургию, - своим хищническим хозяйничаньем... тормозил развитие промышленности России в целом, Казахстана, как и других национальных окраин, в частности» [130, с.319].

Российский и иностранный капитал действовал в Казахстане как хозяин, пользуясь статьями 119, 120 с примечаниями, 126 и 129 раздела «Поземельное устройство» закона Российской империи 25 марта 1891 года, известного как «Степное положение». В начале XX века казахская элита в лице Алихана Букейханова, Ахмета Байтурсынова, Мыржакыпа Дулатова и многих других поднимала вопрос о пересмотре Степного положения 1891 года или же признания статей 119-136 незаконными и отменить. Особенно «примечание к статье 120 явилось самым тяжелым для казахского населения пунктом закона. На ее основании у казахов изымались огромные земельные площади» [130, с.90].

В период становления Советской власти большевики вынуждены были допустить элементы рыночной экономики и с целью модернизации производства привлекать иностранные инвестиции. Правительство регулировало и контролировало деятельность иностранного капитала, что сыграло важную роль в экономическом развитии советского государства. Капиталисты, как российские, так и иностранные, потеряли статус хозяина.

В настоящее время присутствие иностранного капитала в Республике Казахстан, их деятельность и последствия, а также влияние его на социально-экономическое и политическое положение страны, вызывает интерес не только историков, но и политологов, юристов, экономистов и целого ряда исследователей как гуманитарного, так и естественного направления.

Анализ учеными экономической ситуации, в разные периоды исторического развития нашего государства, позволяет им поднимать вопрос о национальной безопасности страны. Изучение истории привлечения иностранного капитала в экономику Казахстана помогает выявить позитивные и негативные моменты, дает возможность избежать ошибок и накопить опыт организации производства и труда по международным стандартам.

Каждого, кто размышляет о проникновении иностранного капитала в экономику дореволюционного Казахстана, о привлечении инвестиций

зарубежных стран в советскую эпоху и об интересе в сотрудничестве иностранных компаний в период независимости Республики Казахстан, вызывает множество вопросов. Главные из них: «Учитывает ли наше государство накопленный опыт в привлечении иностранного капитала в промышленность Казахстана и можем ли мы быть уверенными в завтрашнем дне?». Действия главы государства и правительства могут дать нам ответы на наши вопросы. На 3-м Казахстанском инвестиционном саммите Президент Республики Казахстан Н.А.Назарбаев отметил, что «...сегодня наша страна характеризуется как одно из наиболее динамично развивающихся государств мира. Казахстан стал наиболее привлекательной для инвестиций страной в регионе...[132], «...в казахстанскую экономику направляют свои финансовые ресурсы более чем 60 стран мира. Наибольший поток инвестиций направлен из США, Нидерландов, Великобритании, Италии и Китая» [133, с.2].

Раздел «Подати и повинности» (137-168) имеет три главы: Подать с кочевого населения, подать с оседлого населения и земские повинности. Согласно статье 137 кочевое население облагалось в доход казны податью в 4 рубля с юрты вместо 3 рублей до этого. Все казахские хозяйства брались на учет один раз в три года. Все оседлое население платило оброчный налог за отведенный земельный надел, размеры которого определялись законодательным порядком. А раскладка этого налога производилась приговором сельских сходов. По правилам Устава о земских повинностях он взимался и натурой и деньгами. В казахских войсках земские повинности платили по особым законам. Налогом облагались недвижимое имущество, фабрично-заводские предприятия, торговые операции и всякая предпринимательская деятельность.

Необходимо отметить, что налоговая система царизма во II половине XIX-начале XX века, введенная для казахов степных областей, коренным образом отличалась от ранее принятых в Степном крае. «Устав о Сибирских киргизах» 1822 года облагал казахское население Сибирского генерал-губернаторства налогом в натуральной форме – ясаком. По Уставу киргизы (казахи) должны были ежегодно сдавать России скот (со ста голов одну). Сбор и сдачу налога осуществлял волостной султан. «Причем, сбор ясака предполагалось осуществлять по волостям, вменяя в функции волостных султанов дополнительные обязанности, не исполнение которых могло повлечь за собой административные меры, хотя по Уставу формы наказания за это не было оговорено» [134]. Взимание ясака было очень трудно, так как царское правительство не было уверено в точном исчислении скота на местах, что вынуждало ее ущемлять интересы богатых киргиз (казахов) - скотовладельцев. Налог не соответствовал финансовым интересам царизма и не учитывал реального благосостояния членов общества. Поэтому «Временные положения» 1867-1868 годов установили государственный налог с киргизского (казахского) кочевого населения всех областей Казахстана, в виде кибиточной подати. Во Внутренней (Букеевской) орде зякет и согум были заменены единой денежной податью со скота. Каждая кибитка или заменяющее ее помещение для жилья –

юрта, дом, сакля, землянка – облагались кибиточной податью, которую можно было подвергнуть регистрации, учету и контролю.

Во вновь образованных Уральской, Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской областях Степного края было решено взимать государственный налог с 1 января 1869 года по 3 рубля в год с кибитки. В каждой области образовались областные правления, в которых имелся хозяйственный отдел, занимавшийся вопросами взимания податей и повинностей, составлением доходных и расходных расписаний по области и наблюдением за правильным расходованием сумм. Начальник хозяйственного отдела областного правления назначался и увольнялся генерал-губернатором края. Уездный начальник исполнял решения областного правления по вопросам налогов и сборов по всему уезду, доводил до сведения местных органов управления (волостных управителей, аульных старшин) о суммах и сроках взимания налогов, назначенных генерал-губернатором края по представлению военных губернаторов областей.

Кибиточная подать была построена на принципах круговой поруки плательщиков волости. Съезд волостных выборных распределял сумму между аулами. Сход юртовладельцев делил между отдельными плательщиками. Весь аул нес ответственность за неисправность платежа отдельными юртовладельцами, вся волость за неисправность платежа каждого аула. Сбор подати производился аульными старшинами, которую затем представляли волостному. Волостные управители должны были сдать всю собранную сумму в местную уездную кассу, где им выдавались квитанции в получении указанных средств. В каждом уезде были образованы кассы доходов и расходов с подчинением областным казначействам, которые в свою очередь подчинялись областным правлениям. Ежемесячно составлялись ведомости о количестве поступивших доходов и произведенных расходах, о сумме докладных сборов, ожидающихся к поступлению и о недоимках. Генерал-губернатор изучив сведения и предложения со всех областных правлений составлял общую смету ожидаемых в будущем году доходов края и предстоящих расходов и вносил ее на утверждение Госсовета Российской империи. Особое внимание уделялось расходам на содержание военно-бюрократического аппарата края и армии.

Новая система налогообложения устанавливала исчисление кибиток один раз в три года. В областных правлениях должны были составляться ведомости с указанием общего числа кибиток в области, волости, аулах и определением кибиточного сбора каждого аула по раскладке. Каждый аул ежегодно перед началом летнего кочевания должен был получить от уездного начальника форму, в котором указывалось название аула, какой области, уезда и сколько в нем кибиток обязаны платить налог.

«Временное положение об управлении степными областями 21 октября 1868 года вводило льготы для некоторой части казахского населения. Как и прежде были освобождены от уплаты кибиточной подати семейства покойных хана Айчувакова и султанов Баймухамета Айчувакова, Ахмеда и Арслана Джантюриных, а также семейства казахов, убитых или раненных в 1844 году во время военных действий против Кенесары Касымова. Были дарованы льготы

потомкам бывших ханов Валяя и Букея по прямой линии, пользовавшихся льготами при платеже еще ясака» [96, с.174].

В 80-х годах XIX века, с целью экономии средств государства и совершенствования деятельности местного управления, неоднократно поднимался вопрос о повышении кибиточного сбора для степных областей с трех до 4-х рублей с кибитки в год, а после решения Военного Министра взимать с казахов Туркестанского края по 4 рубля с кибитки в год, «8 декабря 1886 года был принят закон об увеличении кибиточной подати с казахского населения Уральской, Тургайской, Семипалатинской и Акмолинской областей с 1 января 1887 года до 4 рублей с кибитки в год, для устранения различий образовавшихся в системе обложения и размерах налоговых квот в областях Казахстана» [71].

Положение 1891 года подтвердило закон 8 декабря 1886 года: «кочевое население областей облагается в доход казны податью, исчисляемую по расчету четырех рублей с кибитки и всякого заменяющего её помещения для жилья (юрты, дома, сакли, землянки)» [96, с.249]. Русские крестьяне, дунгане и таранчи - «оброчную податью на общем с государственными крестьянами основании ...» [96, с. 251].

Сроки сбора и сдачи кибиточной подати в степных областях устанавливались Степным генерал-губернатором, за исключением Уральской и Тургайской, где это принималось по соглашению с Министрами финансов и внутренних дел Российской империи. В Уральской области для Гурьевского уезда сроком взноса кибиточной подати было назначено 31 декабря, а для остальных уездов – 1 ноября. В Тургайской области для всех уездов – 15 декабря. Согласно местным условиям, с учетом наиболее благоприятного времени для сбыта населением края скота и продуктов скотоводства, для Семипалатинской области было определено время с 15 мая по 1 июля, или с 1 сентября по 31 декабря, по Семиреченской области – с 1 марта по 15 апреля, в Акмолинской области – сборы принимались в течение всего года.

Степное положение 1891 года внесло некоторые изменения в систему налогообложения, утвержденных ранее в степных областях по Уставу 1822 года, Временному положению 1868 года, закону 8 декабря 1886 года и Туркестанскому положению 1886 года. Так, из-за злоупотреблений аульных старшин и волостных управителей были отменены льготы, предоставленные Уставом 1822 года, освобождавшие от уплаты кибиточной подати некоторую часть казахской знати. Пункт о распродаже имущества неплатежеспособного кибитковладельца, введенный Положением 1886 года по управлению Туркестанским краем.

«Процветанию взимания должностными лицами лишних процентов немало способствовала борьба при их выборах и огромные затраты для победы и требование администрации о безнедоимственном поступлении кибиточной подати с киргиз, а в особенности правила в 79 и 148 ст. Степного Положения 25 марта 1891 года, допускающее взыскание недоимков в этой подати по народным обычаям. Дело в том, что при наступлении срока уплаты кибиточной подати народный судья или волостной управитель, собирающий эту подать как

и всякий кулак, мироед-татарин, сарт, еврей и даже богатый киргиз, вносят за недостаточного кибитковладельца, кибиточную подать, следующего с него платежа в казну сразу в полном размере сбора деньгами из своей собственности и считают этот взнос бесспорным долговым обязательством, обязывая не имущего плательщика в назначенный срок уплатить деньги, или при неимении их, как это всегда на самом деле и бывает, натурою, скотом, как бы уже оформленную недоимку в подати.

При неуплате такого долга в срок, к нему кредитором присчитываются по обычаю также натурой, независимо колебания рыночных цен, могущий быть за известный период времени приплод. К приплоду долженствующему быть в следующем году, присчитывается новый приплод и т.д., таким способом лишние проценты с подобных должников нарастают иногда до 400 % годовых...» [135, л.6].

Во II половине XIX – начале XX века, кроме государственных налогов, были введены сборы и земские повинности. По Временному положению 1868 года, вместо билетного сбора установлен паспортный, существовавший в России. Как видим в этом случае «на обязанность кочевого населения возлагалось содержание лиц местного управления, т.е. волостных управителей и аульных старшин, рассыльных при них, исправление в местах их кочевания арычных мостов, гатей, спусков и подъемов на почтовых трактах, выставка во время летней кочевки кибиток для больных, отвод кибиток и доставка топлива командируемым по делам службы в аулы чиновникам» [96, с.176] и другие особые сборы и повинности, в случае «чрезвычайной надобности, по решению военных губернаторов, уездных начальников или по требованию местной полицейской власти, натурою или деньгами, по раскладке на общество» [96, с. 176].

Степное положение 1891 года «заведывание делами по земским повинностям возлагало на областное правление», областная и уездная администрация должны были «руководствоваться правилами Устава о земских повинностях» [96, с. 251]. Земские повинности делились на натуральные и денежные. Денежные на областные и общественные (частные). Население края обязано было содержать в исправности сооружения искусственного орошения, принимать меры к истреблению саранчи и других вредных для растительности насекомых и животных, выставлять по надобности, сторожевые пикеты на почтовых и торговых дорогах, также лошадей для проезда командируемых чиновников и предоставлять им жилые помещения или кибитки с отоплением, снабжать проходящие войска кибитками, топливом и перевозочными средствами. Денежные повинности включали сбор средств на развитие местной торговли, промышленности, скотоводства, оспопрививания и других мер по здравоохранению, на содержание народных школ, на предупреждение податей скота и охраны хлебных посевов, на удовлетворение нужд народного продовольствия и общественного призрения.

Общественные (частные) денежные повинности включали содержание: «общественного управления кочевого и оседлого инородческого населения,

оспопрививателей в обществах инородцев и туземных должностных лиц, заведывающих местным орошением» [96, с. 252].

Изменения коснулись системы финансовых учреждений в степных областях, которые должны были действовать строго на основе российских законов. В Семиреченской, Акмолинской и Семипалатинской областях финансовые учреждения подчинялись Омской казенной палате, а в Уральской и Тургайской областях – Оренбургской казенной палате.

Таким образом, во-первых, налоговая система, введенная Российской империей в Степном крае во II половине XIX – начале XX века не учитывала интересы местного населения и уровень благосостояния различных социальных слоев. Во-вторых, налог в натуральной форме - ясак, был заменен государственным налогом в виде кибиточной подати для всего киргизского (казахского) населения всех областей Казахстана. В-третьих, кибиточная подать взималась по 3 рубля в год с кибитки с 1 января 1869 года, затем по Положению 1891 года – по 4 рубля, что не соответствовало реальной платежеспособности населения края. В-четвертых, сроки сбора и сдачи подати в различных областях Степного края определялись с учетом местных условий. В-пятых, вопросами налоговой системы в крае занимался большой штат чиновников как местной (казахской), так и российской колониальной администрации. В-шестых, изменения в налоговой системе в казахской степи усилили колониальный гнет царизма, а «колонизация несла разорение и бедствие» [17, с.90]. В-седьмых, основные формы государственных налогов и земских сборов, утвержденных царизмом в степных областях, явились результатом колониальной политики царизма, и отличалась от центральных губерний России и Туркестанского края.

В ходе претворения в жизнь Степного положения произошли серьезные изменения в структуре и деятельности колониальных органов власти: расширились штаты, были введены новые должности, увеличилось количество полицейских урядников, приставов, военных команд. В 1902-1903 годах в уездах Казахстана были введены должности крестьянских начальников, которые управляли как крестьянским, так и казахским населением.

Как характеризовал новоявленных представителей колониальной администрации в своей записке Степному генерал-губернатору отставной статс-советник М.Б. Шимкин: «Крестьянские начальники в громадном большинстве явились в степь при полном отсутствии багажа в смысле знания края и при том явились с большим запасом самоуверенности и заняли позицию демонстративную старому начальству. Уездные начальники, оставшись без власти по отношению к туземной администрации, в глазах степняков потеряли весь престиж... Новая власть уничтожила старую, но и сама не могла заменить последнюю. Причины: незнание характера населения, бесцеремонное отношение к правам последнего и т.д...» [99, с.121].

17 ноября 1897 года было утверждено дополнение к статье 17 «Степного положения» 1891 года, усиливающее право генерал-губернатора по высылке неблагонадежных лиц местного населения.

Содержание Степного положения 1891 года показывает, что Российская империя, во-первых, не учитывала нужды и потребности казахского народа Степного края; во-вторых, издала закон, который дал возможность для незаконных действий чиновников колониальной администрации различного уровня; в-третьих, статьи 11, 12, 17, 37-40, 61-70, 78, 97-99, 119-120, 123-124, 136, 148-152 были не совершенные, вредные и трудные для их соблюдения; в-четвертых, алашская интеллигенция открыто поднимала вопрос о необходимости пересмотра Степного положения 1891 года, раскрывая последствия введения очередного законоположения для казахского народа; в-пятых отдельные чиновники царской администрации, в 1902-1905 годы готовили проекты нового закона для казахов Степного края [125, л.6].

Как отмечается в труде «Сибирь в составе Российской империи»: «Есть два способа управлять такими громадными территориями, как Россия. Первый – когда большую роль играет местное самоуправление, избранное населением и отчасти контролируемое центром. Второй путь – централизаторский, когда сверху донизу – жесткая административная вертикаль, решающая все вопросы и подменяющая местное самоуправление. Запад пошел первым путем. В России к началу XVIII века ... воцарилась сверхцентрализация, усиливающаяся на каждом витке развития государства»[137, с. 333].

В проведении административной политики в Казахстане были свои особенности. Они проявились в создании своеобразных административных единиц, отличавшихся от внутренних губерний России. Генерал – губернаторы региона получали широкие полномочия и были ответственны лишь перед царем. Российская система управления вводилась не сразу, осторожно, с учетом местных особенностей, уровнем экономического развития районов и их военно-стратегическим значением.

Введение русской системы управления привело к тому, что Казахстан, как окраина Российской империи, превратился в плацдарм для планомерного стратегического наступления царской России на Центральную Азию.

Российская империя готовила и вводила свои реформы всерьез и надолго, можно сказать, рассчитывала установить свое господство навсегда. Казахский народ должен был жить в кабальных условиях и покорно подчиняться русской власти. Казахи специально отделялись от других народов, проживавших в Степном и Туркестанском краях, так как, до установления русской системы управления, в культурном развитии они не отставали от них.

Вместе с тем, в каждой из принятых Российским государством реформ есть свои различия. К примеру, как мы уже писали выше, Временные положения 1867-1868 годов, на первый взгляд имели много общего, при изучении их, можно найти существенные отличия. Так, в принятых 1886 и 1891 году реформах нужно выделить общие черты и особенности. Реформы 1886 и 1891 годов назывались Положениями об управлении, первый – Туркестанского края, второй – с указанием областей: Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Тургайской и Уральской. Тем самым правительство подчеркивало степные области. По количеству статей, в сравнении с реформами 1886 и 1868 годов, в Степном положении их меньше. В Положении

1886 года имеется 4 раздела, 331 статья, во Временном положении 1868 года – 7 разделов, 268 параграфов. В Степном положении – 4 раздела, 168 статей. Степное положение увеличило кибиточную подать с 3 рублей до 4-х. Также увеличились повинности по обслуживанию чиновников, войск, дорог, почтовых трактов и другие. Были конкретизированы статьи судебного устройства в Туркестанском положении, затем перенесены в Степное положение, с учетом населения, времени вхождения в состав Российского государства, месторасположения областей и вероисповедания.

Туркестанский край увеличился территориально и количественно за счет вновь завоеванных в 70–годах XIX века Среднеазиатских ханств, затем в 80–годах переселения уйгур, дунган и русских крестьян – переселенцев. Степной край увеличился за счет русских мужиков и казаков, поэтому при составлении закона, особенно при решении земельного вопроса, учитывалось и это обстоятельство. Земля кочевого населения Степного края, путем повторного объявления в законе 1891 года, закреплялась собственностью Российской империи. Тогда как в Туркестанском крае этот вопрос четко и понятно не был определен. Статья 12 Степного положения узаконивала политику русификации и христианизации казахов степных областей, тогда как такой статьи в других реформах нет. В ней указано, что инородцы, принявшие православную веру, приписываются в случае желания к городам или русским селениям без согласия обществ и без увольнительных приговоров, причем освобождаются пожизненно от отбывания воинской повинности.

Сохранялось генерал – губернаторство. Руководитель региона наделялся неограниченной полнотой гражданской и военной власти. Увеличились штаты чиновников областных правлений, были введены новые должности полицейских служителей, приставов и военных команд. Степное положение четко определило нормы, в пределах которых могли вершить свои «великие дела» военные губернаторы и чиновники областей. По Положению 1891 года уездные начальники наделялись правом подвергать инородцев аресту не свыше 7 дней или денежному штрафу не более 15 рублей, за различные проступки и неповиновение русской власти.

За усердную службу волостные и аульные должностные лица, как сказано в новом законе, должны были награждаться ценными подарками, деньгами, медалями. В ряде статей предусматривались права и обязанности народных судей. Особое внимание обращалось на контроль за деятельностью чиновников из казахов. Вышестоящие чиновники могли отстранять их от должности или же не утверждать итоги выборов волостных управителей и аульных старшин и назначить новые выборы.

Все эти изменения и дополнения царских чиновников усиливали и укрепляли их власть в Степном крае.

Степное положение, как и предыдущие реформы Российской империи, в Казахстане, были колониальными и явились доработанным и усовершенствованным законом царского самодержавия. Это были более модернизированные требования к казахскому краю.

2.2 Штаты управления в Степном генерал-губернаторстве во II половине XIX века

Во II половине XIX века Российская империя подготовила и осуществила все необходимые предпосылки (политические, правовые, социальные) для окончательного укрепления своих позиций как метрополии в Казахстане.

Как мы уже писали, в 60-ые годы XIX века империя приняла законоположения о новой системе управления Казахстаном, известные как «Временное положение об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областями (11 июля 1867 г.)» и «Временное положение об управлении в Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской областях (21 октября 1868 г.)». По этим законам территория Казахстана была разделена на три генерал-губернаторства: Оренбургское, Западно-Сибирское и Туркестанское. В генерал - губернаторства вошли области: Уральская и Тургайская (Оренбургское), Акмолинская и Семипалатинская (Западно - Сибирское), Семиреченская и Сыр-Дарьинская (Туркестанское). Букеевская (Внутренняя) орда находилась в составе Астраханской губернии, Мангышлак в подчинении Кавказского военного округа. Области делились на уезды, волости и аулы.

С целью расширения и усиления колониальной администрации в Казахстане в 80-90-ые годы XIX века были разработаны и приняты новые законы «Положение об управлении Туркестанским краем» 12 июня 1886 г. и «Положение об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями» 25 марта 1891 г.

Как известно, в 1722 году была введена Табель о рангах, установившая 14 классов (высший – 1 класс) военных, гражданских и придворных чинов, действовавших до 1917 года. Чиновничество в России являлось «особой привилегированной прослойкой населения, находившаяся на гражданской службе и специализировавшаяся на управлении и делопроизводстве [138, с. 429]. Все лица, имевшие чины, носили форменную одежду, согласно роду службы и классу чина. «Чины I и IV классов имели у шинелей красную подкладку. Чины императорской свиты носили погоны и эполеты с императорским вензелем и аксельбанты» [138, с. 432]. Административные реформы первой четверти XVIII века завершили формирование в России абсолютизма, при котором власть царя опиралась не на сословные учреждения, а на разветвленную чиновно-бюрократическую систему.

В XIX веке, большая часть высшей власти, организованной царской администраций, была перенесена в казахский край. Более того, для чиновников, пожелавших работать в Казахстане создавались особые условия. Самое важное – наделение властью, землей, льготами.

Титулы означали служебное и сословно-родовое положение их обладателей, на законных основаниях определявшие их правовой статус. В приложении В. и Г. мы приводим таблицы, где показана система сословных и должностных чинов и званий в России в XIX начале XX веков.

По Положениям 1886 и 1891 гг. главное управление вверялось генерал - губернаторам, «определяемым и увольняемым по непосредственному

усмотрению его и.в. именными высочайшими указами Правительствующему сенату и приказами в общеустановленном порядке» [96, с.183,233].

Генерал-губернатор Степного края был наделен неограниченной гражданской и военной властью. Из казны ему на жалованье отпускалось 1500 руб., на экстраординарные расходы-2500 руб., на командировки чиновников и посылку служебных телеграмм – 6000 руб. [136, л.92]. При генерал-губернаторе находилась канцелярия, которая состояла из: правителя канцелярии (мог быть из военных генералов и штаб-офицеров не ниже полковника), двух начальников отделений, пяти столоначальников и столько же их помощников, бухгалтера, журналиста, архивариуса, экзекутора, редактора, непрямого члена Распорядительного комитета по земским делам, делопроизводителя, его помощника. Также в штат чиновников канцелярии входили: областной лесничий, его помощник, старший землемер, два младших землемера, восемь межевщиков, два чертежника, три переводчика киргизского языка (1 - письменного, 2-устных) и один переводчик китайского и маньчжурского языков.

При генерал-губернаторе находились семь чиновников особых поручений: три для командировок, по одному чиновнику для переписки по китайским делам, по горной части (горный инженер), по строительной и дорожной части (инженер путей сообщения) и по переселенческой части (агроном). Всего чиновников было 29 (вместе с генерал-губернатором) [136, л.92]. Каждому чиновнику определялось, из казны или земских сборов, жалованье и столовые, некоторым квартирные. Так, правителю канцелярии полагалось 3000 руб. жалованья и 1500 руб. столовых, редактору-500 руб. жалованья, 450 руб. столовых и 150 руб. квартирных. Чиновникам особых поручений - жалованья 1200 руб., столовых 800 руб., переводчикам киргизского языка от 400 до 800 руб. жалованья и от 200 до 400 руб. столовых, переводчику китайского и маньчжурского языков - 1200 руб. жалованья и 800 руб. столовых.

Из 29 чиновников самое высокое жалованье было определено правителю канцелярии (3000 руб.) и самое низкое - чертежнику (300 руб.). Столовых – 1500 руб. правителю канцелярии и по 200 руб. помощникам столоначальников, журналисту, архивариусу, экзекутору, чертежнику и переводчику киргизского языка. Квартирные 150 руб. были определены редактору, делопроизводителю, младшему архитектору, младшему землемеру, межевщику, 250 руб. – старшему землемеру, 300 руб. – областным архивариусу и областному лесничему. Самые высокие квартирные у непрямого члена Распорядительного Комитета по Земским делам и областного инженера (400 руб.) и самые низкие – у помощника делопроизводителя и чертежника (100 руб.).

Расходы на содержание чиновников шли из казны или же земских сборов, некоторым чинам (столоначальникам и их помощникам) большая часть из казны и часть из земских сборов. Всего на содержание 29 чиновников главного управления и прочих расходов (экстраординарных, на содержание канцелярских служителей, отопление, освещение и др.) определялось 70800 руб., из них 64200 руб. из казны, 6600 руб. из земских сборов [136, л.93].

По Положению 1891 г. «Областное управление образуют: военный губернатор и областное правление. В областях Семиреченской и Уральской военные губернаторы суть вместе с тем наказные атаманы казачьих войск» [86. с. 388]. Военные губернаторы обладали полномочиями административной и военной властей, а также правом надзора за деятельностью судебных органов. Военному губернатору выделялось 7000 руб., Семиреченскому – 3500 руб. жалованья и 3500 руб. столовые. Семипалатинскому и Акмолинскому губернаторам – 3500 руб. жалованья, 2000 руб. столовые и 1500 квартирные. При военном губернаторе состояли чиновники особых поручений (старший – 1, младший – 2), переводчик маньчжурского и китайского языков – 1 (в Семиреченской и Семипалатинской областях), переводчик туземных языков – 1 (Семиреченской области), вице-губернатор – 1, советники – 2, делопроизводители – 5 (в Семиреченской области), 4 – в Семипалатинской и Акмолинской, их помощников – 5 (в Семиреченской) и 4 – в Семипалатинской и Акмолинской, бухгалтер – 1, экзекутор – 1, журналист – 1, архивариус – 1, переводчик – 1, редактор областных ведомостей – 1 (в Семипалатинской и Акмолинской областях), непременный член Распорядительного Комитета по земским делам – 1, делопроизводитель по земским делам (Семипалатинской и Акмолинской обл.), его помощник – 1, архитекторы: областной – 1, младший – 1 (нет в Семиреченской области), областной землемер – 1 (кроме Семиреченской), областной врач – 1, при нем фельдшер – 1, врачи, состоящие при областном правлении для командировок – 2 (в Семипалатинской области, 1 – в Акмолинской), областной ветеринар – 1, при нем фельдшер – 1.

Почти всем чиновникам областного управления Степного Края полагалось кроме жалованья, столовые и квартирные. Расходы на их содержание определялись как из казны, так и из земских сборов. Самое высокое жалованье было у военного губернатора (3500 руб.), самое низкое – у фельдшера (240 руб.). Столовых – у вице-губернатора (1500 руб. Семипалатинской и Акмолинской обл.) и 1750 руб. – Семиреченского. Квартирных – по 500 руб. у всех областных вице – губернаторов (самые высокие), низкие квартирные (60 руб.) у помощников делопроизводителей, журналиста-экзекутора и архивариуса. У чиновников областного ранга жалованье, столовые и квартирные были намного ниже, чем у чиновников главного управления (генерал-губернаторства). Всего чиновников в Семиреченском областном управлении было (вместе с военным губернатором) – 28, в Семипалатинском – военный губернатор и 33 чиновника, в Акмолинской – военный губернатор и 26 чиновников [136, л. 94].

По закону 1891 г. области делились на уезды. «Уезды с находящимися в них городами, кроме городов, имеющих отдельное управление, состоят в ведении уездных начальников» [86, с. 235]. Уездные начальники осуществляли гражданское, военное и полицейское управление в уездах, волостях и аулах. Уездный начальник мог быть военным штаб-офицером или гражданским. Уездному начальнику определялось жалованье – 1000 руб., столовых – 1000 руб., квартирных – 500 руб. При уездном начальнике состояли помощник и канцелярия. Заведовал канцелярией помощник уездного начальника с окладом и столовыми по 450 руб. и квартирными – 100 руб. Письмоводителей – 2, их

помощников – 2. В каждом уезде были: врач, фельдшер, повивальная бабка, ветеринарный врач и при нем фельдшер. Оклады их от 240 руб. (фельдшер) до 600 руб. (врач). Квартирные – от 50 руб. (помощники письмоводителей, повивальная бабка) до 500 руб. (уездный начальник), столовые – от 50 руб. (повивальная бабка) до 700-1000 руб. (уездный начальник).

Всего чиновников в каждом уезде Степного генерал-губернаторства было от 7 до 11. Уездов в Семипалатинской области 6, чиновников в уездном управлении 66; в Семипалатинской – 4, чиновников – 94; в Акмолинской – 5, чиновников – 108. Всем им полагалось жалованье, квартирные и столовые. Лишены были квартирных и столовых фельдшеры, квартирных – ветеринарные врачи.

Местное управление на уровне волости и аулов осуществляли волостные управители и аульные старшины, которые выбирались казахами на три года с последующим утверждением колониальной администрацией. Содержание извозлагалось на местные аульные общества. Чиновники местного уровня должны были подчиняться вышестоящему уездному начальнику и выполнять все его распоряжения, следить за порядком в волости и ауле, своевременно организовывать сбор налогов.

В чиновничьей среде высказались также мнения о том, что необходимо упорядочить деятельность уездной власти путем увеличения числа младших помощников уездного начальника из киргиз, определив круг их обязанностей по управлению волостями, в виде станových приставов, которые находясь на службе русской администрации, могли бы, по мнению тургайских чиновников, быть весьма полезными органами уездного управления.

Штаты Областных правлений были введены Степным положением до начала переселенческого движения и были достаточны только для управления киргизами.

Например, в 1910 году Семипалатинской губернатор в своем отчете указывал на то, что времена изменились, работы много, требуется организация постоянных поездок с целью руководства на местах и контроля подчиненных чиновников. Поэтому, на службу в Семипалатинскую область необходимы энергичные, знающие и трудолюбивые работники. Но из-за недостаточного содержания, чиновники не могут обучать своих детей, хорошо питаться, одеваться и не идут на службу. Исходя из выше изложенного, губернатор, предлагал проекты новых штатов областного правления, уездных управлений и городских полицейских управлений, «действующие штаты которых совершенно не отвечают современным требованиям жизни области» [139, л.23].

Особо подчеркивал глава областной администрации нехватку штатов уездной полиции: « На месте нет никакой власти. Киргизы наглеют, чувствуя себя полными господами степи, угоняют у русских скот и лошадей и даже делают нападения на чиновников. Из конокрадства киргизы сделали целую систему борьбы против русских крестьян» [139, л.23].

Далее он писал о необходимости усиления штата полиции для обеспечения жизнедеятельности русского населения и обуздания «дерзости киргиз, заставив их с уважением относиться к русской власти».

Считал необходимым изменение Степного положения и киргизского народного суда так, как «... законы о киргизах постоянно запаздывали и являются ныне совершенно устаревшими» [139, л.24].

Губернатор гордился тем, что он впервые выдвинул требование, чтобы лица, баллотирующие на должности волостных управителей и кандидатов к ним знали бы русский разговорный язык и что лиц, не знающих русского языка, он не будет утверждать в этих должностях.

Возмущен был тем, что главные представители власти киргизов, не знают государственного языка. «Опасение, что не найдется среди киргиз людей, знающих русский язык, совершенно ложно, ибо масса киргизов прекрасно изучила русский язык и учится в русских школах, но из присущей киргизам хитрости не желают говорить по-русски» [139, л.25]. Предлагал требование знания русского языка применить и к аульным старшинам.

Делая общий вывод о том, что область растет, подчеркивает, что «крайне необходимо усилить личный состав служащих и дать им возможно лучшее обеспечение, чтобы привлечь сюда энергичных, знающих и трудолюбивых людей, способных к созидательной работе» [139, л.32].

Увеличение штатов областного правления, уездного управления, городской полиции, усиление личного состава крестьянских учреждений, по его мнению, может установить «твердый порядок, способствующий развитию и процветанию хозяйственной жизни его населения и нравственному его преуспеянию» [139, л. 54]. Мнение Семипалатинского губернатора о штатах было характерным для руководителей всех областей Степного края.

Подтверждением является Записка «Об изменении штата канцелярии Степного генерал-губернаторства» [140, л. 47] от 16 января 1914 года, Степного генерал-губернатора министру Министерства Внутренних Дел. Главный управитель края отмечал, что штаты, утвержденные Степным положением 1891 года действуют до сих пор, хотя условия жизни в крае изменились. Далее он подчеркивал, что отпускаемые кредиты ничтожны. Считал, что правительство не учитывало колонизацию края, вызвавшую здесь увеличение количества русских крестьян, рост земледельческого хозяйства, русских поселков, городов, торговли, промышленности, новых учреждений, развитие дороги и т.п.

Подтверждая свои выводы, приложил следующие таблицы (таблица 2):

Таблица 2 - Сравнительные цены на пищевые продукты, рабочие руки и квартиры за 1893 и 1914 гг.

А. Пищевые продукты

Название продукты	1893				1914			
	от		до		от		до	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
а) Хлеб								
Пшеница в зерне 1 фунт	-	25	-	30	-	80	1	-
Мука ржаная 1 фунт	-	25	-	30	-	80	-	90

Продолжение таблицы 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Мука пшеничная 1 фунт	-	35	-	40	1	-	1	20
Мука крупчатая 1 фунт	1	15	1	50	1	95	2	20
Хлеба черного 1 фунт	-	1 ^{1/2}	-	-	-	3	-	-
Хлеба пшеничного 1 фунт	-	2	-	-	-	3 ^{1/2}	-	-
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Крупа гречневая 1 фунт	-	3	-	4	-	5	-	6
Крупа просяная 1 фунт	-	2 ^{1/2}	-	3	-	4	-	6
Мясо I-й сорт 1 фунт	-	5	-	6	-	15	-	-
Мясо II-й сорт 1 фунт	-	2 ^{1/2}	-	3	-	9	-	12
Мясо вырезки 1 фунт	-	8	-	-	-	25	-	-
Мясо телятины 1 фунт	-	6	-	10	-	25	-	30
Мясо баранины 1 фунт	-	3	-	4	-	15	-	17
Мясо свинины 1 фунт	-	8	-	10	-	15	-	25
1 курица 1 фунт	-	25	-	30	-	70	-	80
1 петух	-	20	-	25	-	70	-	80
1 пара цыплят	-	10	-	15	-	60	-	70
1 пара индюшек	1	50	-	-	3	-	5	-
1 пара уток	-	50	-	60	1	20	1	40
1 пара тетерок	-	15	-	25	-	70	-	80
1 пара рябчиков	-	30	-	40	-	80	1	10
1 пара куропаток	-	18	-	25	-	60	-	70
1 пара гусей битых	-	50	-	60	1	50	2	50
1 заяц	-	5	-	7	-	25	-	30
Рыба окуни	-	40	-	60	6	-	-	-
Караси 1 десяток и др.	-	5	-	12	-	50	1	20
Зелень	1	50	5	-	9	-	15	-
Капуста 1 сотня вилок								
Картофель 1 пуд	-	7	-	15	-	50	-	65
Морковь 1 пуд	-	8	-	12	-	50	-	-
Огурцы 1 сотня	-	10	-	60	1	70	2	-
Яйца 1 десяток	-	5	-	6	-	17	-	30
Молоко 1/4 ведра	-	8	-	10	-	30	-	50
Творог 1 фунт	-	1	-	11/2	-	7	-	8
Молоко сливочное 1 фунт	-	25	-	30	-	35	-	50

Продолжение таблицы 2

Б. Рабочие руки

Примеры	1893 г.				1914 г.			
	от		до		от		до	
	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
Кухарка (за пово́ра)	6	-	-	-	10	-	15	-
Горничная	4	-	5	-	8	-	12	-
Нянька	5	-	-	-	8	-	10	-
Кучер	10	-	-	-	15	-	25	-
Дворник	8	-	-	-	10	-	15	-

В. Квартиры

Число комнат	1893 г.		1914 г.	
	Средняя годовая цена	от	до	Средняя годовая цена
2. комнаты	45 р.	192 р.	480 р.	344 р.
3. комнаты	90 р.	240 р.	600 р.	370 р.
4. комнаты	135 р.	480 р.	960 р.	800 р.
5. комнаты	190 р.	900 р.	1700 р.	1200 р.
6. комнаты	260 р.	1200 р.	2000 р.	1500 р.
7. комнаты	–	1500 р.	2400 р.	2000 р.
8. комнаты	–	2000 р.	3000 р.	2500 р.

Из таблиц видно, что действительно, цены на продукты питания, труд и квартиры выросли в среднем, на 100 и выше рублей (квартиры), на 5-10 рублей - продукты питания, на 4-5 рублей – труд. Также можно сделать вывод о том, что русские чиновники жили у нас, по российским меркам, не плохо.

Глава Степного края Шмидт 9 июля 1914 года опять поднимал вопрос о пересмотре штатов областных правлений и об увеличении кредита на канцелярские и хозяйственные расходы. Шмидт предлагал назначить управляющему канцелярией оклад не ниже 8000 рублей, делопроизводителям – 4500 рублей. Считал, что необходимо увеличить количество младших делопроизводителей с 4 до 6 и переименовать их в помощников делопроизводителя, с окладом – 3000 рублей в год. Чиновников особых поручений должно быть, по его мнению, 4 (1 – старший с окладом 3500 рублей, остальные – 3000 рублей). Также он просил утвердить новые должности чиновников: агронома со специальным образованием, гидротехника с образованием и опытом работы, инженера по строительной части. Всем новым чином рекомендовал дать 5-ый класс по должности и 4500 рублей оклад.

Далее рассуждал генерал - губернатор, на наем писцов необходимы – 6000 рублей, на канцелярские и хозяйственные расходы – 5000 рублей, на выдачу наград и пособий – 8000 рублей, на разъезды всех чиновников – 15000 рублей.

После штатного расклада, руководитель администрации края подчеркивал, что если его пожелание будет осуществлено, то «это будет большим успехом государственного дела на окраине, ибо только тогда генерал-губернаторское управление будет не только стоять на высоте, предъявляемых к нему с высоты Престола требований, но сможет и фактически осуществлять те начинания кои ныне не всегда возможно проводить в жизнь за недостатком рабочих сил и за скудностью материальных средств» [140, л.18].

Император и чиновники из Министерства Внутренних Дел согласились с мнением главы Степного края, но «по обстоятельствам военного времени, требующим всемерного сокращения расходов казны» [140, л.28], этот вопрос остался не решенным.

В заключении, на наш взгляд, необходимо отметить следующее:

- Управление в Степном генерал-губернаторстве делилось на главное, областное, уездное, местное (волостное и аульное). Высшее управление осуществляли военные чины: генерал-губернатор (главное управление), военный губернатор (областное), уездный начальник (уездное). Только местное управление находилось формально у волостных управителей и аульных старшин. Каждое из высших управлений возглавлял чиновник с достаточным жалованьем, некоторые – столовыми и квартирными;

- Расходы на содержание чиновников осуществлялись как из казны, так и из земских сборов, местных – за счет аульных обществ. По закону чиновники всех рангов наделялись неограниченными полномочиями, что давало им возможность творить во вверенной им территории произвол, насилие и беззаконие. По мере развития процесса колонизации края, администрация требовала изменений штатов канцелярии Степного генерал-губернаторства.

Несмотря на то, что на обеспечение штатов выделялись немалые средства, главы областей и Степного края считали необходимым увеличение им оклада. Ни один из чиновников колониальной администрации не заботился о положении коренного населения и не предлагал меры по улучшению благосостояния казахов.

3 КРИТИКА КАЗАХСКОЙ ЭЛИТОЙ ПОЛОЖЕНИЯ 1891 ГОДА

3.1 Лидеры казахской интеллигенции о Степном положении 1891 года

Период действия Степного положения 1891 года, усилили колониальный гнет, массовое изъятие земель, нищету и бедствия казахского народа. В начале XX века тяжелое положение казахов привело к пробуждению национального самосознания и чувства патриотизма передовой части общества. Это деятельность плеяды ярких личностей, таких как: Алихан Букейханов, Ахмет Байтурсынов, Мыржакып Дулатов, Жакып Акбаев, Мухамеджан Тынышпаев и многих других. Казахская элита обладала разносторонними качествами. Практически все они были государственными и общественными деятелями и одновременно писателями, поэтами, учеными.

Алихан Букейханов – общественный деятель, публицист, ученый, автор трудов, посвященных политическому просвещению казахского народа, пробуждению его национального самосознания, исследований казахского фольклора и эпоса, переводчик произведений русской литературы на казахский язык, автор монографии по казахскому овцеводству, коневодству, крупному рогатому скоту. Ахмет Байтурсынов – поэт, публицист, переводчик, тюрколог, реформатор казахского алфавита на основе арабской графики. Мыржакып Дулатов – поэт, публицист, писатель, драматург, педагог, общественный деятель. Мухамеджан Тынышпаев – инженер железнодорожник, историк, этнограф. Халел Досмухамедов и Санжар Асфендияров – врачи по профессии, авторы научных трудов по истории казахского народа, казахского языка и фольклора.

Это были действительно элитные, особенные и оригинальные люди, вышедшие из среды казахского народа. Как известно, элита - наиболее видные представители какой-либо части общества, группировки и т.п. или как раньше считалось - верхний слой господствующего класса или отдельных его групп. Как отмечает, автор труда «Ұлттық саяси элита. Қызметі мен тағдыры (XVII-XX ғғ.)». Зерттеулер. М.К. Койгельдиев, сегодняшняя гуманитарная наука делит элиту на несколько разных групп: политическая, руководящая, научная, научно-техническая. Есть специальная сфера научного направления деятельности – элитология [82].

Также в своей работе М.К. Койгельдиев выделяет пять периодов ее развития: 1731-1822 гг., 1822-1824 гг., 1867-1868 гг. – 1917 февраль, 1917 февраль – 1917 октябрь, 1917 октябрь–1991 гг. Четвертый период – деятельность алашской интеллигенции – алашской элиты.

Как нам известно, целью царского правительства было создание «послушной новой туземной элиты» и внедрение мысли о том, что только через православие и великорусское образование можно получить все ценное и нужное в жизни. При этом учитывалась «природная общительность киргиз и податливость их к посторонним влияниям», также начавшееся обучение в русско-туземных школах, где пропагандировалось могущество России, русской культуры, русского народа.

Как правильно отмечает исследователь алашского движения, в своей статье «Движение Алаш и советская власть: различие позиций»: «После

установления в Казахстане российской системы управления методы обращения с казахской правящей элитой претерпевают существенные изменения. В целях профессионализации управления казахским обществом колониальная администрация переходит к подготовке кадров из среды самого казахского общества. Казахская молодежь, получившая русское образование и воспитание, должна была быть проводником интересов Российского государства, русской культуры» [85].

Идеология алашского движения формировалась под воздействием просветительских идей. Ее стержнем стал антиколониализм. Алашская интеллигенция отражала общедемократические, общенациональные интересы. Главной целью алашской элиты было возрождение национального духа, освобождение от униженного положения казахов в Российской империи.

Принятое 25 марта 1891 года Российской империей «Положение об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями», известное в Казахстане как «Степное положение» узаконенное с 1 октября 1893 года», усилило в казахском обществе проблемы, накопившиеся еще с 70-80 годов XIX века.

Поэтому, казахская интеллигенция, особенно в годы и после первой русской революции (1905-1917 гг.) активизировала свою деятельность, направленную «на раскрытие нужд и потребностей простого народа». Среди многих назревших и требующих решения проблем казахского народа, был вопрос о необходимости пересмотра Степного положения 1891 года, так как последствия её введения для казахов Степного края, были крайне тяжелыми. Поэтому, на решение этого вопроса, алашская интеллигенция уделяла огромное внимание.

С 1899 года генерал-губернатор Степного края Таубе и военные губернаторы областей также поднимали вопрос о пересмотре Положения 1891 года. Проблема была одна, а цели - разные. Казахская интеллигенция считала, что казахи управлялись «на основании особых законоположений», «самых диких и бессмысленных», поэтому Степное положение не учитывало интересы казахского народа и создавало возможности для незаконных действий чиновников колониальной администрации разного уровня, а отдельные статьи закона были не совершенны, вредны и трудны для их соблюдения. Казахский народ, желавший видеть в лице русского правительства олицетворение справедливости и законности, потерял остатки былой свободы и независимости, лишился государственности, и дальнейшее культурное развитие края в начале XX века оказалась проблематичным.

Чиновники же царской администрации, с целью дальнейшего усиления колонизации края, желали совершенствования системы колониального управления Казахстаном и приспособление аппарата принуждения к новым историческим условиям, поэтому просили правительство увеличить штаты управления, повысить жалование, ввести новые карательные должности.

В такой обстановке казахская интеллигенция в лице Алихана Букейханова, Ахмета Байтурсынова, Мыржакыпа Дулатова, Мухамеджана Тынышбаева, Жакыпа Акбаева, Жанши и Халела Досмухамедовых и многих других,

критикуя Степное положение 1891 года, доступно, убедительно и квалифицировано доводила до чиновников царской администрации бедственное положение казахского народа, как результат их деятельности, предлагала пути решения накопившихся проблем казахов, призывая их к культурному росту, как залогом развития и раскрывала последствия введения Степного положения 1891 года. Положение охватывало все стороны жизнедеятельности казахов и носило ярко выраженный колониальный характер, поэтому подтверждения их бедственного положения в конце XIX – начало XX века мы можем найти не только в трудах и выступлениях казахских ученых, государственных и общественных деятелей, в текстах петиций, на страницах демократической печати, но и даже в отчетах, донесениях, рапортах, жалобах и т.д. царских чиновников.

Являясь свидетелями изменений условий жизни в степи, казахская интеллигенция имела возможность сравнивать политическое, духовное, религиозное и экономическое развитие края до и после принятия царских реформ в начале, и особенно, в конце XIX века. Так, по Положению 1891 года, была изменена система управления казахами Степного края: Уральская и Тургайская области подчинялись военным губернаторам, а Акмолинская и Семипалатинская – не только военным губернаторам своих областей, но и Степному генерал-губернатору и Министерству внутренних дел. В Туркестанском генерал-губернаторстве русские чиновники возглавляли области (военные губернаторы), уезды (уездные начальники), в Степном же генерал-губернаторстве сверх этих чиновников в каждом уезде были учреждены должности крестьянских начальников (1902-1905 гг.), полицейских и введен институт урядников.

Алихан Букейханов как идеолог, лидер национального движения всего Степного края, ученый и публицист в полной мере использовал «силу печатного слова в целях защиты интересов собственного народа». «В своих многочисленных публикациях, в том числе и в центральных изданиях, он смело критиковал политику Российской империи, связанную с переселенческим вопросом», выборами на низшие административные должности, русификацией и христианизацией, подчеркивая, что «политический строй киргиз регламентируется особыми, специально для киргизского населения изданными законами: «Степным и Туркестанским положениями» [52, с.54].

В работе «Киргизы» он пишет о возрастающем переселении русских в степь, о борьбе за землю между киргизами и переселенцами, о беззаконии, об обострении национального антагонизма, после принятия Степного положения 1891 года. Так, подчеркивая, что переселенцы из Европейской России заселяют, главным образом, северные уезды степных областей, приводит таблицу, составленную из данных губернского отчета за 1905 год, где показывает количество киргиз и крестьян в уездах и областях Степного края и их процентное соотношение. Так, в Петропавловском, Омском и Кокчетавском уездах крестьяне составляют 69 % по отношению к киргизам (самое большое), затем – в Акмолинской области – 42%, в Актюбинском и Кустанайском – 37%, в Тургайской области крестьяне составляют 22 %. В последующие годы

переселение крестьян было значительным, поэтому эти данные изменились в пользу переселенцев. Далее Алихан Букейханов приводит примеры сопротивления киргиз изъятию земель и о вооруженных столкновениях переселенцев и киргиз в Кокчетавском и Омском уездах. Сделав анализ переселенческого движения, приходит к выводу, что чиновники подвергают изъятию «удобные для земледелия и лучшие» земли киргиз, при этом «казна уплачивает только сносимые киргизские постройки», если они попадают в надел переселенческого участка, в большинстве же случаев, киргиз заставляют уйти, не заплатив даже за постройки [52, с.72].

А. Букейханов подчеркивал, что статистическая экспедиция Ф.А. Щербина, приняла за норму для киргизского хозяйства от 18 до 24 единиц скота и от 5 до 8 десятин годового пастбища на каждую единицу скота, что составляло 90-192 десятины земли на двор и повышенные надбавки в 25 %. Если в первые годы с этими нормами и надбавкой считались, то в последние годы она не сохранялась. По Степному положению, земли в степи отводились не только для переселенцев, но и для казенных лесных дач. Ещё Временное положение 1868 года в §238 определило: « в киргизской степи леса составляют государственную собственность, за исключением отведенных уже в надел казачьим войскам», а §239 вменял в обязанность областного начальства, получив разрешение Степного генерал-губернатора «принимать меры к сохранению лесов в степи...», но в последующие годы киргизские поселки, расположенные близко от лесов, а покосы в самом лесу привели к тому, что «чины лесного ведомства, как и их товарищи из Переселенческого Управления–виртуозы, в деле закона – тщательно обхватили межой на расстоянии нескольких саженей всю киргизскую оседлость, делая её хозяина вечным объектом протоколов и штрафов, в конечном результате киргиз сам уходил от такого житья» или же казенные лесные дачи отданы под переселенческие участки; лесу киргизской степи грозит совершенное истребление» [52, с.73].

В начале XX века появляется опасность не только в исчезновении лесов, но и самих киргизов, как пишет Алихан Букейханов, депутат Марков-2 «в переселенческой комиссии Государственной думы... заявил, что киргизы – потомки Чингисхана и Тамерлана и что с ними нужно, поэтому поступать так, как поступали с краснокожими в Америке» [52, с.73]. Колонизация киргизских степей крестьянами неспособными «к улучшенным приемам хозяйства», наделение их десятью десятинами земли на душу, «чтобы на место двух посадить трех», нарушение прав киргиз уже исполнили желание депутата Маркова-2.

А. Букейханов не просто озабочен трагической судьбой лесонасаждений в родном краю. Он возмущен несправедливым отношением депутата к казахам, который казалось бы, должен защищать граждан, помогать им в защите своих прав. Как оказывается, законы Российской империи в казахском крае понимаются вышестоящими лицами государства по – своему. А. Букейханов, на наш взгляд, хотел показать сущность закона 1891 года: колонизация казахских земель.

Анализируя переселенческую политику царизма, Алихан Букейханов приходит к выводу: «распылив превосходные пастбища киргизской степи и обратив её в пустыню, крестьянин окажется у разбитого корыта, а киргизы, лишившись к тому времени своих пастбищ, окончательно обнищают...» [52, с.54].

Об активной деятельности Алихана Букейханова свидетельствует рапорт от 21 августа 1905 года, в котором, Уездный начальник Семипалатинской области, штабс-ротмистр Оссовский докладывал о его роли в петиционной компании. Рапорт «спешно и секретно» был отправлен Управляющему канцелярией Степного генерал-губернаторства. В приложении Б. мы приводим документы, касающиеся этого дела.

«Приговоры и доверенности были отправлены в г. Омск на имя ученого лесоведа Алихана Букейханова, который, можно думать, главным организатором и руководителем дела по составлению поданных петиции и телеграммы на Высочайшее имя.

В данное время выясняется, что петиция была отправлена г-ом Букейхановым в г. Петербург из г. Омска 22 июля с.г. и что г-н Букейханов снабжен надлежащими полномочиями от киргизов вверенного мне уезда, при чем замечено, что г-н Букейханов ведет деятельную переписку с влиятельными киргизами уезда и очевидно пользуется в степи авторитетом.

Телеграмма из г. Омска в г. Каркаралинск была привезена, по полученным мной секретным сведениям, служащим Омской судебной палаты, кандидатом на судебную должность Якубом Акпаевым, который и выдавал себя за составителя этой телеграммы, и весьма вероятно, что в составлении этой телеграммы принимали участие и г-н Букейханов.

Доверенными лицами для участия в народных представительствах от вверенного мне уезда намечены г-н Алихан Букейханов и г-н Якуб Акпаев» [103, с.45].

Свое мнение о Степном положении высказал один из выдающихся педагогов, знатоков родного языка и литературы, трудившийся в Казахском государственном университете имени С.М. Кирова (Казахский национальный университет имени аль-Фараби) Тельжан Шонанулы. В своем известном труде «Жер тағдыры - ел тағдыры», он писал о законе 1891 года. Напомнив, о переселенческом движении русских крестьян в казахские земли, которое началось в конце 80-х – начало 90-х годах XIX века, отмечал об утвержденном 1891 году 25 марта закона, под названием «Степное положение». «Бұл «Степное положені» былай деп түсіну керек. «Ұрысы күшті болса, иесі өледі, ұры иесінен мықты болса, танып тұрған малын бермек түгіл, қуғыншының атын жорта өзінікі қылып, танып аударып алады». «Степное положениемен» қазақ жерін қазыналық деп жариялауы, сол кезгі үкіметтің күшті ұры болғаны. Еңбек сіңірмей дворяндар кен жерге ие болса, оны қазыналық демейді. Қазақ еңбегін сіңіріп отырған жерді қазыналық дейді. Қазақ жері құрбанға байланған ғой, «Степное положение» союға қайралған пышақ сықылды» [56, с.115]. Здесь Т. Шонанулы подчеркивает, насколько закон 1891 года несправедлив по

отношению к коренному населению и удобен для русских помещиков и чиновников.

Известный государственный деятель, исследователь истории казахского народа, культуры, фольклора М. Тынышпаев, как мы писали выше, будучи студентом, 20 июня 1905 года написал письмо председателю Комитета министров, в котором затрагивал «насущные нужды и интересы киргизов». Особое внимание он уделил духовно-религиозным отношениям, которые, по его мнению, поставлены совершенно не правильно. Причина кроется в незнании предписаний мусульманской религии чиновниками разных учреждений. Поэтому, происходят беззакония и произвол в степи: «заккрытие мечетей и молитвенных домов, кощунство и надругательство над Кораном, заключение в тюрьмы и другие наказания...» [103, с.30].

Далее, он указывал на те статьи, которые «крайне стеснительные и не соответствуют условиям киргизской жизни». Это статьи 97 и 99, которые разрешают с согласия властей иметь по одному мулле и одной мечети в волости. Решение проблемы возможно, по мнению М. Тынышпаева, путем предоставления киргизам полной свободы в духовно-религиозном отношении.

М. Тынышпаев акцентировал внимание высокопоставленного чиновника на статьях 125 и 129, регулирующие земельный вопрос в степи. Указывая на нарушения статей со стороны администрации писал, что у казахов отбираются лучшие земли, «как то: зимовка, пашни, сенокосные участки, места с постройками и насаждениями, которые ни в коем случае не могут быть лишними и свободными» [103, с.30]. Действия чиновников вызывают обиды, насилие, бесконечные споры, драки и убийства. Поэтому, «лишние земли должны определяться обществами самих киргизов и отводиться с их согласия из районов только летних кочевий» [103, с.31]. М. Тынышпаев останавливался на статье 17, дающая генерал-губернатору право без всякого суда и следствия высылать неблагонадежных киргизов. А статья 70 позволяла военным губернаторам не утверждать выбранных народом управителей и назначать других по своему усмотрению. Далее он заявлял, что эти статьи противоречат принципу справедливости.

Реформы, проводимые колониальной администрацией, наносили вред нравственности киргизов. Раньше, как отмечал М.Тынышпаев интересы их защищали аксакалы, уважаемые и почтенные люди. Теперь же, новые законы дают большую власть так называемым официальным туземцам-волостным и аульным управителям. И как верно отмечает, аксакалы не желают служить вместе с людьми, недостойными своего звания и избранными на общественные должности посредством подкупов и другими недобрительными средствами. Также казахский народ страдает от действий биев, решающих дела по своему усмотрению.

Рассматривая деятельность уездных начальников и мировых судей, с горечью писал: что они не знают и не желают знать киргизский язык. «Армия и военное сословие в результате многочисленных войн в бюрократической системе России за заняли видное место. Военное сословие – офицерский корпус стал самым популярным звеном в государстве, оказавшим значительное

влияние на развитие идеологии в стране, на выработку внешнеполитического курса» [100, с.7]. Поэтому, киргизы невинно страдают только от того, «что власти совершенно не знали киргизского языка, а переводчики или подкупались или просто по незнанию не верно переводили» [103, с.32]. Далее предлагал, что необходимо обязать губернаторов, уездных начальников, мировых судей и других чиновников изучать киргизский язык, обычаи и нравы, и чтобы образованные киргизы по возможности призывались служить среди своих сородичей. Так известно, что нерусские выпускники российских вузов направлялись в другие национальные, неродные регионы империи.

Во всех реформах царской России, управление казахами доверено было военным, которые без специального образования, знания населения, их обычаев, традиции, властвовали на всей территории Казахстана. Поэтому, М.Тынышпаев считал необходимым заменить военное управление гражданским.

Как известно, «армия и военное сословие в результате многочисленных войн в бюрократической системе России заняли видное место. Военное сословие – офицерский корпус – стал самым популярным звеном в государстве, оказавшим значительное влияние на развитие идеологии в стране, на выработку внешнеполитического курса» [100, с.7].

В заключении своего письма Мухамеджан Тынышпаев делает вывод о том, что «с течением времени законы Российской империи заменились... административным произволом. Казахское же население стало думать, что им даны свыше особые права и преимущества » [103, с.34]. Поэтому необходимо уничтожить всякий произвол и беззаконие, царящие безнаказанно в степях и ввести повсюду принципы справедливости и законности. А для этого представители коренного народа должны участвовать в выборах в Государственную Думу. Сами решать вопросы устройства и переустройства управления.

Таким образом, М.Тынышпаев совсем еще молодым человеком, болея душой за свой народ, смог открыто написать «о фактическим бесправии казахов» высокопоставленному административному чиновнику Российской империи – Председателю Комитета министров. Действительно, привел факты произвола и насилия чиновников колониальной администрации. Справедливо показал их причины и указывал пути решения проблем казахского народа.

В 1913 - 1918 гг. Ахмет Байтурсинов, Мыржакып Дулатов, Алихан Букейханов и другие организовали выпуск газеты «Казах». Цель ее заключалась в том, чтобы «защищать интересы народных масс, способствовать распространению науки и культуры среди казахов, знакомить с жизнью и достижениями других народов» [155, с.11]. Газета выходила до октября 1918 года в Оренбурге. В этом печатном органе публиковались материалы, освещающие объективное положение коренного населения. «За все время существования, газета «Казах» вела систематическую борьбу... с злоупотреблениями, разоблачая грязные поступки обитателей, взяточников и аферистов разных мастей. Они то, зорко следя за каждым шагом и за каждой строкой «Казах» занялись доносами. Они переводили резко написанные и

осуждающие действия и политику правительства статьи с комментариями от себя и представляли начальству» [55, с.274]. Поэтому в редакции часто производились обыски, а А. Байтурсынова вызывали на допросы. В 1914 г. за помещенную в № 80 «Казах» статью, где он критиковал проект «Положения об управлении киргизским краем». Оренбургский генерал-губернатор Сухомлинов оштрафовал его как редактора, на 1500 рублей и в случае его неплатежеспособности постановил заменить штраф арестом на 8 месяцев. «Он несмотря на слабость своего здоровья, заявил полиции, что согласен сидеть, но платить штраф не может...» [55, с.274]. Читатели газеты, узнав об этом, внесли штраф и он был освобожден. Газета и после этого неоднократно подвергалась штрафам на разные суммы, но всегда читатели аккуратно вносили штрафы, не доводя дело до ареста А. Байтурсынова или закрытия газеты. Тираж газеты превышал 8000 экземпляров. Именно здесь А. Байтурсынов, А. Букейханов, М. Дулатов, М. Шокай и другие сотрудники помещали свои исследования по истории и культуре казахского народа.

В целом газета «Казах» «достигла высокого научного уровня... была самой значительной из всех периодических изданий казахов» до революции, «как по качеству, так и по тиражу» и все это благодаря умелому руководству и самоотверженному труду А. Байтурсынова» [55, с.275]. Он прекрасно знал историю, культуру, менталитет казахского народа и считал, что с учетом их, необходимо внести изменения в Степное положение 1891 года или же заменить его Земством, пробудить самосознание казахов через просвещение, агитацию и пропаганду свободолобивых идей, повысить культурное состояние казахского народа – залог его развития.

Статьи, касающиеся Степного положения были опубликованы на страницах газеты «Казах» с 1913 по 1916 г., где главными темами были: решение земельного вопроса, о выборах в низшие органы административной власти, о работе Государственной Думы, о законах Российской империи в казахской степи, об изменениях, вносимых в законы: Степное положение и «Положение о Туркестанском крае» и другие.

Газета «Казах» уже в первых статьях «Үшінші Дума һәм қазақ» («Третья Дума и казахи»), «Сайлау» («Выборы»), «Жауап хат» («Ответ на письмо» - две статьи) писала о статьях 119 и 120 Степного положения. Напомнив читателям о статье 119, которая гласила: «Земли, занимаемые кочевьями и все принадлежности сих земель, а в том числе и леса, признаются государственной собственностью» довал пояснения. Далее говоря, о статье 120 где указано: «Земли, занимаемые кочевьями, оставляются в бессрочном общественном пользовании кочевников, на основании обычаев и правил сего положения. Примечание 1. Земли, могущие оказаться излишними для кочевников, поступают в ведение Министерства государственных имуществ» [96, с.395], довал комментарии. Автором статей являлся «Қыр баласы» (Алихан Букейханов). Затем он разъяснял читателям газеты «Казах», что изъятие земли казахов в Семиреченской, Семипалатинской, Акмолинской, Тургайской и Уральской областях для передачи их русским крестьянам (мужикам) проводилось согласно ст.ст. 119-120 и первого примечания ст. 120 Степного

положения. Причем подчеркивал, что изложенные факты свидетельствуют: примечание указанного закона имеет большую силу, чем сама статья. Поэтому им злоупотребляли органы колониальной администрации.

Алихан Букейханов глубоко переживавший за свой народ, мечтавший о его светлом и счастливом будущем, не мог не ставить на повестку дня вопрос о земле. Решение земельной проблемы Российской империей было нарушением прав казахов. Ведь в чьих руках находится земля, тот и хозяин. Указанные статьи Степного положения закрепляли власть чиновников царского самодержавия.

Далее автор статьи с горечью констатирует, что Государственная Дума нисколько не думает о положении казахов, об организации им помощи. Подчеркивает, что царское правительство было недовольно тем, что депутаты Дзюбинский и Виноградов поднимали вопрос о казахах в Думе. Чиновники возмущались: «Государственная Дума для казахов или русских?». Правительство заботилось о русском народе, об имперском развитии России.

В статье «Сайлау» («Выборы») 1913 г. автор – А. Букейханов, пишет о статье 70 Степного положения, который дает право «Военному губернатору ... утвердить или не утвердить выборы, либо замещает должность волостного управителя и кандидата к нему по собственному усмотрению» [96, с.39].

Автор сожалеет о том, что казахи не пользуются преимуществами статей о выборах Степного положения, которые при честных и справедливых выборах, давали бы возможность выбирать тех казахов, которые работали бы на пользу казахского народа. Однако же, в данный момент, выборы в степи превращены в бесконечные ссоры и вражду между выборными и их кандидатами в местные органы власти. Далее А. Букейханов пишет о запросе группы депутатов по изъятию излишков земли, о действиях чиновников, которые игнорируя закон забирают не только излишки казахских земель, а все земли без разбора. Он приводит в пример изъятую землю у казахов из рода Кошанай Усть-Каменогорского уезда, Таргынской волости для передачи крестьянам-переселенцам. После жалобы казахов, уездная комиссия решила вопрос положительно, т.е. земли были возвращены казахам из рода Кошанай.

На наш взгляд, казахская интеллигенция, считавшая что ум, честь и совесть превыше всего, понимала возможности и преграды, которые могут дать законы любого государства. В данном случае, казахи, при умелом руководстве ими имели шансы на успех, в противном случае – поражение с тяжелыми последствиями. Не без участия известных в народе личностей, казахи из рода Кошанай решили проблемы обеспечения земель в свою пользу.

Вопрос о выборах поднимается в газете «Казах» и в другой статье под таким же названием «Сайлау» («Выборы») [105, с.41], где автор статьи «Қыр баласы» высказывает свое беспокойство по организации выборной компании местных органов власти. Он рассуждает о вредности выборов в той форме, в какой они проводятся и о различиях в отношении к выборам крестьянских начальников русскими крестьянами-переселенцами и казахов - к выборам волостных управителей, биев, аульных старшин и пятидесятников, хотя, замечает «Қыр баласы», закон о выборах для тех и других одинаков. Вновь

звучит призыв к казахскому народу более ответственно относиться к выборам и отдавать свои голоса за уважаемых, достойных, справедливых, знающих и болеющих за свой народ людей, тех, кто будет пользоваться властью во благо народа, не знает лжи, воровства и корысти. Пора, казахскому народу, считает автор, думать о земле, трудиться на ней не жалея сил. Если же он, как в прошлые времена, будет надеяться только на скотоводческое хозяйство, то угроза потери земли возрастает уже не по закону Российской империи, а по закону жизни. Выживает тот народ, который забыв лень и усталость, будет трудиться на своей земле.

А. Букейханов – великий труженик и знаток казахской степи, по нашему мнению, прекрасно понимал какую горькую чашу, выпил казахский народ, с принятием законом царской России в Казахстане. Но времена меняются. Наступил XX век и требует больших усилий и труда от всех казахов. Иначе говоря, остро встает вопрос: «Быть или не быть родному народу?» .

В двух одноименных статьях «Жауап хат» («Ответ на письмо») [96, с.61] газета «Казах» поднимала вопрос о кочевой норме в 15 десятин земли. Достаточно ли она казаху – скотоводу, учитывая специфику его хозяйства. Нет, 15 десятин это норма оседлого населения, для кочевого – потеря земли и скотоводческого хозяйства. Как мы уже отмечали выше (с.28), специфические природно-климатические условия Казахстана вынуждали казахов заниматься в большей мере скотоводством, нежели земледелием. Поэтому, автор в статьях обоснованно пишет о вредности кочевой нормы, определенной царским правительством.

В статье «Төртінші Дума һәм қазақ» («Четвертая Дума и казахи») автор «Қыр баласы» пишет о 136 ст. Степного положения: «Приобретение земель в областях лицами, не принадлежащими к русскому подданству, а равно всеми, за исключением туземцев, лицами не христианского вероисповедания, воспрещается» [96, с.58].

Согласно этой статьи казахи наделялись правом покупки земли в собственность на своих же территориях. Но, продолжает автор статьи, новый закон, проведенный через IV Государственную Думу, дает право покупки и передачи государственных земель в собственность только лицам христианского вероисповедания. По Степному положению 1891 года для передачи крестьянам-переселенцам были определены излишки государственных земель, а право покупки ее, всем подданным Российской империи, в том числе и казахом. Внесение же в закон изменений вызвано «жаждой» чиновников Туркестанского края иметь землю, и дает им возможность беспрепятственно эту «жажду утолить», объявив себя христианами. Напротив, казахи, не будучи христианского вероисповедания лишаются такого права. Здесь автор подчеркивает ущемление прав коренного населения, теперь уже по религиозному принципу

В статье «Петроград хаты» («Письмо в Петроград») Алихан Букейханов напоминает о ст.ст. 17, 37-40,61,70,78,97-99,148-152 Степного положения, которые для казахского народа не совершенны, вредны и тяжелы для их соблюдения. Что не менее важно, решать эти вопросы Государственная Дума

пока не планирует, поэтому казахскому народу самому необходимо позаботиться о своей судьбе.

В статье «Бас косу туралы» («Об организации встречи») Мыржакып Дулатов и в статье «Мал нормасы» («Скотоводческая норма») за подписью «журналист» поднимается вопрос о земельной норме. Мыржакып Дулатов сетует на то, что губернатор Тургайской области ответил отказом на просьбу казахов разрешить организовать встречу казахов Кустанайского уезда для решения вопроса о земельной норме. Автор публикации считает, что губернатор «видимо отказывая в просьбе казахам, имел ввиду статьи 123 и 124 Степного положения, касающиеся проверки и решения спорных вопросов о земле на аульных и волостных съездах, тогда как не решенным вопросом для казахов Кустанайского уезда является вопрос о земельной норме. «Журналист» уточняет, вопрос «о скотоводческой норме» [96, с.79].

Известный защитник и борец за свободу казахского народа М. Дулатов продолжает проблему, которую ставил в своих статьях А. Букейханов. Анализируя скотоводческую норму, подчеркивает, что казахи пытались решить этот вопрос, обратившись к руководству Тургайской области. Сожалеет, что губернатор не понял суть проблемы и она не была решена.

Анализ трудов отдельных представителей казахской интеллигенции и публикаций в газете «Казах», затрагивающих вопрос о Степном положении 1891 г. на наш взгляд, приводит к такому заключению:

Они смело поднимали в печати вопросы о земле, о законах: Степное положение, Положение о Туркестанском крае, также о не совершенстве и вредности отдельных их статей для жизнедеятельности казахского народа.

3.2 Критика казахской элитой деятельности колониальной администрации Степного края

Выдающиеся казахские деятели начала XX века, где бы и кем бы не работали, все свои силы, знания, а затем – и жизнь, отдали делу возрождения казахского народа и его государственности.

С началом первой русской революции (1905 г.) в основу своей деятельности они ставили интересы и нужды казахского народа и для организации решения накопившихся проблем, перешли к агитационно-пропагандистской работе. Как отмечает видный историк, исследователь алашского движения Д.А. Аманжолова в своей работе: «Партия Алаш: история и историография»: Букейханов, явился организатором, автором и переводчиком всех основных петиций и телеграмм, направлявшихся в столицу. Также автор приводит рапорт Омского жандармского управления в Департамент полиции от 10 апреля 1906 года, о том, что Букейханов был арестован «как известный пропагандист, бывший душою всех митингов, петиций и противоправительственных агитаций и как главный инициатор и руководитель религиозно-политического движения киргиз ...» [141, с. 25-26]. Мы считаем, что не только А. Букейханов является автором петиций, телеграмм, прошений. В петиционной компании участвовала вся казахская элита.

Уже в Каракаралинской петиции (26 июня 1905 г.), авторами которой, являются лидеры казахской интеллигенции, предпринимается попытка довести до царского правительства ухудшающее положение казахского народа. Результатом его является колониальная политика Российской империи, создавшей «законы, по которым без всякой мотивировки, просто по праву сильного, все киргизские земли признаются государственной собственностью» [142, л. 55]. Здесь имеются в виду ст. 119-120 «Степного положения 25 марта 1891 года».

В петиции также указывалось, что введение в стране «Степного положения» не учитывало нужды и потребности населения края. Администрация Степного края не соблюдает законы, действует по своему усмотрению и насильно вторгается во все стороны жизни казахов «ставит на место закона свое усмотрение», пренебрегает правами личности и подвергает унижению чувства достоинства человека. Она насильно вторгается во все стороны жизни, и ... это привело население к обеднению и его культурное развитие к застою» [142, л.56].

Далее авторы петиции приводят доказательства произвола, насилия и беззакония администрации Степного генерал-губернаторства:

1. в 1903 год были произведены обыски у известных киргиз в Петропавловском, Кокчетавском, Павлодарском и Семипалатинском уездах, арестованы их библиотеки и не возвращены;

2. за религиозные убеждения киргизы Кокчетавского уезда Наурузбай Таласов и Шаймерден Кочегулов были административно высланы, первый в Енисейскую губернию, второй – в Якутскую область;

3. степной генерал-губернатор не разрешает открытие новых школ и постройку мечетей, а администрация даже закрыла существующие школы при мечетях и городах Семипалатинска и Кокчетава;

4. в аульных школах Степного края (открыты в 1902 г.) преподавание ведется на киргизском языке, но не разрешается иметь учителя для преподавания киргизской грамоты. Первый набор учеников проводился «под давлением административных властей из детей бедных киргиз или из сирот» [142, л.56], так как киргизы отказывались отдавать своих детей в эти школы;

5. закрыт гимназический пансион в Омске, который давал возможность поступить в гимназию и получить высшее образование. Местная администрация находит возможным выдавать стипендии не киргизским детям, а детям других сословий. Дети киргиз вынуждены обучаться на свои средства.

6. земский капитал киргиз Семипалатинской области, достигший 80 000 руб. и находящийся в распоряжении местной администрации выдана как без процентная ссуда в размере 47 000 руб. на 23 ½ лет на постройку дома для военного губернатора Акмолинской области;

7. за последние 15 лет происходит колонизация Степного края и под переселенческие участки отнимаются лучшие угодья и пресноводные источники;

8. управление Госимуществами в Степном крае производит отмежевание дач единственного владения казны, при этом киргиз выселяют от их прадедовских зимовок.

9. несмотря на то, что по штату «Степного положения» 1891 г. в уездах и областных правлениях полагаются переводчики киргизского языка, местная администрация должность переводчика замещает русскими чиновниками, не знающими киргизской грамоты, иногда языка.

10. в уездах Степного края с киргизским населением, судьями и следователями служат не киргизы, а русские, которые не знают киргизский язык.

11. в 1902 г. в Степном крае стал действовать институт крестьянских начальников, которые, не принося никакой пользы населению, увеличили число чиновников, вместо одного уездного начальника на уезд, стало их четверо, отчего увеличились административные стеснения населения». Крестьянские начальники не выдают заграничный паспорт, если есть недоимки за обществом и волостью;

12. степной генерал-губернатор, имеет право высылать киргиз в административном порядке согласно ст. 17 Степного положения [142. л. 57].

Далее авторы петиции предлагают пути устранения недостатков в управлении киргизским краем и принятия мер, необходимых для поднятия уровня развития киргизского населения. Свобода совести и вероисповедания. Постройка школ и мечетей. Отмена цензуры на духовные книги на киргизском, татарском и арабском языках. Правильная постановка просветительского дела (преподавание киргизской грамоты, обязательное изучение государственного языка, восстановление упраздненных интернатов и пансиона при Омской гимназии и др.). Издание газет на киргизском языке. Признание земель, занимаемых киргизами, их собственностью. Ведение делопроизводства в волостных канцеляриях и народных судах на киргизском языке. Назначение на должности судей, следователей и переводчиков лиц, знающих киргизский язык. Введение суда присяжных. Отмена института крестьянских начальников и урядников. Также «изменение «Степного положения» при участии депутатов из киргиз, без чего оно будет безжизненно [142, л.57].

Конечно, Каркаралинская петиция известная и самая большая по сбору подписей казахом. Также, именно в ней лидеры национальной интеллигенции, по нашему мнению, смогли раскрыть проблемы своего народа, а не отдельных личностей или группы людей. Поэтому, обойти ее невозможно. Написана она в июне 1905 года, до объявления Манифеста 17 октября.

О произволе, невежестве и жестокости чиновников писал М. Тынышпаев в докладе I съезду автономистов, прочитанной 19 ноября 1905 года «Киргизы и освободительное движение», и привел один невероятный, но имевший место факт, который возмутил даже Плеве: выселение в Сибирь двух безвинных киргиз «по приказу генерала Сухотина, этого зверя в образе человека». «Городские тюрьмы переполнены ни в чем не провинившимися киргизами, сажаемыми по приказу начальства». Киргиза могли посадить в тюрьму только за то, что он при встрече с начальником не снял шапку. Далее М. Тынышпаев

делает вывод: «административными распоряжениями и существующими положениями достигнуто то, что киргиз не смеет шевельнуться без разрешения начальства. Элементарные человеческие права у киргизов отрицаются; жизнью и совестью населения всецело распоряжается администрация» [11, с.23].

Он считал, что киргизская степь находится совершенно в особых культурных, социально-политических и общественно-экономических условиях и управляется на основании особых законоположений.

По мнению М. Тынышпаева, «Киргизы, принимая русское подданство, никогда не думали и даже не допускали мысль, что в семье русского народа они окажутся пасынками, не имеющими никакого право на материнскую заботу и любовь со стороны России. Политика правительства и современное состояние киргизов ясно показали, насколько обманулись киргизы в своих ожиданиях [11,с.21].

Не останавливаясь на истории введений различных положений в киргизской степи, Тынышпаев постарался показать то, что получил в действительности киргизский народ. Вместо мира, спокойствия справедливости и законности, бюрократическое правительство создало самые дикие и бессмысленные Положения о киргизах. Так, Уральская и Тургайская области подчинены военным губернаторам, Акмолинская и Семипалатинская области сверх военных губернаторов имеют одного общего генерал-губернатора, а Сыр-Дарьинская, Семиреченская, Самаркандская, Ферганская обл. и Аму-Дарьинский отдел подчинены другому генерал-губернатору. Тургайская и Уральская области и Степной край находятся в ведомстве Министерства внутренних дел, а громадный Туркестан подчинен военному министерству, и повсюду в последнем действует военное управление. В Туркестане ближайшими властями являются уездные начальники, а в Тургайской и Уральской области и в Степном крае сверх этих начальников на уезд полагается до 3-4 крестьянских начальников, а также полицейские, институт урядников.

М. Тынышпаев – один из известных людей своего времени. Он дал свою оценку реформам XIX века, принятым царским самодержавием в Казахстане. В данном случае, М. Тынышпаев возмущен созданным управленческим аппаратом, отличавшимся друг от друга и носившим военный характер. Военное управление для гражданского населения, устанавливалось с целью подчинения и подавления коренного населения. Также достижения превосходства имперской власти.

Исследователь сетовал на то, что «Генерал-губернаторы с их наместническими полномочиями по действующим законоположениям имеют полное право высылать всякого киргиза, хотя бы он был совершенно безгрешен, как дитя. Невежественные чиновники, привыкшие по-собачьи бегать и ласкаться перед высокопревосходительством, однако строго разделяют население на русское и киргизское; интересы киргизов, по их мнению, должны быть приведены в жертву политике уничтожения всего живого и самобытного туземного населения и русификации края, к нему применяются самые крайние меры. В глазах русских властей киргизы – не люди, а какие-то, вредные

существа, не имеющие право на существование; поэтому они позволяют себе совершать над ними всякие жестокости. Население терроризировано до последней степени; оно стонет под тяжестью неслыханного произвола и гнета... Генерал-губернаторы широко пользуются своими правами, и лучшие люди совершенно безвинно высылаются в тундры Сибири» [11, с.23].

Здесь автор подчеркивает вседозволенность высшего руководства царской администрации. Начальнику края закон давал неограниченную власть, которым он пользовался в ущерб интересам коренного населения.

М. Тынышпаев обратил особое внимание на притеснения в духовной жизни казахского народа, с целью освобождения пространства для распространения всего русского. Он приводит факты: «Заккрытие мечетей, медресе и молитвенных домов, запечатывание и конфискование духовных книг, раздачу Евангелия на киргизском языке и угрозу высылки в Сибирь для нежелающих принимать его, приказы о введении в ... киргизские духовные училища обязательное обучение русской грамоты, преподаваемой учителями-миссионерами, проект о способе приведения киргизов к присяге целованием дула ружья и острия меча, заключение киргизских детей в миссионерские стены и объявление их православными, истязание киргизки стягиванием головы ее веревкой за то, что она отказалась от принятия православия, запрещение подавать прошения и заявления на киргизском языке и введение переписки в волостных канцеляриях на русском языке, и целый ряд других грубых издевательств и насилий над личностью и совестью людей – все это, господа, совершилось в XIX и в начале XX столетий, и это совершается и по сей день в далекой окраине, забытой людьми и богом. Как называть все это, как не крестовыми походами невежественного, теократического и бюрократического правительства великой державы России против инородцев и иноверцев?!» [11, с. 23].

Переселенческая политика царизма нарушала традиционное ведение хозяйства и с каждым годом увеличивала количество безземельных казахов. Касаясь земельного вопроса М. Тынышпаев подчеркивал: «Правительство отбирает все новые и новые участки, туземное население фактически лишается удобных земель, годных для пастбищ и земледелия. Переселенцы уходят обратно, участки пустуют, но все-таки урезка земли продолжается. Киргизы жмутся друг к другу; из-за земель происходят «споры», драки и убийства. Киргизов обвиняют, что они от скотоводства не переходят к земледелию, но в предоставляемых в них расположение голых степях и песках не могут жить не только люди, но и звери. Теперь районы пастбищ сильно сократились, благодаря чему киргизы уже принуждены оставить привычку частных передвижений для поправления скота. Леса, под защитой которых зимою паслись стада на подножном корму, уже отняты. Собирать сенные запасы на зиму неоткуда. Снежные бураны в степи, гололедица и падеж скота стали учащаться, и статистика прогрессивного падения скотоводческого хозяйства киргизов прямо-таки невероятна. Земледелием заниматься больше почти негде. Отсюда понятно, почему теперь киргизский народ идет таким быстрым темпом по наклонной поголовного обнищания и принужден повторить в скором

времени историю повсеместных голодовок и вымирания не менее несчастных соседей – башкир» [11, с. 25].

На наш взгляд, М. Тынышпаев не мог не высказать своего отношения к решению земельной проблемы чиновниками царской администрации. В начале XX века вся прогрессивная общественность понимала пагубность земельных реформ, проводимых Россией на окраинах. Действительно, законы Российской империи ухудшили положение коренного населения. Видя несчастье, горе и страдания казахского народа, М. Тынышпаев с возмущением пишет об этом представителям высшей администрации. Надеется ли он на изменения в лучшую сторону? Да, если казахам будут предоставлены гражданские права.

Такова политика правительства, приведшая весь киргизский народ в состояние поголовного бесправного степного пролетариата! Далее М. Тынышпаев писал, что истинные цели администраторов: дикими и варварскими репрессиями и преследованием языка, обычаев, религии, самобытности вообще уничтожить киргизов как самостоятельную нацию и обрусить весь край. Различными административными мерами, распоряжениями и положениями обратить киргизов в бесправную, незаконную массу. Лишить земли, пропитанных кровью и усеянных их костями, и выгнать, на голые и бесплодные места. Подчеркивает «вот что получили киргизы взамен прежней независимости и свободы, и за то, что мирно и без кровопролития приняли русское подданство!» [11, с. 25]. Здесь М. Тынышпаев открыто заявляет: можно ли доверять и верить правительству, у которого слово расходится с делом?

М. Тынышпаев высказал свое мнение о петиционной компании, организованной казахской интеллигенцией в период первой русской революции 1905-1907 годов. Так он отмечает, что, «в движении среди киргизов особенно отличались те, где бюрократический произвол был сильнее всего, т.е. в Степном крае, где под различными петициями подписалось не менее 25 тыс. киргизов. Теперь генералу Сухотину ничего не остается, как сослать все киргизское население в Сибирь, а самому царствовать в безлюдной степи. Движение в Семипалатинской обл. докатились до Семиреченской; здесь киргизы Лепсинского у. послали петицию, которую подписали 1000 человек, выразившие резкий протест против всей гнусной политики правительства и выставили свои требования. Вопрос о допущении представителей от киргизов сильно волновал все население, и депутации с ходатайствами приезжали одна за другой. Среди них нельзя не отметить киргизов Уральского и Тургайского обл. В общем все эти киргизские требования за первый период, т.е. до 6 августа, сводятся к следующим пунктам: широкое самоуправление, отмена исключительных законов и административных распоряжений, уничтожение генерал-губернаторств, института крестьянских начальников и урядников, замена военного управления гражданским, пересмотр законоположений о киргизах при участии от них сведущих лиц для согласования их с понятиями и условиями жизни киргизов; преобразование русского суда для той же цели и постановка народного суда на разумных началах с подчинением его Министерству юстиции; гражданская свобода на началах неприкосновенности личности, жилищ, совести, слова (устного, письменного и печатного), союзов и

собраний; явочный порядок открытий типографии для издания газет, брошюр, книг и т.д.; пропорциональное представительство в Государственной Думе, основанное на началах всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосов без различия пола, национальности и вероисповедания, и предвыборная агитация; признание земель, принадлежащих киргизам и находящихся в пользовании их, общинной собственностью киргизов» [11, с.28].

Организация петиции, жалоб, прошений являлась одной из мощных средств мирной борьбы лидеров казахской элиты против политики царской администрации. М. Тынышпаев не остался в стороне от такой работы. Поэтому он, зная тексты поданных документов, как бы подводит краткий их анализ. М. Тынышпаев уверен, что выполнение правительством хотя бы половины того, что заявлено в них, принесло бы казахскому народу больше света, тепла и уюта в государстве, котором они чувствовали себя чужими. Как писал он раньше «пасынками» в «родном» отечестве.

Духовный лидер казахского народа, выдающийся казахский просветитель, ученый лингвист, тюрколог, писатель, поэт, переводчик, автор ряда учебных пособий, общественный и государственный деятель Ахмет Байтурсынов в своих многочисленных трудах подверг критике деятельность колониальной администрации Степного края.

Например, в своих работах: «Ещё раз о народном суде», «Объяснительная записка к законопроекту», «Закон об изъятии казахских земель», «Оренбург, 13 октября», «Ответное письмо», «Земство» и другие показывает, что много нарушений допускают чиновники областной, уездной и местной администрации при решении вопроса о земле, судебных исках киргиз, школьного и духовного дел, выборах волостных управителей и аульных старшин. Как известно по «Степному положению» 1891 г. местная (туземная) администрация выбиралась киргизами сроком на три года. По этому вопросу Ахмет Байтурсынов в работах: «Еще раз о народном суде», «Объяснительная записка к законопроекту», «Закон об изъятии казахских земель», «Оренбург, 13 октября», «Ответное письмо», «Земство» и др. написанных в разные годы (1911-1914) пишет о том, что большинство казахов не понимают сам процесс выборов. По их мнению, выборы это – «талас», «ерегіс», а не избрание достойного, уважаемого и думающего о нуждах и благополучии своего народа человека. Например, в 1890 г. в Казалинском уезде свои же убили волостного управителя Панабека с целью «очернить противоборствующую сторону» [105, с. 32]. В результате чего волостными управителями, аульными старшинами и биями становятся люди, которые допускают незаконные действия, что приводит казахский народ к разорению, нищете и к различным бедам. Здесь вина не только казахов (им необходимо объяснить суть выборов), но и государства, издающего законы (Уставы 1822, 1824 гг., Временные положения 1867-1868 гг., Положения 1886, 1891 гг.), которые создают условия для противоправных мер чиновников администрации различного уровня.

У многих казахов создалось ошибочное мнение, что царское правительство не знает о тяжелом положении казахского народа, поэтому и не предпринимает меры по их ликвидации. Проблема в том, пишет Ахмет Байтурсынов, что

интересы правительства не совпадают с потребностями казахского народа. Далее Ахмет Байтурсынов показывает результаты судебных исков казахов.

Таблица 3 - Результаты судебных исков казахов

Области	Подано исков в % (100%)	Рассмотрено дел %	Не рассматривались вообще %	Не удовлетворены вынесенным решением %
Годы 1890-1891				
Акмолинская	100	45	55	80
Семипалатинская	100	40	60	65
Тургайская	100	36	64	70
Уральская	100	47	53	86
Примечание – Источник: Составлено автором, из приведенных данных А. Байтурсынова				

Из таблицы видно, как несправедливы и не внимательны к судьбам коренного населения чиновники царской администрации. Подчеркивая, что проблем у казахского народа достаточно, считал, что решать их необходимо путем издания законов, которые бы создавались с участием депутатов из казахов, беспокоившихся судьбой казахского народа, его благополучием и процветанием. Введение в Российских губерниях Земства и анализ их деятельности показывает, по мнению Ахмета Байтурсынова, что оно (Земство) больше подходит для казахского общества, чем та структура администрации Степного генерал-губернаторства, существовавшая уже с принятием реформы 1868 года.

Причинами происходящего, по мнению А. Байтурсынова, являются: государство, издающее законы (имея в виду колониальные законы, принятые в XIX веке в Казахстане), дающие возможность злоупотреблять властью. Например: «Выявленные» экспедицией Ф. Щербины «излишки земли», также изъятие земель коренного населения согласно статье 119-120 Степного положения 1891 года и выдача казахам земель по оседлой норме, открывает большие возможности администрации царского правительства для пополнения государственного и переселенческого фондов.

Мы знаем, что Ахмет Байтурсынов о нуждах и чаяниях казахского народа писал, говорил постоянно на собраниях, отмечал в своих письмах и личных беседах, в поездках по аулам, так как считал, что введение в стране Степного положения 1891 года не учитывало особенности края и давало право администрации Степного генерал-губернаторства насильно вторгаться во все стороны жизни казахов. Такое положение своего народа он долго терпеть не мог, поэтому всеми силами и средствами боролся за его благополучие.

В работе «Киргизы» Алихан Букейханов также пишет о произволе, грубости и насилии колониальной администрации. Так, «По представлению крестьянского начальника, губернатор может утвердить управителем любого киргиза, хотя бы уже забаллотированного на выборах, и этот обход закона широко практикуется администрацией» [52, с. 70].

Русские чиновники, занимающиеся делами казахов «не блещут ни образовательным цензом, ни знанием местных условий», не знают они и не хотят знать киргизский язык, общаются с населением через малограмотных переводчиков, к тому же творят произвол и насилие. «В степных областях вся переписка и делопроизводство, даже в канцелярии волостного управителя, ведутся на русском языке» [52, с. 74].

В указанной работе Алихан Букейханов подчеркивает грубость и произвол Российской администрации в казахской степи и пишет о первой киргизской прокламации, богато иллюстрированной частными фактами обрусительной политики. По мнению авторов листовки, киргизы хотят обратиться в «крестьян», так как с 1902 года в Акмолинской области введен институт «крестьянских» начальников; в аульных школах киргизских детей обучают русской грамоте; просьба к администрации преподавать учение ислама и грамоту по-киргизски не была удовлетворена. После широкого распространения в степи этой прокламации, администрация провела впервые политические обыски у известных киргиз, у мулл и учителей. Были арестованы их библиотеки и переписка, также административно высланы известный ученый-мулла Наурызбай Таласов со своими учениками.

Далее пишет Алихан Букейханов, что «губернские отзывы совершенно не отмечают киргизских национальных школ грамоты», так как они существуют нелегально и учесть всех учащихся и учителей невозможно, поэтому «трудно сказать, какой процент киргиз грамотен» [52, с. 75]. Администрация, если интересуется грамотностью киргизского населения, то собирает сведения о школах, где детей обучают русской грамоте. Также А.Букейханов отмечает, что с весны 1905 года созывались съезды и обсуждались нужды всего киргизского народа, в первую очередь, религиозные и земельные вопросы; составлялись и подписывались петиции, авторы которых писали о духовных притеснениях, о земельных проблемах, о необходимости созыва Государственной думы и участия в ней депутатов от киргиз; впервые организовывались и проводились публичные митинги, призывавшие к равенству, свободе совести, народовластию; велась живая агитационно-пропагандистская работа. В конце своей работы А.Букейханов делает вывод о том, что обрусительная политика правительства привела к тому, что киргизское население «тяготеет к русским оппозиционным партиям», в надежде, что они помогут решить накопившиеся их многочисленные проблемы, так как правительство «сочло лишним присутствие в Государственной думе представителей от того народа, которого оно насильственно лишило его земель» [52, с. 76].

В своих публицистических статьях, опубликованных в разных изданиях он писал также о социальных проблемах своего народа, разложении основ

жизни казахов, о неравенстве и произволе русской администрации в Казахстане. Например, в статье «киргизы на совещании Степного генерал-губернатора» А. Букейханов указывал на произвол, проводимый казенными землемерами, которые размежевывают ценные для скотоводства земли, оставляя казахам камни, пески, солонцы. Причем, подчеркивал, что администрация не учитывает климатические условия Степного края. Поэтому разоряется хозяйство казахов, они беднеют, конфликтуют между собой и переселенцами. В своих статьях А. Букейханов пишет о необходимости законодательного регулирования земельного вопроса в Степном крае с учетом естественных жизненных интересов казахского народа.

Исходя из вышеизложенного мы можем сделать вывод о том, что Алихан Букейханов смело критиковал деятельность высшей колониальной администрации и искал пути улучшения жизни казахского народа.

Известный всему казахскому народу правовед, ученый Жакып Акпаев, в годы обучения в Санкт-Петербургском университете в 1900 году написал письмо, в котором критиковал налоговую систему царизма. Ж. Акпаев в своем письме подчеркнул тот факт, что бедные киргизы степных областей оказались под давлением злоупотреблений колониальных властей, так как не знают новую систему налогообложения и зависимость размеров податей от количества наличного скота. Предлагал пропорциональное обложение, «которое может служить хартией личной свободы и залогом благополучия бедных и обездоленных киргизов» [104, с. 77].

Как видно, Ж. Акпаев переживал за свой народ и пытался, опираясь на правовые нормы жизнеобеспечения, помочь казахскому народу поправить свое состояние.

Видный казахский ученый, педагог, знаток казахского языка и литературы Тельжан Шонанулы считал, что история казахской земли со времен вхождения в состав России – история колонии. История колонии – история постепенного захвата и грабежа казахских земель иноземцами. Империя не признавала за казахами право гражданства. Колонизаторы считали казахов потенциальными врагами империи. Тельжан Шонанулы остро критиковал деятельность русских чиновников, занимавшихся вопросами переселения русских крестьян в Казахстан. В работе «Жер тағдыры - ел тағдыры» он пишет о двух видах изъятия у казахов земель, согласно примечания 120-й статьи Степного положения: для переселенческих участков и государственного фонда (лесные дачи единственного владения казны, оброчные статьи) и приводит таблицу, где показывают, сколько участков, десятин земли и мужской доли приходится отдельно для переселенческих участков и государственного фонда, затем – общий. Данные даны по четырём областям Степного генерал-губернаторства: Акмолинской, Семипалатинской, Тургайской, Уральской до 1906 года и с 1906 по 1916 гг., затем приведены общие итоги земель. Так, самый большой показатель за период 1906-1916 гг. в Акмолинской области – 7597285 десятин земли, затем в Тургайской – 4 808 857 десятин, в Семипалатинской – 4243296 десятин, в Уральской – 1 107 516 десятин. Всего изъято земли – 17 756 954 десятин, из них, до 1906 года – 5114315 десятин, с 1906-1916 годы – 12 642 649

десятин, на 7528334 десятины больше. Причем, под переселенческие участки всего выделено 13 908 552 десятины земли, а в государственный фонд – 3 848 412 десятин, на 10 060 140 десятин больше, чем в государственный фонд.

Таким образом, из таблицы (таблица б), приведенный Т. Шонанулы, можно сделать вывод о том, что переселенческое движение начатое ещё в 60-70 годах XIX века, к началу XX века усиливается, а с 1906 по 1916 годы, в период Столыпинских аграрных реформ, увеличилось в несколько раз, что видно из изъятых десятин земли по разным областям Степного края, как под переселенческие участки, так и в Государственный фонд. Таблица также подтверждает мнение лидеров казахской интеллигенции, что русским крестьянам выделялись лучшие, плодородные и обжитые земли киргиз.

Т. Шонанулы приводит несколько таблиц, подтверждающих бедственное, а в некоторых областях даже нищенское положение киргизского населения в Степном крае, особенно усилившиеся после введения Степного положения 1891 г. [56, с.137].

Таблица 4 - Переселенцы из внутренней России в казахскую степь в 1896-1905 гг

Области	Годы	Переселенцы	Руководители переселенцев
Акмола	1896-1905	163 033	40 293
	1906-1917	490 257	102 848
Всего:		653 290	143 141
Семей	1896-1905	11 047	2 392
	1906-1915	122 867	25 038
Всего:		133 914	27 430
1	2	3	4
1	2	3	4
Тургай	1896-1905	60018	14287
	1906-1915	213793	45803
Всего:		273811	60090
Урал	1896-1905	36	8
	1906-1915	56338	10798
Всего по 4 областям	1896-1905	234134	56980
	1906-1915	883255	184487
Итого:	-	1117389	241467

Из таблицы видно, что всего в четыре области Степного генерал-губернаторства переселены 11 117 389 крестьян. За 1896-1905 годы переселены 234134, а с 1906-1915 в Семипалатинскую, Тургайскую, Уральскую и с 1906 по 1917 годы в Акмолинскую области 883255 крестьян, на 649121 человек больше, это не считая руководителей крестьянского переселения, количество которых составило за период с 1896 по 1915 годы 241467, из них до 1905 года приехало в Казахстан 56 980, после 1905 года -184487, на 127507

руководителей больше. Как указывает Тельжан Шонанулы, по количеству переселенцев на первом месте Акмолинская область – 653 290 крестьян, на последнем – Уральская в количестве 56 7 34. Все эти данные доказывают, что переселенческое движение в Степные области набрало силу и мощь в конце XIX – нач. XX века, особенно развернулось в 1907-1916 годы и привело к изменению «образа жизни казахов, потере плодородной земли и вытеснению их в безлюдные, необжитые места» [56, с. 138]. Особенно в тяжелом положении оказались казахи Сары-Арки, из-за бесконечных переделов земли в пользу переселенцев. Т. Шонанулы с горечью пишет, что казахи сами превратились в переселенцев и вынуждены были искать свободные земли в собственной и в соседней стране, например в Китай переселились 500 семей казахов.

Автор на конкретных примерах показывает, что норма определенная царским правительством для хозяйствования казахского народа, не соответствует действительным их потребностям, поэтому казахи не проявляют особого интереса к приобретению земельных участков.

Казахское население края до русской колонизации занималось различными видами хозяйства, зависевшее от природных условий той или иной местности, а не от нормы, принесшей им только горе и страдания. В конечном счете казахи потеряли плодородные, богатые пастбища. Поэтому Т. Шонанулы правильно считает, что прежде чем решать земельный вопрос, необходимо изучить природу, хозяйство, условия проживания каждого района казахов Степного края.

Подтверждением мыслей Т. Шонанулы к примеру является решение земельного вопроса на уровне губернии. Например, с 1901 года Министерство внутренних дел собирало материалы о скотопрогонных трактах «на предмет рассмотрения вопроса о порядке открытия этих трактов и об условиях пользования ими» [143, л.52].

По мнению Семипалатинского губернатора (1908 г.), статья 130 Степного Положения « не может более регулировать отношения кочевое население и скотопромышленников в виде стеснения земельного простора по причине переселения, и что потребность в установлении скотопромышленных дорог вполне назрела» и поэтому предлагал:

1) дороги отмежевать на основании ст. 529 Установления Путей Сообщения, т. XII, изд. 1857 года;

2) работы произвести на средства процентного сбора с гуртового скота (специальные средства Министерства внутренних дел текущей сметы § 16);

3) проект размера платы за пастьбу на зимовых стойбищах киргиз и за водопой из колодцев и открытых водоемов;

4) учредить особых полицейских стражников, «специально для охраны гуртов в пути и наблюдения за их благополучием по эпизоотиям».

5) обложить скотопромышленников особым сбором, взимаемыми за пользование трактами.

В 1910 году этот вопрос рассматривался на уровне Степного генерал-губернаторства, где предлагалось выяснить значение скотопрогонных

трактов для торговли, составить их схему, с указанием размера земли, согласовать необходимые средства с Министерства внутренних дел.

И главный вопрос, который необходимо было решить, это «об отводе земли, т.е. об изъятии земли из пользования киргиз» [143, л.53].

Далее подчеркивал, «согласно ст. 130 Степного положения впредь до установления законным порядком скотопрогонных дорог на землях, отведенных в пользование кочевников, скотопромышленникам предоставляется право прогонять бесплатно скот по этим землям, но с ответственностью за убытки, причиненные потравами на зимовых стойбищах, пашнях и сенокосных местах. Такого узаконения, определяющего порядок образования скотопрогонных трактов, пролегающих по землям кочевников - киргиз до сих пор не последовало и поэтому то или иное решение настоящего вопроса имеет принципиальное значение. Этот вопрос получает особое значение в виду величины тех площадей, какие подлежат отчуждению для выпаса скота и для скотопрогонного тракта, ибо этим существенно затрагиваются интересы киргиз, в пользовании которых земля находится в данное время» [143, л.56].

Решение земельного вопроса возлагалось на рассмотрение особой комиссии, которая должна была вызывать на свои заседания выборных от заинтересованных киргиз. Если же киргизы не будут согласны с изъятием земли, то могут обжаловать решение комиссии в общем Присутствии областного правления. «Решение Областного правления представлялось на благоусмотрение Степного генерал-губернатора». Только так, считалось можно решить интересы торговли и киргиз. Но, как писал, Семипалатинский губернатор в начале февраля 1915 года «тракты эти и до сих пор остаются не отмежеванными за отсутствием денежных средств на производство этой работы, что на практике ведет к возникновению целого ряда недоразумений и крупных столкновений между местным населением и скотопромышленниками» [143, л.94].

Так, сами чиновники подтверждали правильность и своевременность критических выступлений казахской элиты. Она же сразу, с принятием Степного положения 1891 года не одобрила ее отдельные статьи, а затем и деятельность колониальной администрации.

О продолжающемся произволе и захвате русскими крестьянами казахских земель писали в своих отчетах за 1908-1912 годы губернаторы областей. Так, губернатор Семипалатинской области писал о переселенцах, которые «селились на землях, находившихся дотеле в пользовании киргизов, без всякого разрешения. Были случаи, что областная администрация гнала их, разрушала их постройки, но эти чисто русские земледельцы упорно оставались на облюбованных ими землях, распахивали их, косили траву, заводили пчел и в конце концов добивались того, что им нарезали надель» [144, л.4].

Особое внимание администрация Семипалатинской области уделяла Усть-Каменогорскому и Зайсанскому уездам, считая «заселение этих районов» необходимым «в целях охраны» границы с Китаем и «богатством и обилием находящихся здесь земель». Немаловажное значение имело мнение чиновников о том, что «русские крестьяне отлично понимают важность заселения

пограничной полосы и обещают взамен земельных участков верою и правдою охранять границу Российского государства с оружием в руках и снабжать русские войска всем необходимым» [144, л.6].

О произволе и насилии колониальных чиновников, разорении казахских хозяйств, обеднении и обнищании казахов свидетельствуют множество документов как руководителей колониальной администрации, так и пострадавших киргизов. Например, Петропавловский уездный начальник 21 июня 1907 года писал Акмолинскому губернатору о крестьянах-переселенцах и попытках ими захвата киргизских земель «...прибывшие из России крестьяне настроены вообще в духе насильственных земельных захватов, к этому следует присоединить полное незнание киргизов, их него скотоводческого хозяйства, бытовых, а также исторических условий жизни и современного поземельного устройства... Некоторые лица, особенно из числа запасных солдат, не стесняясь высказывали, что киргизы собаки и что их следует потеснить» [145, л.56].

Далее руководитель уезда просил об административной высылке из пределов Степного края крестьян, подстрекавших переселенцев к самовольному захвату киргизских земель и о привлечении к ответственности за нарушение обязательного постановления от 30 апреля 1907 года за № 13 тех из них, которые явились на озеро Джылымды-Куль вооруженными. Также он представил список тех и других [145, л.57].

Подтверждением бесчинств чиновников, является прошение киргиза № 7 аула Семипалатинской области Кулужунской волости Юсуфа Мусабаева от 10 марта 1901 года Степному генерал-губернатору. Он писал, что в «продолжении 60-ти лет киргизы – 60-кибитковладельцев зимовали и занимались хлебопашеством на урочище Кулаган-докар, где имели дома и мечеть, арыки, сенокосы в этом районе по согласованию с киргизами Кулужунской волости» [146, л.23]. В октябре месяце областной землемер размежевал их места на участке и заселил Преображенскими крещеными жителями, не более 30-ти домов. В связи с чем, без того бедные люди разоряются не зная куда пойти. Далее он пишет о том, что подавали прошение военному губернатору и уездному начальнику, но ответа не получили. Поэтому просил Степного генерал-губернатора «приказать возвратить нам наши места, ушедшие под поселения крещенных преображенцев» [146, л.23].

Следующий документ является дополнением вышесказанному. Начальник киргизской миссии Архимандрит Макар 9 января 1901 года в своей записке военному губернатору Семипалатинской области просил о том, чтобы «Преображенское селение сделать смешанным из русских православных христиан переселенцев и новокрещенных киргизов» [146, л.23]. Считая, что «польза подобного смешения вытекает из того соображения, что новокрещенные, как бывшие кочевники, начиная жить новою для них оседлою жизнью, скорее привыкали бы к русским нравам, обычаям, языку, исполнению христианских обязанностей, а также и к приемам и способам обработки сельского хозяйства. При настоящем положении селения, состоящего исключительно из инородцев, образ жизни, отношение между собою, словом, во всем преобладает киргизское, что весьма нежелательно в целях обрусения

их. Кроме того, такому небольшому обществу, как настоящее Преображенское, трудно нести общественную службу по должностям сельского управления...» [146, л.2]. Также он считал, что необходимо увеличить наделы села Преображенское и приписать 50 семейств православных переселенцев с лучшими хозяйствами преимущественно из Таврической губернии, которые могли бы служить примером для новокрещенных по своей религиозности и образцовому ведению хозяйства.

Произвол, насилие, унижение чести и достоинства казахов вызывали недовольство, гнев и возмущение деятельностью русской администрации в разных областях казахского края. Поэтому элита все свои силы, знания и опыт направила на решение острых и требующих немедленного решения проблем своего народа.

В редакционной статье «Киргизские дела» Мусульманской газеты за № 2 1914 года писалось о том, что «30 ноября г-ом Тургайским губернатором по вопросу о киргизском съезде был принят присяжный поверенный Ж.А. Сейдалин» и был затронут вопрос о причинах не разрешения совещания киргизов 4 октября в г.Кустанае на Покровской ярмарке. В статье отмечалось заявление губернатора о том, что частное совещание из случайно собравшихся на ярмарке киргизов разрешено быть не может. Земельные нужды киргизов должны разрешаться и обсуждаться на аульных и волостных съездах согласно закона. Далее газета раскрывает суть проблемы.

«Г-н Сейдалин пытался отстоять свою точку зрения и г-ну Губернатору по первому вопросу заявив: «Ссылка на аульные и волостные съезды имеется в 123 и 124 ст. Степного положения, по их смыслу земельные нужды киргиз должны обсуждаться на аульных и волостных съездах. Между тем статьи эти говорят не о нуждах, только о земельных спорах и поэтому обсуждение земельной нормы не является исключительно монопольным правом аульных съездов, а могут обсуждаться и на съездах, устраиваемых по закону 4 марта 1906 г. Поэтому киргизы и ходатайствовали о разрешении совещания в городе Кустанае» [103, с. 146].

Д. А. Аманжолова в своей работе «Партия Алаш: история и историография», определяя процесс духовного становления будущего писателя Мыржакыпа Дулатова пишет, что он после окончания медресе в Уфе занимался педагогической деятельностью и составлением учебников для национальных школ. В частности, Дулатовым была написана книга по математике, основанная на арабской алгебре и геометрии аль-Фараби. До 1917 года им было создано более 1 тысячи статей по истории и искусству, литературные портреты национальных общественных деятелей, акынов, писателей.

Особую известность, прежде всего в политическом смысле, Дулатову дала написанная в 1909 году книга политической лирики «Оян, казак». Она была опубликована в 1910 г. в Уфе и летом следующего года активно распространялась в Петропавловске Акмолинской области, Семипалатинске и многих других городах и районах Степного края и Туркестана. Здесь же Д. Аманжолова приводит документ, в котором полиция заявляла о допущении суждения, «оскорбительные для достоинства Государя Императора». Также, в

статье «Загадка» в аллегорической форме Дулатов потвергал критике царскую политику, рисуя образ кровожадного и несправедливого Льва – хана зверей и изображал события, связанные с русско-японской войной и учреждениям Думы [141, с.45].

Мыржакып Дулатов писал о том, что казахи страшно боялись колониальных чиновников. При их виде они должны были снимать головные уборы и низко кланяться или присесть на корочки. Так они вынуждены были унижаться даже перед низшими гражданскими и военными чинами царской администрации.

В другой своей работе «Казахский автономизм и Россия. История движения Алаш» Д.А. Аманжолова справедливо замечает, что между тем, некомпетентная деятельность чиновников царской администрации наносила ущерб хозяйственному укладу коренного населения края, дискомфорт в его жизни усиливался, росли озлобление против колониальной администрации и конфликтность межнациональных отношений [80, с.22].

Таким образом:

1) Лидеры казахской интеллигенции доступно, квалифицированно и убедительно доводили до чиновников царской администрации не только Степного генерал-губернаторства, но и царского правительства бедственное положение казахского народа, как результат их деятельности.

2) Казахская элита о деятельности администрации Степного генерал-губернаторства писала в петициях и особенно остро в Каркаралинской петиции, в газете «Казах», в журнале «Айкап».

3) Выдающиеся деятели казахского народа в своих трудах не только освещали и критиковали деятельность администрации Степного генерал-губернаторства, но и раскрывали их колониальный характер.

4) В отдельных своих работах представители казахской интеллигенции предлагали пути решения накопившихся проблем казахского народа: внести изменения в Степное положение 1891 г. депутатами из казахов; пробудить самосознание казахов через просвещение, агитацию и пропаганду свободолюбивых идей, призывая их к культурному росту, так как считали, что «повышение культурного состояния казахского народа – залог его развития».

3.3 Казахская интеллигенция о последствиях введения Положения 1891 года

Казахская интеллигенция широко обсуждала проблемы языка, религии, оседания, быта, образования народа. Как пишет один из авторитетных исследователей движения Алаш, казахская элита сделала правильный вывод: «Для того, чтобы сохранить свою самостоятельность, нам необходимо всеми силами и средствами стремиться к просвещению и общей культуре; для этого мы обязаны первым долгом заняться развитием литературы на родном языке, никогда не нужно забывать, что на самостоятельность вправе претендовать только тот народ, который говорит на своем языке и имеет свою литературу... Чтобы жить, как особая казахская нация, не теряя своего имени, своего

национального лица, не пренебрегая изучением русского и других языков, надо бережно относиться к родному языку, сохранять и развивать его» [80, с.49,50].

Как отмечает исследователь духовной экспансии царизма в Казахстане Садвокасова З.Т.: «В ходе осуществления колониальной политики царизма казахи отрывались, от веками сложившихся, национальных корней: обычаев, традиций, языка, культуры, им насильно прививался русский образ жизни. В результате нависла угроза существованию казахов как самостоятельного этноса. Отвести нависшую опасность стремилась образовавшаяся казахская элита в конце XIX – в начале XX веков, из числа лучших представителей казахской национальной интеллигенции.

Представители казахской интеллигенции, понимая необходимость освобождения от колониального гнета, искали различные пути и средства осуществления поставленной цели. Осознавая, какой вред несет царизм нации, казахская интеллигенция выступала защитницей родного народа, культуры, традиции, земли. Не останавливаясь перед трудностями и закаляясь в борьбе, они шли к высокой цели - освобождению народа от колониальной зависимости»[85, с.80].

Поэтому алашская интеллигенция отражая общедемократические, общенациональные интересы смело и остро поднимала вопросы не только законодательного оформления статуса казахов, но и действий колониальных властей по отношению к их жизнедеятельности. Недовольство и возмущение казахской интеллигенции вызывали результаты проведенных Российской империей реформ в Казахстане. Не благоденствие, мир и культуру несли казахскому народу эти законы. Они узаконили разорение, грабеж, убийства и насилие.

О последствиях введения Степного положения 1891 года лидеры казахской интеллигенции писали в петициях, подаваемых на имя императора России Николая II, Председателя Совета Министров Ю. Витте, генерал-губернаторов, военных губернаторов и уездных начальников Степного края. Например, в упомянутой Каркаралинской петиции 26 июня 1905 года, указывалось, что «трудно перечислить все те стеснения, которым подвергались в последнее время религиозно-духовные дела киргиз». В ней отмечалось, что «плохо понятая и неуместная обрусительная политика, запрещающая мусульманские школы и не завоевывающая доверия народа к русским школам, принесла только вред, задерживая развитие духовной силы народа. Насколько обрусительная политика вредна культурному развитию киргизского края, настолько существующий порядок обезземеления киргиз вреден для их благосостояния» [142, л.55].

Далее в петиции подчеркивается, что последствием признания киргизских земель государственной собственностью, явилось создание переселенческого движения в киргизской степи и «самые лучшие участки земли отошли к переселенцам, а худшие остались за киргизами. Естественно такая качественная и количественная убыль земли не могла не отразиться на благосостоянии киргиз – скотоводов; заметное в последнее время обеднение населения объясняется именно насильственным отбиранием лучшей земли, без всякого за

то вознаграждения и с явным ущербом хозяйству коренного населения» [142, л.57].

За последние 15 лет, с 1890 до 1905 года, колонизации Степного края, киргизы потеряли самые удобные и обустроенные угодья и пресноводные источники. При этом чиновники царской администрации не учитывали, что «скотоводческое хозяйство по существу своему не может быть экстенсивным и требует обширных пастбищ для своего существования». Киргиз также «выселяют от их прадедовских зимовок при отмежевании дач единственного владения казны», зимние пастбища «служат предметом дара, продажи по желанию единоличного хозяина или нескольких кибитковладельцев» [142, л.56].

В Каркаралинской петиции лидеры казахской интеллигенции писали о нарушениях прав казахов, не владеющих русским языком. Местная администрация должность переводчика казахского языка замещала русскими чиновниками, не знающими казахской грамоты, иногда языка, хотя по штату Степного положения таковые должны были быть в уездных и областных правлениях. «Иные крестьянские начальники не принимают прошение на киргизском языке, что заставляет киргиз обращаться к подпольным адвокатам без всякой пользы для своего дела» [142, л.56]. К тому же судьями и следователями работали русские, не знающие казахский язык.

Авторы Каркаралинской петиции писали о репрессивных мерах по отношению к казахам крестьянских и уездных начальников, военных губернаторов и Степного генерал-губернатора. Они не разрешают открывать новые школы и мечети, закрывают существующие школы при мечетях в городах Семипалатинске и Кокчетав. За недоимки, остающиеся за обществом и волостью, задерживают выдачу заграничного паспорта. Киргизские дети, с закрытием гимназического пансиона при Омской гимназии, потеряли возможность получать высшее образование и по воле местной администрации киргизские стипендии выдаются не киргизским детям, а детям других сословий.

Указывая на тяжелое положение казахского народа приходят к выводу: введение в стране Степного положения, «созданного бюрократическим путем без всякого соображения с истинными потребностями населения, не уважение к закону со стороны администрации, ставящей на место закона свое усмотрение, полное пренебрежение к правам личности и к чувству человеческого достоинства, административное насилие вторгающееся во все стороны жизни, пренебрежение к духовным и экономическим интересам, искусственно поддерживаемое невежество народной массы, все это привело население к обеднению и его культурное развитие к застою» [142, л.57].

Казахская интеллигенция, организатор многочисленных петиций и прошений. Но, Каркаралинская петиция, подписанная 12767 казахами, была грандиозной акцией протеста элиты, против политики царского правительства.

О последствиях введения Положения 1891 года поднимал вопрос и статский советник Д.Ч. Сейдалин. Он при чтении доклада о казахам в 1918 году высказал свое мнение о том, что киргизское скотоводческое хозяйство

непрерывно требует кочеваний, перехода с одного пастбища на другое. А скотоводство есть главнейший источник благосостояния киргиз, при отсутствии промысловых заработков и неспособности их к земледелию. Для благополучия скотоводства необходим простор пастбищ; нужны земли, годные для скотоводства. Далее он писал: «После отвода земель русским переселенцам и систематического ограничения пастбищ казенными лесными дачами, отрубными участками, оброчными статьями и прочими угодьями, хаотически испещрившими киргизскую степь наподобие шахматной доски, куда мы должны деваться», - спрашивали его старики-аксакалы. Правда, русские переселенцы подлежали наделению землей без стеснения киргиз в их пастбищах [103, с. 282].

Говоря о киргизском скотоводстве Д.Ч. Сейдалин отмечал: «нельзя не заметить, что серьезной угрозой этому единственному источнику богатства киргизов является прогрессирующее отчуждение киргизских земель, сильно сокращающее пастбищные площади. Если при этом принять во внимание, что у киргизов отбираются самые лучшие и ценные угодья и оставляются одни неудобные земли (солонцы, «такыры», пески, «соры», каменистые горы), причем сюда же относятся и водные пространства и малопродуктивные местности с каменистой и песчаной почвой, то станет вполне очевидной верность сказанного выше» [103, с.285].

Далее Сейдалин подчеркивал, что «безжалостную ломку экономического быта нельзя ни в коем случае оправдать ни с исторической, ни с нравственной точки зрения. Как не считается возможным ограничить русского крестьянина, воспитывавшегося в других условиях и не доросшего до высшей культуры и интенсивного хозяйства, таким же количеством земли, какое приходится на душу, например, в Германии или Дании, или заставить южанина оторваться от сохи и приняться за лесное хозяйство северных губерний, точно также нельзя принудить киргиза бросить скотоводство и приняться за земледелие, к которому он не подготовлен, и для которого земля его мало пригодна.

Степь – особый исключительный мир, предназначенный только для кочевого народа» [103, с.285].

Исходя из выше изложенного делает вывод, что для сохранения скотоводства, в особенности коневодства, необходимо новое размежевание и возвращение земли киргизам. В дачах, отданных казне, должно быть немедленно допущено бесплатное сенокосение и пастьба скота зимою. Бедных киргиз, живущих вблизи лесных дач, обеспечить лесом для постройки домов и хозяйственных построек.

Свободные от леса площади, хотя и значащиеся на плане лесной дачей, немедленно представить под летние пастбища киргизского скота бесплатно.

Незаселенные и отданные в пользу георгиевских кавалеров, коннозаводские, скотоводческие и монастырские, также незаконно сданные в долгосрочную аренду скотоводческие участки должны быть возвращены киргизам, как прежним владельцам земли. Также необходимо приостановить дальнейшую запись переселенцев на незаселенные участки.

После очень интересных и полезных рассуждений, а затем предложений по вопросу ликвидации последствий закона 1891 года, Д. Сейдалин писал: «Пройдут годы. Быть может через 5-10 лет вздумают окончательно прикрепить киргиз к земле, и тогда за неимением подходящих к земледельческой культуре участков, их волей не волей посадят на плохих участках, а затем, пожалуй, будут кричать, что киргизы – неспособный к культурной жизни народ, а потому же они напрасно занимают место» [103, с.289].

Понимая, что водворением крестьян в киргизские степи царизм хотел решить острый аграрный вопрос во внутренней России, с горечью отмечает что все хорошие участки уже использованы. Дальнейшее изъятие земель грозит не только погубить киргизское скотоводство, но даже самих киргиз. Поэтому смело требовал в интересах края, и в интересах казахской народности прекратить в киргизской степи дальнейшее переселение и заняться благоустройством киргиз, дать прочное землеустройство, рассчитанное на культурное скотоводческое хозяйство.

Д. Сейдалин прекрасно знал законы Российской империи, введенные в Казахстане. Его возмущение вызывали последствия реформ. Особенно упадок традиционного скотоводческого хозяйства казахов. Его слова, приведенные выше, на наш взгляд, доказывают о его гражданской позиции, желании помочь своему народу, используя свое служебное положение.

Последствия введения Степного положения 1891 года были представлены в петиции киргиз Еременской и Коржункульской волостей Акмолинского уезда, Акмолинской области, из рода «керей», 4 июня 1905 года на имя Председателя Совета Министров. В петиции указывалось на бедственное положение казахов волости, так как «земля признана государственной собственностью и лучшие оазисы и водные источники Киргизской степи вырезаются под крестьянские селенья, бесцеремонно выгоняя их в голые степи, где невозможно в будущем какой-либо культуры, да и в настоящем для скотоводства не удовлетворительна» [147, л.52].

Авторы петиции 4 июня 1905 года писали о трудностях при получении разрешения на открытие медресе, мектебов, постройку мечетей, так как решение этого вопроса, по статье 99 Положения 1891 года, находится в ведении Степного генерал-губернатора. Отмечали, что киргизское население нуждается в печатном слове и отмене цензуры на духовные книги на мусульманских языках.

Особо подчеркивалась бедность и отдаленность киргиз Еременской и Коржунской волостей от центра, что ограничивало возможности для получения образования их детям.

Казахи, из рода керей, понимая огромную преобразующую роль культуры в развитии народа, просят высшее начальство помочь в восстановлении культурных очагов, особое внимание уделяя религиозным делам.

12 июня 1905 года Председателю Совета Министров было представлено прошение от народных представителей киргиз Семипалатинской, Мукурской, Чингизкой, Бугулинской, Чаганской и Кызыл-Адырской волостей. В прошении

указывается на ущемление прав мусульманского духовенства, со стороны местной администрации и превышение ими своих полномочий.

Авторы прошения указывают на очень тяжелое положение киргиз 10-ти волостей Семипалатинского уезда, земли которых находятся в пользовании Сибирского казачьего войска, хотя «более 100 лет тому назад это были зимовые стойбища киргиз» [148, л.24]. Арендная плата за пользование землей растет с каждым годом. Далее авторы петиции показывают, что «киргизам предлагают приписаться в казаки, угрожая в противном случае выселить с Иртыша», такая мера приведет к разорению хозяйства киргизов, если учесть, что за последние 15 лет земли, находящиеся в пользовании киргиз уменьшаются. Нарушаются права киргиз подавать прошения на своем родном языке, судьи и чиновники местной администрации не знают языка народа, «отчего страдает дело правосудия» и «увеличиваются административные стеснения населения в Степном крае» [148, л.25]. Затем авторы прошения делают вывод о том, что «действующее Степное положение не соответствует современным условиям киргизской жизни», поэтому необходимо внести в нее изменения. «Для защиты же интересов и прав киргизского народа необходимо участие его депутатов в Русском законодательном собрании» [148, л.26].

Свидетельством бедственного положения казахов, но все же не потерявших честь и достоинство и верящим в свой народ, является телеграмма жителей Каркаралинского уезда на имя императора с просьбой допустить казахов в высшие выборные органы. Телеграмма выслана 22 июля 1905 года из Омска и подписано 42-мя доверенными от Каркаралинского уезда. Обеспокоенные тяжелым положением своих сородичей, авторы телеграммы задают вопрос и пытаются ответить на него. «Кто будет защищать интересы киргизов? Кто может правильно выяснить назревшие их нужды и способы их удовлетворения, если не будут участвовать в земском соборе избранные нашим народом на общепринятых теперь основаниях представители? Смело подчеркивают, что киргизы, не хуже других подготовлены к этой великой работе, но их не желают знать, считают чем-то низшим. Бюрократия смотрит на них свысока и пренебрежительно. За это отношение приходится им расплачиваться дорогой ценой. Ввиду изложенного, просят Его Императорское Величество повелеть призвать земский собор, как высказано в различных петициях представителей от киргизского населения, так как правильное выяснение назревших нужд и способы их удовлетворения, а также и правильное отношение киргизов к другим народам Империи, может быть установлено лишь при участии представителей от киргизского народа» [148, л.29].

Здесь мы видим, что казахская интеллигенция организовывала составление не только петиций, прошений, но и телеграмм. Данный документ адресован самому царю. Поэтому авторы его сразу же были замечаны уездной администрацией, уточнены фамилии подписавших телеграмму. Затем заведено дело об агитации киргиз.

В Приложении Б. мы приводим этот документ.

Как справедливо пишут исследователи жизни и деятельности Алихана Букейханова, он особо выделялся среди крупнейших общественно-политических деятелей казахского общества конца XIX и начала XX веков.

Еще в студенческие годы А. Букейханова возмущала тяжелая судьба своего народа, находящегося в течении последних двух веков в подчинении Российской империи, терпящего бедствия, унижения, нищету и страдания. Он понимал, что для освобождения народа от невежества и безграмотности необходимо прежде всего просвещение, образование, подъем общей культуры казахского народа.

Успешно закончив Санкт-Петербургский Императорский Лесной институт по специальности лесного экономиста, он с 1894 по 1908 год жил и трудился в Омске. В этот период вся степь узнала его как талантливого, общественного, политического деятеля и выдвинула его в качестве идеолога и подлинного лидера национально-освободительного движения всего Степного края. Алихан Букейханов – ученый, заложивший начало планомерному исследованию практически всех сторон жизни совершенно неизученных к тому времени степных областей.

В течении нескольких лет, т.е. в 1896-1901 гг., работая в составе экспедиции под руководством Ф.А. Щербины, производившей работы в Павлодарском, Каркаралинском, Усть-Каменогорском, Семипалатинском уездах Семипалатинской и Омском уезде Акмолинской областей Степного края, всесторонне исследовал его экономическую, хозяйственную структуру. Им была проведена перепись населения и его хозяйства. Активно изучал культуру, быт и традиции казахского народа. Результатом его исследований явились фундаментальные научные труды. Среди них особо выделяются такие исследования, как «Исторические судьбы Киргизского края и культурные его успехи» и «Киргизы».

Во всех своих работах А.Букейханов писал о казахском народе, о его богатой истории и культуре. Особое внимание уделил положению родного народа в колониационный период развития.

Так, Алихан Букейхан в своей работе «Исторические судьбы киргизского края и культурные его успехи», освещая историю развития казахского народа с древнейших времен до начала XX века, раскрывает вопросы крестьянской колонизации 80-90-х годов XIX века, также развития просвещения.

Подчеркивая, что колонизация Россией киргизского края проводилась в двух видах – вольная и правительственная, рассматривает отдельно завоевание и колонизацию восточной части края (современных Акмолинской и Семипалатинской областей и западной (Уральской и Тургайской областей).

Алихан Букейханов изложив историю развития колонизации в Акмолинской и Семипалатинской областях высказывает свое мнение об устройстве крестьян. Чтобы поставить в лучшие условия дело об отводе переселенцам земельных участков, были образованы две межевые партии в Акмолинской области и одна в Семипалатинской. Для того, чтобы выделение участков происходило без нарушений интересов киргиз, произведено было статистическое и естественно-историческое обследование Акмолинской и

Семипалатинской областей особой экспедицией. Межевые («землеустроительные») партии с 1893 г. по 1900 г. отвели в Акмолинской области 193 участка на 77.837 д. мужского пола, но, как оказалась, эти участки не могли вместить всех желающих. За 5 лет (1896-1900 г.) число устроенных селений и число новоселов (для Акмолинской области) выразалось в следующих цифрах:

в 1896 г. было	132 сел. с	99.399 жит.
1897 г.	134	113.249
1898 г.	138	122.311
в 1899 г. было	150 сел. с	134.424 жит.
1900 г.	200	160.090» [136, с.73].

«С 1893 года в Акмолинской области образовано, ... 193 участка на 77.837 д.м.п.; более всего образовано участков в Петропавловском уезде (49 сел. с населением в 21.610), затем идут Кокчетавский уезд (42 сел. с нас. 19.200), Акмолинский (46 сел. с насел. 19.122), Омский (37 сел. с насел. 8.141) и Атбасарский (10 сел. с нас. в 6.205 ч.). Кроме того, образованы в последнее время дворянские участки: в Кокчетавском у. – семь на 2.342 ч. и один на 62 ч. в Акмолинскому [149, с.74].

Как далее пишет Алихан Букеханов «в настоящее время Акмолинская обл. почти совсем закрыта для переселения; допускают только в Акмолинский у. В Семипалатинскую обл. переселение только начинается (если не считать самовольных). Переселение последних лет не носит уже случайного характера: большинство семей шло на участки, выбранные доверенными лицами – «ходоками», а не куда глаза глядят. С другой стороны, местная администрация – на родине земские и крестьянские начальники следят за тем, чтобы не отпускать в Сибирь тех, кто не приписался к какому-нибудь участку; принимались меры и к тому, чтобы задерживать состоятельные семьи; были наконец изданы официально наставления ходокам при выборе участков. Все это значительно способствовало упорядочению переселенческого движения» [149, с 83].

Далее он раскрывает вопрос о «колонизации западной части края (Тургайской и Уральской областей) крестьянским населением, которое началась сравнительно недавно и в скромных размерах, отчасти потому, что и самые области в их нынешнем составе образованы недавно, и в них мало мест, пригодных для земледелия, а Уральская область совершенно закрыта для переселения; в настоящее время в ней есть небольшие крестьянские колонии только в Темир, Уил (Шиповский поселок) и Жилой Кост (не берегу Каспийского моря); но их нельзя назвать земледельческими» [149, с.83].

Вольная колонизация, несмотря на препятствие, продолжала существовать, так как существовали причины, ее создающие. Насколько сильно это стремление к исканию привольных мест, можно судить по тому, что крестьяне проникают в самые глухие местности, преодолевая все препятствия.

Понимая, что еще нет возможности подвести итоги крестьянскому заселению края, так как оно еще продолжается, и прошло еще недостаточно времени, считает, что край много выиграл от переселения. «Разнообразные

природные богатства края, оставались нетронутыми, мертвым капиталом; сам край был дикой, почти безлюдной страной, по которой только изредка кочевали киргизы...Казак оказался неспособным к колонизаторской деятельности, что признавала местная администрация» [149, с.83].

Отмечая неблагоприятные условия колонизации края подчеркивает что культурное развитие казахов совершалось бы крайне медленно, природные богатства оставались бы долго недоступными. С появлением крестьян край получил довольно значительное земледельческое население (более 200 тыс.ч.), был прорезан в нескольких направлениях цепью крестьянских деревень и проселочных дорог, в северной же части даже довольно часто. В крае развивались хлебная производительность настолько, что Кустанайский уезд стал один вывозить хлеба миллионы пудов. С проведением Сибирской железной дороги колонизация прилегающих степей приобрела еще большее значение для культурного развития края.

А. Букейханов – знаток Степного края. Все его рассуждения о переселении крестьян, будущности казахского народа интересны для историков, экономистов, политологов и государственных служащих. В степных областях проживает большинство русского и казахского народов нашей страны. До сих пор не решены вопросы возврата истинных казахских наименований населенным пунктам в северных областях Казахстана. Знание истории края и научных трудов известных людей, каковым был Алихан Букейханов, помогут решить проблемы цивилизованным путем.

Зная историю развития просвещения в Степном крае можно, по мнению А. Букейханова, «составить представление об его культурности в теперешнем состоянии. Киргизский край в этом отношении находился в весьма неблагоприятных условиях. Покорив край, русские не могли перейти к культурной работе потому, что первоначальное завоевание совершалось исключительно с целью обогащения, и первые завоеватели были совершенно неподготовлены к культурной роли. Это были грубые, невежественные люди, с первобытной нравственностью, с сомнительным прошлым; правда при всем этом, они оказались развитее инородцев, но не настолько, чтобы, покорив их, могли сознательно перейти к мирной культурной работе; они не приложили усилий даже к тому, чтобы разумно воспользоваться богатыми дарами природы или прокормить себя своим трудом. Напротив, они выбрали другой, более легкий способ наживы – грабеж покоренного инородца и расхищение природных богатств» [149, с.85].

В тот период о доступном же всем народном образовании тогда серьезно никто не заботился. Дело народного образования заметно двинулось вперед в царствование имп. Александра II, когда и в сибирском обществе стало замечаться стремление к просвещению вообще, хотя распространению грамотности в киргизском населении было положено основание давно: первые начальные школы были открыты даже значительно ранее, чем для русского населения, но русская грамотность среди них была весьма незначительной.

Неуспех русской грамоты среди инородцев Алихан Букейханов объясняет тем, что в этих школах вначале заботились не сколько о том, чтобы научить

детей русской грамоте, сколько о том, чтобы дать им определенное идейное направление. Так, первые школы были открыты администрацией в 1782 г. при многих мечетях; учителями были наняты тобольские татары для того, чтобы парализовать влияние среднеазиатских мулл на подвластное русским, киргизское население. Киргизам был открыт вместе с тем полный доступ в русские училища. В семидесятых годах XIX столетия были открыты во всех уездных городах Акмолинской и Семипалатинской областей школы-интернаты, исключительно для киргизских детей (впоследствии преобразованные в низшие сельскохозяйственные школы). Затем стали открываться аульные школы.

Далее Алихан Букейханов анализирует состояние образования в нескольких областях Степного края. Так, в Тургайской области начало народному образованию положено с основания области (1869 г.), на что ассигновано было 800 руб., но первую школу, двухклассную, русско-киргизскую, удалось открыть только 1879 г. Затем развитие школьного дела продолжалось довольно успешно. В 1883 г. была открыта учительская школа в Орске Оренбургской губ. (пограничном с Тургайской обл.), ремесленное училище в Тургае; в 1887 г. появилось русские волостные школы; в 1891 г. – женские начальные в Тургае, Актюбинске, Кустанае и Кара-Бутаке; в 1892 г. были специально для киргиз устроены передвижные аульные школы, по программе, равной двум первым отделениям одноклассных министерских школ. Есть также около 20 школ церковно-приходских. Наибольшее число школ (до 54) находится в наиболее населенном уезде – Кустанайском, менее (до 12) – в Тургайском. Средних учебных заведений в Тургайской области нет. В Уральской области начальное образование поставлено довольно удовлетворительно: кроме войсковых казачьих школ здесь есть министерские (русские и киргизские) и церковно приходские.

«Первое место по числу школ занимает Уральская обл., последнее – Семипалатинская. Одна школа приходится в крае 3.065 ч. Наличного числа школ, как мы видим, весьма еще не недостаточно, и мысль всеобщем обучении в крае – пока недостижимая мечта». Также подчеркивает, что «не в лучшем положении находится край и относительно среднего и специального образования» [149, с.90].

Все сказанное о развитии книжного, типографского, издательского и библиотечного дела в крае иллюстрируется А.Букейхановым таблицей, в которую внесено кроме того и число ученых и просветительных обществ, играющих заметную роль в развитии края.

Анализ им развития Степных областей показывает, что «...Акмолинская обл. (собственно г. Омск) занимает в культурном отношении первое место в крае: наиболее отсталой является Тургайская обл., культурный рост которой тормозится отчасти отсутствием крупных населенных пунктов. Высшее образование в крае удовлетворяется учреждением стипендий в ближайших высших учебных заведениях – Томском университете и технологическом институте, Казанском университете и ветеринарном институте, Московском университете, сельскохозяйственном институте и некоторых других.

Затем А. Букейханов делает вывод о том, что край нуждается в открытии высшего сельскохозяйственного и ветеринарного институтов, так как земледелие и скотоводство составляют краеугольный камень его экономического благосостояния; отсутствие же ученых и практиков-специалистов по этим отраслям отзывается весьма неблагоприятно как на их теперешнем состоянии, так и на их дальнейшем развитии» [149, с.91].

В последнее время исследователи алашского движения отмечают огромную роль интеллигенции в развитии культуры, образовании высших учебных заведений, подготовке кадров высокой квалификации. Действительно, лидеры казахского народа в начале XX века поднимали вопросы просвещения, образования и науки. В программе партии «Алаш» этим проблемам посвящена одна глава. Открытие первого университета в 1928 году в Алматы результат деятельности казахской элиты. Каждый из них мечтал о том, чтобы университетов в Казахстане было много, возлагая на них большие надежды.

Также Алихан Букейханов пытался решить проблемы казахского народа, подчеркивая последствия Степного положения 1891 года, в качестве члена 1-й Государственной Думы. Так 1 февраля 1914 года он написал «Открытое письмо членам Государственной Думы о попрании религиозных и гражданских прав казахов». В письме А. Букейханов подчеркивает, что «Переселенческое управление озабочено не одной раздачей казенной земли в киргизской степи лицам «всех сословий»: малоземельным князьям Кочубеям, Касаткиным, Ростовским, графу Медем и другим, а также подготовкою киргизского народа к «восприятию православно-христианского вероучения». Затем он приводит документы, которыми руководствуется производитель работ, наделяя киргиз земледельческой нормой и исполняя точное указание цензурной власти.

Далее он пишет, что «Заведующему переселенческим делом в Тургайско-Уральском районе. Святейший синод по определению от 5 (26) апреля с.г. за №3067 признал желательным, чтобы при землеустроительных работах на местах поселения киргиз киргизы-магометане и киргизы-православные были поселяемые вместе с русскими крестьянами с тем, чтобы при поселении их с русскими крестьянами число киргиз-магометан не превосходило бы половины православного населения данной местности, дабы православные люди при решении всех вопросов, касающихся их хозяйственного быта и нужд, могли иметь преимущество перед инородцами.

Указанными мероприятиями, по мнению Святейшего синода, киргизское население Степных областей и Туркестанского края может быть подвинуто к восприятию православно-христианского вероучения» [103, с. 147].

Главное управление землеустройства и земледелия, сообщая об этом, высказалось за желательность совместного поселения киргиз с русскими, как в целях распространения и укрепления православия среди инородцев, так и ввиду возможности этим путем достигнуть скорейшего приобщения туземного населения Степных областей к русской государственности и русской культуре и слияния его с русскими [103, с.147].

Алихан Букейханов поднимая этот вопрос, надеялся, что депутаты обратят свое внимание на то, что в приведенном документе налицо вопиющее нарушение законов.

Алихан Букейханов выступал за то, чтобы переселение крестьян из европейской России было упорядочено. Например, в работах «Третья Дума и казахи», «Дума и казахи», он писал о причине изъятия казахских земель, о статьях 119 и 120 Степного положения 1891 года, о дополнительных законоположениях, изданных в разные годы в начале XX века, которые узаконивали существовавшие в XIX веке Положения.

Так он писал: «Мен бұрын жазып едім: «ер басына он бестен жер алу керек қой деп, егерде осы он бес ішінде отырып, қазақ мұжықша қызмет қылып, егін салып күн көретін болса». Мұндай жер Жетісуда, Түркістанда жоңышқа еккен, бақша орнатқан арықпен суратын жер ғой! Өзге қазақ жерінде ер басына қазақ он бестен жер алып күн көретін жер Көкшетау, Қостанай, Ақтөбе уездерінде қара топырақ; онда да қазақ жәһитшыл мұжықтай болса. Өзге қалған қазақ жерінде он бесте отырып қазақ күн көрмейді ғой. Өзге қазақтың жер алып қала боламын дегені сорлылық, арам тер ғой!

Орал уезі Жымпиты һәм Шідерті болысы қала боламын деп он бестен жер алып бұл күнге шейін қала салуға бір тас қалаған жоқ, бұрынғы қалпында қазақша көшіп-қонып жүр» [103, с.12]. Здесь А. Букейханов выступает против наделения казахов землей, равной 15 десятинам он правильно считал что казахи-скотоводы, не смогут элементарно выжить на них. Необходимо время для перехода коренного населения к новым условиям хозяйствования.

А. Букейханов занимается также исследованием проблем землевладения и землепользования в казахских степях. В своих многочисленных публикациях, в том числе центральных изданиях, он смело критикует политику Российской империи, связанную с переселенческим вопросом. С конца XIX столетия, точнее 90-х годов, в северную, центральную и другие части Казахстана стали прибывать русские крестьяне-переселенцы из российской глубинки. Число переселенцев с каждым годом увеличивалось. Под переселенческие участки к началу 1909 года отошло более 40 миллионов лучших казахских земель, оттесняя коренных жителей степных областей с обжитых мест в каменистые и менее плодородные участки. А. Букейханов предпринимает все меры для приостановления возрастающей волны переселенцев. В своих публикациях он осуждает и разоблачает колониальную политику русского правительства, доказывает несостоятельность переселенческой политики относительно казахских степей, пригодных, в основном, для скотоводческого хозяйства. Многочисленными примерами доказывает всю пагубность переселенческого дела для самих же крестьян в социальном и экономическом отношениях, вынуждая последних перейти от земледелия к скотоводству.

О последствиях введения Степного положения 1891 года писал в передовой статье первого номера газеты «Казах», ее бессменный редактор А. Байтурсинов: «Веками казахский народ занимал свою территорию и жил своей жизнью, но сейчас степь задыхается от наплыва поселенцев. Каким будет наше будущее? История нас учит, что когда пришлые в культурном плане

оказывается сильнее коренного населения, происходит поглощение последнего. Но если обе стороны, и пришлые и коренные, в культурном плане уравниваются друг друга, они могут развиваться, пользуясь при этом равными правами и сохраняя каждая свой национальный характер.

Преобразование экономической жизни казахов отныне кажется неизбежным. Крестьяне занимают наши пахотные земли, земельные участки реквизируются..., короче говоря, иностранец проникает в наши недра. Сама проблема существования народа принимает обостренный характер. Чтобы сохранить нашу автономию, мы должны изо всех сил бороться за приобретение образования и культуры. Мы должны первую очередь развивать национальную литературу. Мы никогда не должны забывать, что только народ, сумевший создать свою литературу на родном языке, имеет право на независимое существование...» [105, с 83].

А. Байтурсынов – истинный патриот. Идеолог, духовный лидер казахского народа. Всю свою жизнь посвятил борьбе за счастье и достойную жизнь своих соотечественников. Сейчас мы имеем возможность размышлять над его думами об языке, литературе, образовании. Вообще, о культурном развитии народов Казахстана. Мечты его и единомышленников сбываются.

Один из видных представителей казахского народа, выдающийся поэт, писатель и общественный деятель Мыржакып Дулатов также был озабочен тяжелым положением казахов и искал пути освобождения их от колониальной зависимости. Например, в «Протоколе допроса М. Дулатова начальником Востокотдела III ОГПУ о его жизни и деятельности», 1 января 1929 года отмечалось, что отголоски революционного движения 1905 года доходили до Зайсана, где он жил, очень слабо, все же в нем пробудили ненависть к царскому строю, т.к. помимо этого в повседневной жизни он стал замечать явные несправедливости и грубый произвол со стороны власти по отношению к казахскому народу» [103, с.6].

На допросе М. Дулатов с горечью отвечал, что в 1909 годы темнота и невежество казахского народа были неописуемы: не говоря о губернаторах и уездных начальниках, казахская масса дрожала перед последним урядников и терпела невыносимые издевательства, чему, в свою очередь, способствовали свои доморощенные чиновники-переводчики, волостные управители и прочие. Поборы, насилие, взяточничество, ложные доносы стали обычным явлением. Казахская женщина находилась в положении рабыни. Лучшие земли отбирались без всякого учета под переселение, а сами казахи изгонялись в пустыню. Царское правительство не только не заботилось открывать школы, а наоборот, запрещало открытие школы казахам на собственные средства. О медицинской помощи население и понятия не имело. «Казахское население на русского человека, кто бы он ни был, смотрело враждебно, почему и сложились поговорки «Сары орыстын барии орыс» (все рыжие русские одинаковые) и «Орыстан досын болса, калтанда кара балтан болсын» (если имеешь друга из русских, то не забудь иметь с собой и топор). Межнациональный антогонизм создавался искусственно и поощрялся всеми мерами. Если у русского крестьянина переселенца пропадала лошадь, то она обязательно разыскивалась с

соседнего аула. Суда царского казахи боялись как огня, и по этому поводу сложилась поговорка «Оттан-судан сакта, кудай, орыстын сотынан сакта, кудай» («Сохрани, бог, от огня и воды, сохрани, боже, от суда русского»). Правды в суде не было, верили больше ложному показанию, отчего у казахов создавалось понятие и поговорка «Орыс шынга жанбайды, отрикке наналды» («Русский не верит правде, а верит лжи»). Тяжесть налогов и сборов падала на бедноту; имевшие по несколько сот голов скота платили в одинаковом размере с имевшими 5-10 голов скота» [103, с. 7].

Открыто заявив о своей позиции по отношению к царским властям и своему народу, он подчеркивал, каким страшным мраком был окутан казахский народ. Колониальная политика царского правительства расцветала как никогда. Видя все это, он, несмотря на скудные свои познания, считал долгом помочь обиженному и оскорбленному народу тем, что у него есть. А у него были ум, честь и совесть. Главное богатство передового человека своего времени.

О деятельности Мыржакыпа Дулатова можно писать, зная его работу в газете «Казах», где ему приходилось работать день и ночь. Как он писал адреса от руки, выполнял обязанности переписчика, обработчика материалов, корректора, фальцовщика, экспедитора. Газета была еженедельная, небольшого формата. Роль распространителя-агента также исполнял он: первый год издания газеты объездил Павлодар, Омск, Петропавловск, Кокчетав, Атбасар, Акмолинск, Туркестан, Чимкент, Аулие-Ата, Ташкент и другие города. Газета стала популярной и вскоре обратила на себя внимания царской администрации. Сравнительно за короткое время была оштрафована 3-4 раза на сумму от 300 до 3000 рублей за каждый номер. Наряду с благожелателями газета «Казах» нажила среди казахского населения не мало врагов, потому что она открыто боролась со взяточничеством, нарушителями прав бедного населения – волостными управителями, чиновниками, переводчиками, баями» [103, с.8].

Далее он очень верно подчеркивал, что «вся многочисленная культурная сила казахского народа того времени сосредоточивалась вокруг газеты «Казах», ибо другого культурного или общественно-политического очага тогда не было. Участие в такой популярной газете сделало имя М. Дулатова среди казахов более известным, чем раньше. К тому же, разоблачительные статьи большею частью писались им» [103, с.8].

М. Дулатов неустанно боролся с несправедливым отношением к казахам чиновников царской администрации. Он умело использовал главное оружие – слово. Понимая, что виной бедственного положения своего народа являются законы Российской империи, писал статьи критического характера. Многие из которых опубликованы в газете «Казах».

С.С.Садвакасов – видный государственный и общественный деятель Казахстана. В 20-е годы XX века он с горечью писал о положении казахского народа и критиковал казахов не думающих о своем бедственном положении.

«Біз мал емес пе? Қырса қырыла береміз-дағы!..» деген сөзге казактын бәрі үйренген, әдеттенген. Оның ойлауынша һәм әдеттенген сiнiмiнше, қазақ – мал, казак – орыс – қасқыр. Қазақ қырылу керек, казак – орыс қыру керек. «Қырыла

береміз-дағы» - деген сөзі жүрегіме оқтай тиді. Бұл не деген жуастық, өлімге мойынсұмғандық? Бүйте берсе қашан бұл қазақ адам болады!».

Например, «Ол замандағы қазақты ұйықтап жатқан үлкен бір диоға ұқсастық, басқаларды оның маңайында жүрген қасқыр, түлкіге мензеуге болар еді. Есін біліп, ер жеткенше қазақтың баласы кімді көрді? Маңдайы жылтыраған орыстың ұрандик, пристауын көрді. Олардың атармен-шабарманы болған өзінің би-болыс, ауылнайын көрді. Жұрттың бәріне белгілі «сайлау» шықты. Қазақтың байлары елін ұмытып, ұжданын сатып, болыс болу үшін малдарын сарп етті. Халық пайдайсын ойлаған адам қалмады. Қазақ жұртының басына карағанда күндер туды. Момын жатқан қалың ел крестьянский начальниктердің жемі болды. Ел бұзылды, әдет түрлені» [150, с. 272].

С. Садвакасов возмущен покорностью тех казахов, с которыми ему довелось встретиться. Он понимал, что причины их такого состояния в законах, принятых царской Россией в XIX в Казахстане. Но, наступило другое время. Необходимо осуществлять те идеи, которые пропагандировала и претворяла жизнь казахская элита в начале XX века.

Далее С. Садвакасов, говоря о лидерах казахской интеллигенции отмечал, что в такое тяжелое для казахов время, среди них вышли яркие представители, которые смогли разбудить казахский народ и призвать их к борьбе за свободу и независимость. Приводя отрывок из стихотворения А.Байтұрсынова, он еще раз подчеркивает огромную роль борьбы алашской элиты против колониальной политики царизма и очень бедственное положение казахов.

Қаз едік қатар ұшып қаңқылдаған
Сахара көлге қонып салқындаған
Бір өртке қаудан шыққан душар болып
Не қалды денемізде шарпылмаған?
Дегендер мен жақсымын толып жатыр
Жақсылық өз басынан артылмаған
Бос белбеу, босаң туған боз бала көп
Киіздей шала басып, қарпылмаған
Еңкедеп ет аңдыған шалдар да көп
Қыдырып бір тойғанын арқалаған
Рақымсыз ел ішінде байлар да көп
Қайықтай теңіздегі қалтылдаған
Солардың біреуі боп бізде жүрміз
Мәз болып сары түймеге жарқылдаған.

Тому подтверждением является также его слова: «Білген адамға бұл айтылғаннан ауыр сөз бола ма? Бұл өлеңнің ішінде Байтұрсынұлының тимеген жаны жоқ: Жақсылық өз басынан артылмаған жақсылар, шала басылып, қарпылмаған киіздей босбелбеу бозбалалар, ет аңдыған ақсақалдар, рақымсыз байлар, сары түймеге мәз болған қазақтан шыққан оқығандар. Бұдан артық сөз болмайды. Бұл сөз – жүректің қапығы, көңілдің жыры еді. Шыдай алмағандығынан, ыза болғандығынан Ахметтің айтқан сөзі еді. Қалайша шыдарсың? Қалайша күйінбесең? Маңайыңның бәрі өрт болса, ол өртке шарпылмаған дененде жер қала ма?!...» [150, с. 273].

С. Садвакасов верно понимал думы и чаяния лидеров национально – освободительного движения. Возмущен тем обстоятельством, что казахи не спешат к культурным преобразованиям. Ведь главным оружием во все времена были: образование и наука. Духовное развитие народа показатель его цивилизованности, роли в мировом историческом процессе.

Весь казахский народ прекрасно знал и любил Ахмета Байтурсынова. В своих стихотворениях простым и понятным языком пел о свободе, о казахском народе, призывая его к просвещению, труду и освобождению от вековой спячки, тем самым пробуждая в каждом киргизе чувства гражданственности. Через всю литературную деятельность А. Байтурсынова красной нитью проходит беспощадная критика и анализ царской политики и протест против нее. Поэтому, С. Садвакасов показывая тяжелое положение казахов, обратился к наследию А. Байтурсынова.

Видный представитель казахской интеллигенции С.М. Лапин проявлял себя в самых разных областях общественной жизни. Он считал, что казахи должны измениться, перестроив все стороны жизни казахского общества от экономики до духовной сферы. Указывал, что этого можно добиться, через синтез кочевой культуры, ислама и европейской цивилизации. Как отмечается в «Докладной записке Серали Лапина», найденной и опубликованной Д.И. Дулатовой и Н.Д. Нуртазиной в «Вестнике КазГУ», серия историческая, № 5, 1997 года, он прекрасно понимал недовольство казахского народа. «Причинами обеднения киргиз считал: скверное устройство народного суда и невероятная затяжность дела в русских судах и правительственных учреждениях; формальное отношение власти к народу и почти повсеместная подкупность мелких чинов администрации; стеснение в виду переселенческого движения, дальних кочевок и, связанное с этим прогрессивное уменьшение скота; проведение железных дорог, лишивших киргиз извозного промысла, единственной формы побочного заработка; вздорожание предметов первой необходимости, и довершение ко всему этому, киргизский народ в экономическом отношении служит предметом неограниченной и беспощадной эксплуатации со стороны всех окружающих его народностей: сартов, татар, от части русских, за последнее время армян, и главным образом, евреев...» Записка была написана С. Лапиным 13 ноября 1910 года [151, с.11].

Как писал в газете «Казах», № 4, 1913 года Ахмет Байтурсынов, казахи самостоятельный единый народ, обитающий от Волги до Иртыша, от Урала до Афганистана. В условиях когда в их среду поселились другие народы, не потеряют ли они былую самостоятельность, сохранят ли казахскую нацию? Эта мысль не оставляла лидеров казахской интеллигенции в покое даже во сне.

Как известно, отличительной чертой царизма было то, что окраины заселялись переселенцами «для разряднения» революционного настроения крестьянства центральной России. То, что делалось русским капиталом для захвата свободных рынков, дополнялось колониационной политикой. Еще Столыпин говорил про Казахстан, что нужно говорить не об устройстве киргиз, а киргизской степи, так как интересы целого важнее интересов частей.

Эта формула Столыпина находила свое выражение во всей работе переселенческого управления того времени. Земли «инородцев» объявлялись государственной собственностью, хотя во всем другом эти бюрократы были столь ревнивыми блюстителями «священной» частной собственности. И мы видим, как такие районы, как Казахстан, в наиболее удобных для земледелия частях постепенно превращались в переселенческие участки, а коренное население изгонялось в пески и пустыни.

По мнению исследователя колониального развития Казахстана М.К. Койгельдиева : «в результате грубой колониальной политики царизм в лице казахской интеллектуальной элиты получает сильную оппозицию, которая ставит вопрос о восстановлении государственной независимости. Образование правительства Алаш - Орды и Туркестанской (Кокандской) автономии в 1917 году являлись не только результатом напряженной политической деятельности национальной элиты, одновременно они свидетельствовали о ее больших потенциальных возможностях на ниве возрождения национальной жизни» [81, с. 14].

Таким образом, движение Алаш являлось результатом глубокого кризиса колониальной политики царизма в Казахстане. Прогрессивные силы казахского общества, в первую очередь, формирующаяся национальная интеллигенция, хорошо понимали пагубное значение колониальной зависимости и выход из сложившейся ситуации видели в восстановлении национальной государственности.

Известный историк С.К. Жакыпбек в своей статье «Репрессии колониальных властей против лидеров освободительного движения 1905-1907 гг.», справедливо писал о создании в различных районах Казахстана «широкой сети военных и военно-полевых судов», и подчеркивал, что «известный юрист – ученый Г. Сапаргалиев утверждал, что подобных судов в то время не было ни в одном государстве мира». Генерал-губернаторы, военные губернаторы, уездные начальники и приставы опирались на мощную военную силу – казачьи войска. Бесконечные передвижения войск, быстрая переброска их в любой район наводили страх на население. Также автор статьи отмечал, что царские колониальные власти открыто враждебно относились к демократической интеллигенции, особенно национальной. Они страшно боялись ее, считая, что она может поднять сознание, политическую активность народа, поднять ее на борьбу против социального и национального гнета. Поэтому представители казахской элиты подвергались репрессиям. Их преследовали, осуждали и высылали в отдаленные районы, даже в Сибирь [152, с. 54].

Известный востоковед Зифа – Алуа Ауэзова в статье «Это был гениальный прорыв», очень точно определила, что «Обращение к народу с прямым или косвенным призывом пробудиться – одна из главных тем на страницах периодических изданий, возглавляемых казахскими просветителями начала XX века. К концу 1917 года усилиями растущего числа убежденных сторонников обновления и национального самоопределения «пробуждение» казахских окраин состоялось [153].

Таким образом, казахская интеллигенция не только писала о Степном положении как о законе Российской империи, которая принесла много горя, страданий, унижений и оскорблений казахскому народу. Также она остро и правдиво критиковала деятельность колониальной администрации всех уровней, доказывая ее как пагубную и вредную. Казахская элита, раскрывая последствия реформы 1891 года указала пути решения проблем казахского народа. Благодаря деятельности Президента Республики Казахстан Н.А.Назарбаева и Правительства многие проблемы решаются так, как того желала и мечтала казахская элита в начале XX века.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Царские реформы 60-90-х годов XIX века оказали значительное влияние на политическое, экономическое, социальное и культурное развитие Казахстана в 90-е годы XIX века - первые два десятилетия XX века.

В политической сфере реформы знаменовали завершение политико-правового оформления статуса Казахстана, как колонии Российской империи, окончательное отстранение степной знати от власти, введение русской системы управления и судопроизводства.

Введение выборности при занятии должностей волостных управителей и аульных старшин было направлено на ограничение власти султанов и расширение власти баев, торговцев, аткаминеров .

На всей территории Казахстана утвердилась власть генерал-губернаторов, военных губернаторов, уездных, затем и крестьянских начальников.

Реформы 1891 года наделяли колониальных чиновников, генерал-губернаторов, уездных начальников полицейскими полномочиями. В отличие от метрополии, где во главе уездной полиции было поставлено полицейское управление во главе с уездным исправником, в степных областях уездный начальник пользовался полицейскими правами. Существенной особенностью политики царизма в Казахстане был произвол, который творили все его карательные органы.

Крупные изменения в результате реформ претерпела социальная структура казахского общества, этнический состав и экономика края. Возрос удельный вес земледельческого населения, национальной, преимущественно, торговой буржуазии. Реформы оказали существенное воздействие на распад родовых отношений.

Казахстан превратился в колонию Российской империи и постепенно включался в орбиту всероссийского рынка и в той или иной степени стал охватываться сферой действия буржуазных отношений.

Реформами вводилась жесткая фискальная система. В результате введения реформ, к концу XIX века значительно возросли и земские сборы. На средства населения было отнесено содержание полицейско-административного аппарата на местах, земских учреждений, школ, больниц, пожарной охраны; содержание и ремонт дорог, мостов; подворная и почтовая повинности.

Если прежде кочевое общество казахов не знало юридической формы частной собственности на землю, то теперь Российское государство санкционировало ее.

Политико-административные реформы 60-90-х годов и переселенческая политика российского правительства, оказали влияние на этнический состав края.

Территория Казахстана была расчленена на два генерал-губернаторства, что являлось практическим осуществлением колониальной политики "разделяй и властвуй".

Таким образом, анализ реформы 1891 года позволяет прийти к следующим выводам:

Подготовке реформы 1891 года предшествовал ряд законодательных актов Российской империи в 1822-1883 гг., которые были направлены на превращение Казахстана в колонию. Несмотря на различную трактовку реформ 60-90-х годов исследователями разных периодов развития казахского общества, следует признать, в первую очередь, колониальную сущность этих реформ.

Степное положение 1891 года, как и предыдущие реформы 60-х годов XIX века, готовилось несколькими комиссиями. Председатели комиссии и их члены являлись высокопоставленными чиновниками Российской империи. Комиссии работали с 1883 года по 1891 год. Главная проблема, которую они решали – была подготовка совершенных, кратких, удобных, унифицированных, максимально приближенных к имперским законам Положений. В ходе подготовки реформы 1891 года, чиновниками высказывались различные мнения по всем вопросам жизнедеятельности казахского народа и его государственности.

Разногласия по решению сроков введения Степного положения 1891 года, из-за отсутствия в казне Русского государства необходимых средств, вызвало отсрочку до первого октября 1893 года.

Анализ структур Положений 1886, 1891 годов и содержания Степного положения подтверждает сущность нововведений очередных реформ Российской империи, как колониальных.

Введение новых законов управления в Степном крае вызывались необходимостью дальнейшего укрепления и усиления колониальной власти в Казахстане. Соперничество России и Англии в Центральной Азии ускорило процесс колонизации в Казахстане в 60-70-х годах XIX века.

Завоевание среднеазиатских ханств и изменения в административно-территориальном делении казахских земель потребовали от Российской власти создания на обширных территориях, подчиненных «мечом и огнем», унифицированной системы управления.

В ходе претворения в жизнь Степного положения 1891 г. произошли серьезные изменения в структуре и деятельности колониальных органов власти, усиливающие и укрепляющие их. Расширялись штаты, вводились новые должности, увеличивалось количество полицейских урядников, приставов, военных команд. Так как возникла угроза потери подчиненной территории в начале XX века, из-за подъема национально-освободительного движения на окраинах Российской империи.

В 1902-1903 гг. с целью усиления полицейской власти уездных начальников была введена должность крестьянских начальников, которые управляли как крестьянским, так и казахским населением.

В начале XX в. Казахстане, как и в других национальных окраинах, испытывавших колониальный гнет, сложилась кризисная обстановка. Произвол российской военно - полицейской системы управления, объявление территории Казахстана государственной собственностью Российской империи, насильственное вытеснение казахского населения с плодородных земель, глубокий застой традиционного скотоводческого хозяйства казахов и культурного развития казахского народа, явились проявлением сложившегося к

этому периоду кризисного положения. Возникла угроза исчезновения казахов как уникальной нации.

Выход из кризиса был предложен казахской элитой в начале XX века. Зарождение движения Алаш, программные установки его лидеров и претворение их в жизнь, вселяли большую надежду на достижения свободы и независимости казахского народа. Критика алашской интеллигенцией политики Российского государства, деятельности чиновников разных уровней и последствий введения Степного положения, вызывали у колонизаторов ненависть и жестокость по отношению к их судьбе. Но это не останавливало их. Они, в лице Алихана Букейханова, Ахмета Байтурсынова, Мыржакыпа Дулатова, Жакыпа Акпаева и других, смело боролись за просвещение, развитие образования и науки. Выступали против угнетения, насилия и произвола царских властей.

Казахская интеллигенция доступно, квалифицированно и убедительно доводила до чиновников царской администрации не только Степного генерал-губернаторства, но и царского правительства бедственное положение казахского народа, главной причиной которого является введение в крае Степного положения 1891 года и как следствие, политическое, духовное, религиозное и экономическое угнетение казахов.

О последствиях введения Степного положения 1891 года лидеры казахской интеллигенции писали в петициях, адресованных в разные инстанции. В своих научных трудах, статьях, опубликованных в газете «Казах» и в журнале «Айкап». Говорили в своих выступлениях перед казахским населением и депутатами Государственной Думы России, в беседах, при незаконных обвинениях их чиновниками царской администрации, на собраниях; в своих письмах, на митингах.

Казахская интеллигенция не только писала о Степном положении и его последствиях, но и предлагала пути решения накопившихся проблем казахского народа. Многие из того, что говорила, писала и о чем мечтала казахская интеллигенция созвучно проблемам сегодняшнего дня и постепенно претворяется в жизнь.

Национальная элита, прошла через репрессии царского и советского правительств, только за то, что их беспокоила судьба казахского народа, его благополучие и процветание. Репрессии казахской элиты подтверждают слова из письма Ахмета Байтурсынова «О преодолении недоверия Советской власти к казахской интеллигенции», написанной им 17 мая 1920 года главе Советского правительства В.И. Ленину: «... у киргизов имеется известная часть интеллигентов, которым народ вполне доверяет, и которое ошибаться и заблуждаться могут, но сознательно своего народа ни за какие личные блага и выгоды не продадут» [85, с.59,60].

Имена выдающихся лидеров казахской интеллигенции известны каждому казахстанцу, жизнь и деятельность которых, являются честью и совестью нации, настолько бескорыстным было их служение родному народу.

В Послании Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева народу Казахстана, 29 января 2010 года отмечается: «Индустриальное развитие – это

наш шанс в новом десятилетии, новые возможности для развития страны. Казахстан будет успешной индустриальной державой – я в это абсолютно верю» [133, с.3] вселяют большую веру и надежду. Весь мир видит Республику Казахстан не колонией, а самостоятельным, устремленным в будущее государством. Определяя, главные цели, приоритеты страны, глава государства выразил свое видение: «...во имя достижения наших стратегических целей, определенных Стратегией развития до 2030 года, мы с успехом выполняем свою миссию – строим независимый, процветающий, политически стабильный Казахстан» [133, с.3]. В дополнение к стратегическому плану развития страны утверждена Государственная программа «Путь в Европу» на 2009-2011 годы. «Необходимость принятия Программы вызвана важностью решения актуальных задач внутреннего развития страны, разработки национальных приоритетов на европейском направлении, укрепления исторически сложившихся связей, приобщения к опыту европейской интеграции и институционально-правовых реформ, углубления технологического, энергетического, транспортного, торгового, гуманитарного и инвестиционного сотрудничества» [153].

Для достижения устойчивого и сбалансированного развития в ближайшее десятилетие, за счет «...ускоренной диверсификации и повышения конкурентоспособности экономики, «...Правительство разработало Государственную программу форсированного индустриально – инновационного развития и детальную карту индустриализации страны» [133, с.3]. Выполнение всех этих Государственных программ, как нам кажется, даст возможность Республике Казахстан внедрить новые зарубежные технологии, уйти от сырьевой направленности, укрепить свою независимость.

Исследование имперской проблематики актуально, многогранно и перспективно. Изучение царского управления окраин учеными не только России, но и дальнего зарубежья, на наш взгляд, требует от исследователей Казахстана серьезного, регионального раскрытия ряда вопросов. В связи с этим мы предлагаем:

- углубленное изучение введения каждой колониальной реформы по регионам Казахстана, с выявлением их особенностей, с целью использования результатов исследования при проведении административных и правовых реформ в Республики Казахстан;

- в ходе осуществления Государственной программы «Культурное наследие» выявление многих документов, особенно из стран дальнего зарубежья, раскрывающих отношение к реформам царской России казахской элиты;

- проведение сравнительного анализа культурного состояния казахов до и после принятия реформ Российской империи, для решения проблемы цивилизационного развития казахского народа и выхода Республики Казахстан на мировую арену, с целью вхождения его в число 50-ти наиболее конкурентоспособных государств мира;

- изучение и влияние реформ царского правительства на экономическую, политическую и духовную жизнь казахского народа;

- использование результатов исследования, касающиеся деятельности казахской интеллигенции, направленной против имперской политики царизма в Казахстане, в деле патриотического воспитания подрастающего поколения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Крафт И.Н. Сборник узаконений о киргизах степных областей. - Оренбург, 1898. – 532 с.
- 2 Гейнс А.К. Собрание литературных трудов.– СПб., 1897. - Т.1. – С. 590;– СПб., 1898. - Т.II. – 743 с.
3. Мейер Л.И. Киргизская степь Оренбургского ведомства. – СПб., 1865. – 288 с.
- 4 Мякутин А.И. Юридический быт киргизов // Тр. Оренбургской Ученой Архивной комиссии.– Оренбург, 1911. – Вып. XXV. – 180 с.
- 5 Остафьев В.А. Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве // Записки Западно-Сибирского отдела ИРГО. – Кн. XVIII. – Омск, 1895.- Вып. 2. – С. 1 – 61.
- 6 Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. - СПб., 1897. – С. 182.; отд. оттиск из журн. Живая старина. – 1886. – Вып. III-IV.
- 7 Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение // Соч.– Тюмень, 2000. - Т. 1. – 321 с.
- 8 Радлов В.В. Из Сибири. – М.: Наука, – 1989. – 345 с.
- 9 Валиханов Ч.Ч. Записка о судебной реформе // Собр. соч.: В 5 т.– Алма – Ата: Наука, 1985. - Т.4. – С.77– 104.
- 10 Алтынсарин И. О «Временном положении об управлении в степных областях» 1868 г. // Собр. соч.: В 3 т.– Алма – Ата: АН КазССР, -1986.-Т.2. С.36– 41.
- 11 Тынышпаев М. История казахского народа. – Алматы: Санат, 1998. – 224 с.
- 12 Дулатова Д.И. Историография дореволюционного Казахстана (1861–1917 гг.). – Алма–Ата: Наука, 1984. – 272 с.
- 13 Абилев К.А. Русская историография истории Казахстана XVIII – нач. XX вв. – Караганда: Караганд. ун– т, 1988. – 85 с.
- 14 Есмагамбетов К.Л. Зарубежная историография истории Казахстана (с древних времен до начала 90– х годов XX века.): автореф. докт. ист. наук. – Алматы, 2000. – 44 с.
- 15 Несипбаева К.Р. Современная англо– американская историография русской экспансии и колонизации Центральной Азии (XVIII – нач. XX в.). Алматы: Қазақ ун– ті, 1997. – 191 с.
- 16 Тынышпаев М. Материалы к истории киргиз– казахского народа. – Ташкент: Вост. отд. Киргосиздата, 1925.– 62 с.
- 17 Галузо П.Г. Туркестан – колония. – М: Изд – во КУТВ, 1929. – С. 164.
- 18 Асфендияров С.А. История Казахстана (с древнейших времен). – Алматы: Санат, 1998. – 304 с.
- 19 Асфендияров С.А., Кунте А.А. Прошлое Казахстана в источниках и материалах // В 2 т. – Алматы: Казахстан, 1998. – 350 с.
- 20 Бекмаханов Е.Б. Казахстан в 20– 40– е гг. XIX века. – Алма–Ата: Қазақ ун–ті, 1992. – 399 с.

- 21 Галузо П.Г. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867– 1914 годах. – Алма–Ата: Наука, 1965. – 345 с.
- 22 Базанова Ф.Н. Формирование этнического состава населения дореволюционного Казахстана // Вестник АН КазССР. – 1977. – №7. – С.58–66.;
- 23.Алексеевко Н.В. Население дореволюционного Казахстана. – Алма–Ата: Наука, 1981. – 231 с.
- 24 Сулейменов Б.С. Аграрный вопрос в Казахстане послед., трети XIX–начала XX в. (1867– 1907 гг.). – Алма–Ата: Изд– во АН КазССР, 1963. – 411 с.
- 25 Савицкий А.П. Поземельный вопрос в Туркестане. – Ташкент: ТашГУ, 1963. – 208 с.
- 26 Дильмухамедов Е., Маликов Ф. Очерки истории рабочего класса дореволюционного Казахстана. Вторая пол. XIX – нач. XX вв. – Алма–Ата.: Изд– во АН КазССР, 1963.– 270 с.
- 27 Галиев В.З. Караванные тропы: (Из истории общественной жизни Казахстана XVII– XIX веков). – Алматы: Атамұра, 1994.– 128 с.
- 28 Культелеев Т.М. Уголовное обычное право казахов. – Алматы: Жалын, 2004. – 312 с.
- 29 Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Летопись трех тысячелетий. - Алма–Ата: Рауан, 1992.– 373 с.
- 30 Зиманов С.З. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX в. – Алма–Ата: Изд – во АН КазССР, 1960. – 296 с.
- 31 Нурпеисов Е.К., Котов А.К. Государство Казахстан: от ханской власти к президентской республике. – Алматы: Жеты жарғы, 1995. –88 с.
- 32 Толыбеков С.Е. Общественно– экономический строй казахов в XVII–XIX веках. – Алма–Ата: Казгосиздат, 1959. – 448 с.
- 33 Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности кочевнического общества). – Алматы. – М.: Социнвест– Горизонт, 1995–320 с.
- 34 Артыкбаев Ж.О. История Казахстана в XIX веке. – Караганда: Карагандинский ун– т, 1992. – 148 с.
- 35 Турсунова М.С. Казахи Мангышлака во второй пол. XIX века. – Алма–Ата.: Наука, 1977. – 181 с.
- 36 Кул– Мухаммед М. Колониальный режим в Казахстане. (1868– 1917 гг.) Алматы: Атамұра, 2000. – 46 с.
- 37 Жиренчин К.А. Политическое развитие Казахстана в XIX – нач. XX веков. – Алматы: Жеты жарғы, 1996. – 352 с.
- 38 Сапаргалиев Г.С. Карательная политика царизма в Казахстане (1905– 1917 гг.). – Алма–Ата: Наука, 1966. – 374 с.
- 39 Касымбаев Ж.К. Кенесары хан: Саясатшы және қолбасшы. – Алматы: Қазақстан, 1993. – 112 б.
- 40 Машимбаев С.М. Патшалық Ресейдің отарлық саясаты. – Алматы: Санат, 1994. – 136 с.
- 41 Машимбаев С.М. Некоторые актуальные проблемы всемирной истории и Казахстана. – Алматы: Қазақ ун–ті, 2010. – 238 б.

- 42 Абдиров М.Ж. Военно-казахья колонизация Казахстана (конец XVI–нач. XX в.): Опыт историко эволюционного анализа: автореф. докт. ист. наук. – Алматы, 1997. – 44 с.
- 43 Атабаев К. Ұлт және тарих. – Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 2007. – 232 б.
- 44 Атабаев К. Қазақ баспасөзі Қазақстан тарихының дерек көзі (1870–1918). – Алматы: Қазақ ун–ті, 2000. – 258 б.
- 45 Сулейменов Б.С. Подготовка реформы 1867–1868 годов в Казахстане. Вестник АН КазССР. – 1951. – № 2. – С. 137 – 148.
- 46 Садыков Х.Д. Политико-административное устройство Туркестанского генерал-губернаторства (1867– 1917 гг.): автореф. ... канд. ист. наук. – Ташкент, 1973. – 40 с.
- 47 Толочко В.С. Проведение в жизнь Временного положения об управлении в степных областях Оренбургского и Западно–Сибирского ген.–губернаторств на страницах военной периодической печати // Исторические науки.– Алма–Ата, 1975. – Вып.2. – С. 25– 32.
- 48 Киняпина Н.С. Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии в XIX веке // Вопросы истории. – 1983. – №4. – С.23– 31.
- 49 Бекмаханова Н.Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60– е годы XIX в. – 1917 г.). – М.: Наука, 1986. – 245 с.
- 50 Жиренчин К.А. Политическое развитие Казахстана в XIX – нач. XX веков. – Алматы.: Жеті жарғы, 1996. – 352 с.
- 51 Жакыпбек С.К. Царские законы 1886 и 1891 гг. и усиление колониальной власти в Казахстане // Вестник КазНУ. Серия историческая.- 2000. - №2 (17). – С. 39 – 43.
- 52 Букейхан А. Избранное. Собрание сочинений. 1–2 книга. – Алматы: Өлке, 2002 – 2003.
- 53 Байтұрсын А. Көп томдық шығармалар жинағы. 1–5 том. - Алматы: Алаш, 2006.
- 54 Байтұрсын. А. Жаңа низам. – Алматы: Жеті жарғы, 1996. – 125 с.
- 55 Дулатов М. Шығармалары. 1– 5 т. – Алматы: Ғылым, 1996.; Байтұрсынов. Ахмет Байтұрсынович.– Алматы: Ғылым, 1996. – Т.2. – С. 274–275.
- 56 Шонанов Т. Жер тағдыры – ел тағдыры. – Алматы: Санат, 1995. – 224 б.
- 57 Тынышпаев М. Политические выступления, научные труды, документы. - Алматы: Атамұра, 2009. – 312 с.
- 58 Шокай М. Тандамалы. Избранное.– Алматы: Кайнар, 1999–2004.- Т. 1–2.– 341 б.
- 59 Осеков Б.К. Организация и деятельность Степной комиссии (1865–1868 гг.): автореф. ... канд. ист. наук. – М., 1987.– 24 с.
- 60 Жакыпбек С.К. О подготовке реформы 1867– 1868 гг. // Вестник КазГУ. Серия историческая.- 2000.- № 15. – С. 71 – 74.

61 Жакыпбек С.К. Содержание реформы 1867– 1868 гг. // Вестник КазГУ. Серия историческая. - 2000. - № 16. – С. 75 – 80.

62 Кул-Мухаммед. М. Алаш қайраткерлері-саяси құқықтық көзқарастарының эволюциясы. - Алматы: Атамұра, 1998. – 46 б.

63 Кул-Мухаммед М. Формирование развития государственно-правовых идей лидеров Алаш Орды. - Алматы: Атамұра, 1999. – 48 с.

64 Әбенова Б.С. 1868 жылғы әкімшілік – басқару реформасының Орынбор өлкесіне енгізілуі және оның зардаптары: тар. ғыл. канд. ... автореф. – Алматы, 2000.– 30 б.

65 Мырзатаева З.Б. Арқада орыс басқару жүйесін енгізудің басталуы: тар. ғыл. канд. ... автореф. – Алматы, 2002. – 31 б.

66 Жумашева Г.С. Колониальная политика царизма на Мангышлаке (30-ые годы XIX– XX вв.): автореф. ... канд. ист. наук. – Алматы, 1998. – 30 с.

67 Шуланбекова Г.Қ. Оңтүстік Қазақстандағы патша өкіметінің саяси– әкімшілік реформалары және оның зардаптары (XIX ғ. II жартысы – XX ғ. басы): тар. ғыл. канд. ... автореф. – Алматы, 2007.– 28 б.

68 Касымбаев А.Ж. Административно– политические и законодательные нововведения России в Младшем Жузе в 20– 40 годах XIX века и их колониальная сущность: автореф. ... канд. ист. наук. – Алматы, 2003. – 29 с.

69 Садвокасова З.Т. Духовная экспансия царизма в Казахстане в области образования и религии (II половина XIX– начало XX веков): дис. ... докт. ист. наук. – Алматы, 2006. – 278 с.

70 Мухатова О.Х. Қазақстандағы аграрлық өзгерістер тарихнамасы (XIX ғасырдың соңы –XX ғасыр): тар. ғыл. докт. ... автореф. – Алматы, 1999.– 40 б.

71 Несипбаева Г.Р. Налоговая политика царизма в казахской степи. - Алматы: Қазақ ун-ті, 1999. – 187 с.

72 Ксенжик Г.Н. Историческая география Степных областей Казахстана в XIX– начале XX вв: автореф. ... докт. ист. наук. – Алматы, 2009.– 40 с.

73 Отепова Г.Е. Законодательные акты Российской империи как источник по истории колонизации Казахстана XVIII– начала XX века: автореф. ... докт. ист. наук. – Алматы, 2009. – 40 с.

74 Султангалиева Г.С. Казахское чиновничество Оренбургского ведомства: формирование и направление деятельности (XIX в.). – Алматы, 2009. – 101 с.

75 Султангалиева Г.С. Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII – начало XX вв.). – Уфа: РИО РУНМЦ Госкомнауки РБ, 2002. – 262 с.

76 Глеукеев Ж.А. История деятельности зарубежного капитала и его влияние на экономическое развитие Казахстана в конце XIX– начало XXI вв. Исторический анализ: автореф. ... канд. ист. наук. – Алматы, 2009. – 24 с.

77 Абдрахманова Б. История Казахстана: власть, система управления, территориальное устройство в XIX веке. – Астана: Ел-орда, 1998. – 137 с.

78 Муканов М.С. Этническая территория казахов в XVIII – начале XX веков. - Алматы: Казахстан, 1991. – 64 с .

79 Аманжолова Д.А. Движение Алаш в 1917 г. – Алматы, 1992. – 512 с.

- 80 Аманжолова Д.А. Казахский автономизм и Россия. История движения Алаш. – М.: Россия молодая, 1994. – 213 с.
- 81 Койгельдиев М.К. Алаш қозғалысы. – Алматы: Санат, 1995. – 368 б.
- 82 Қойгельдиев М.К. Ұлттық саяси элита. Қызметі мен тағдыры (XVIII– XX– ғғ.). Зерттеулер. – Алматы: Жалын, 2004. – 400 б.
- 83 Нурпеисов К.Н. Алаш һәм Алаш – Орда. – Алматы: Ататек, 1995. – 256 б.
- 84 Омарбеков Т.О., Омарбеков Ш.Т. Қазақстан тарихына және тарихнамасына ұлттық көзқарас. – Алматы: Қазақ ун-ті, 2004. – 388 б.
- 85 Материалы Международной научно– практической конференции Алаш и назависимый Казахстан: преемственность идей и позиций. 21 ноября 2008 г. - Алматы, 2008. – 467 с.
- 86 Материалы Международной научной конференции «Алаш– орда» и проблемы казахской государственности и культуры. 5 декабря 2008 г., – Алматы, 2009. – 208 с.
- 87 Кул– Мухаммед М. Жакып Акпаев. Патриот. Политик. Правовед. Политико– правовые взгляды Ж.Акпаева. – Алматы: Атамұра, 1995. – 326 с.
- 88 Сеитов Ә.Т. А.Н. Букейхан как историк и общественно– политический деятель: автореф. ... канд. ист. наук. – Алматы, 1996.– 25 с.
- 89 Иманбаева С.С. Міржақып Дулатовтың өмірі мен қызметі (1885– 1935 жж.): тар. ғыл. канд. ... автореф. – Алматы, 1999.– 25 б.
- 90 Әзіретбергенова Ә.Ж. Сералы Лапин: өмірі, қоғамдық қызметі, шығармашылық мұрасы: тар. ғыл. канд. ... автореф. – Алматы, 2004.– 30 б.
- 91 Хасанаева Л.М. Қазақ мемлекеттігін жанғырту үшін күрес: түрлі көзқарастар мен саяси қозғалыстар тарихынан (XVIII ғасырдың алғашқы ширегі): тар. ғыл. канд. ... автореф. – Алматы, 2002. – 28 б.
- 92 Рахимова Г.М. Город Омск в экономической, политической и духовной жизни казахского общества во II половине XIX– начале XX веков: автореф. ... канд. ист. наук. – Алматы, 2000.– 30 с.
- 93 Әбикенова Г.Е. Телжан Шонанұлының қоғамдық – ағартушылық және ғылыми қызметі (1894– 1938 жж.): тар. ғыл. канд. ... автореф. – Алматы, 2007. – 28 б.
- 94 Кайсар К. История Туркестанского края в эпоху царизма. – Алматы: Қазақ ун–ті, 2005. – 160 с.
- 95 Кайсар К. Читая документы о казахстанско– российских отношениях в XVIII– XIX веках. – Алматы: Данекер, 2001. – 139 с.
- 96 Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции).– Алма– Ата: АН КазССР, 1960. - Т. 1. – 426 с.
- 97 История Казахстана. Сб. документов и материалов (XVIII – нач. XX в.). - Алматы: Қазақ ун – ті, 2001. – 280 с.
- 98 Материалы по введению русской политической системы управления в Казахстане. – Алматы: Қазақ ун - ті, 1999. – 255 с.
- 99 История Казахстана в русских источниках XVI– XX веков.– Алматы: Дайк– Пресс, 2006. - Часть 1– 2, Т. VIII. – 262 с.

- 100 История колонизации Казахстана в 20- 60-х годах XIX века. – Алматы: Мектеп, 2009. – 328 с.
- 101 Царская колонизация в Казахстане. По материалам русской периодической печати XIX века / сост. Ф.М. Оразаев. – Алматы, 1995. – 178 с.
102. Хрестоматия по новейшей истории Казахстана (1917– 1939 гг.) / под ред. Каражан К.С. - Алматы: Санат, 2002. - Т.1. – 408 с.
- 103 Алаш қозғалысы. Құжаттар мен материалдар жинағы. Движение Алаш // Сборник документов и материалов. - Алматы: Ел– шежіре, 2004. – Т. 1 – 4.
- 104 Киргизская степная газета. Человек, общество, природа 1888– 1902 / сост. У.Субханбердина. – Алматы: Ғылым, 1994. – 480 с.
- 105 Қазақ газеті. Алаш азаматтарының рухына бағышталады / құрастырушылар: У.Субханбердина, С.Дәуітов, Қ. Сахов. – Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 1998. – 560 б.
- 106 Айқап. – Алматы: Қазақ энциклопедиясы Бас редакциясы, 1998. – 368 б.
- 107 Степной край Евразии: Историко– культурные взаимодействия и современность // Тезисы докладов и сообщений IV Международной научной конференции, посвященной 170 –летию со дня рождения Г.Н. Потанина и Ч. Ч. Валиханова. – Омск: ОмГУ, 2005. – 290 с.
- 108 Масанов Н.Э. Последнее интервью. – Астана, 2006. – №5. – С. 33.
- 109 Источниковедение истории СССР: учебник / под ред. И.Д. Ковальченко.- М.: Наука, 1981. – 255 с.
- 110 Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко–краеведческий словарь. – М.: Отечество, 1994.– С. 314– 315.
- 111 Дело об управлении комиссии для пересмотра проектов Положения и проект Положения об управлении в областях Степного края и прочее. ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д.151, л. 82-86,95.
- 112 Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры и ордена Российской империи. – М.: ЗАО Центраполиграф, 2005. – 423 с.
- 113 Протоколы заседания комиссии по составлению объединительного проекта Положения об управлении в областях Степного генерал-губернаторства. ЦГА РК, ф.64, оп.1, д.120, л. 29.
- 114 Копии журналов заседания комиссии. ЦГА РК, ф. 64. оп. 1, д. 701, л.70.
- 115 Проект положения об управлении степных областей. ЦГА РК, ф.25, оп.1, д.3787, л.82-83.
- 116 Переписка Степного генерал-губернатора. ЦГА РК, ф. 64. оп. 1, д. 151, л. 128.
- 117 Донесения Главного начальника края. ЦГА РК, ф. 64. оп. 1, д. 767, л. 47.
- 118 Дело об отсрочке введения в действие утвержденного Положения об устройстве управления в степных областях. ЦГА РК, ф. 64. оп 1, д.521, л. 1.
- 119 Записка к объединительному проекту Положения. ЦГА РК, ф.365, оп.1, д.465, л.88,91.

- 120 Материалы для отчета. ЦГА РК, ф.369, оп.1, д.264, л.27,29.
- 121 О практическом применении Положения утвержденного 25 марта об управлении степных областей. ЦГА РК, ф.25, оп.1, д.493, л.82,84.
- 122 Отчеты Степного генерал-губернатора. ЦГА РК, ф.64, оп.1, д.521, л.40.
- 123 Сообщения Г. Степного генерал-губернатора о положении дел в крае. ЦГА РК, ф.64, оп.1, д.4628, л.36.
- 124 Дело о дополнении статьи 17-ой Степного положения от 25 марта 1891 года о предоставлении генерал-губернатору права удалять в пределах Степного края инородцев вредных для общего порядка и спокойствия. ЦГА РК, ф.64, оп.1, д.2053, л.3,63,64.
- 125 О недостатках проекта Положения об управлении Степных областей, составленного Земским отделом Министерства внутренних дел. ЦГА РК. ф. 64, оп.1, д.2249, л.6,9,32.
- 126 Ремнев А.В. Имперское управление азиатскими регионами России в XIX–начале XX веков. Некоторые итоги и перспективы изучения. - Омск: Сибирская заимка, 2004.– С. 10.
- 127 Ахметжанова А.Т. Реформы 1886, 1891 гг. в Казахстане. – Алматы: Қазақ ун-ті, 1999. – С. 5.
- 128 Отношение канцелярии Степного генерал-губернаторства об изменениях Положения. ЦГА РК, ф.369, оп.1, д.1782, л.19
- 129 Дело об утверждении выборов. ЦГА РК, ф.369, оп.1, д.602, л.2, 42.
- 130 История Казахстана и Центральной Азии. – Алматы: Наука, 2001.– 352 с.
- 131 Фридман Ц.Л. Иностранный капитал в дореволюционном Казахстане. – Алма-Ата: Наука, 1960.– С.61– 62.
- 132 Выступление Президента Республики Казахстан Н.А.Назарбаева на 3-м Казахстанском инвестиционном саммите 8-9 июня 2006 года // http://www.inesnet.ru/institute/presscenter/archive/?mode=show_news&id=1835.
- 133 Послание Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева народу Казахстана. 29 января 2010 года // Казахстанская правда. - 2010, январь – 30.
- 134 Касымбаев Ж. Устав о Сибирских киргизах 1822 года и вопросы упразднения ханской власти в Среднем жузе // Вестник КазНУ. Серия историческая. – 1999. – № 15.– С.65 – 69.
- 135 Дело об определении размера подати в степных областях. ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 3127, л. 6.
- 136 Штаты и объяснительная записка к штатам управления Степного генерал-губернаторства. ЦГА РК, ф.64, оп.1, д.2738, л.92,93,94.
- 137 Сибирь в составе Российской империи. – М.: Новое литер. обозрение, 2007. – 368 с.
- 138 Российская государственность в терминах: IX – начало XX в. Словарь. – М: Крафт+, 2001. – 456 с.
- 139 Годовой отчет Семипалатинского губернатора. ЦГА РК, ф.15, оп.1, д.472, л.17,23,24,25,32,54.
- 140 Записка «Об изменении штата канцелярии Степного генерал-губернаторства». ЦГА РК, ф.64, оп.1, д.1281, л.13,16,17,18,28,47,48.

- 141 Аманжолова Д.А. Партия Алаш: История и историография. – Семипалатинск: Наука, 1993.– 137 с.
- 142 Петиция киргизов Каркаралинского уезда. ЦГА РК, ф.64, оп.1, д.2053, л.55– 58.
- 143 Дело о скотопрогонных трактах Степного края. ЦГА РК, ф.64, оп.1, д.3762, л.52,53,56,92,94
- 144 Материалы, отчеты Семипалатинского губернатора. ЦГА РК, ф.15, оп.1, д.355, л.4,6.
- 145 Переписка Акмолинского областного правления.ЦГА РК, ф.369, оп.1, д.952, л.56,57.
- 146 Дело о наделении земель казахов, принявших православную веру. ЦГА РК, ф.15, оп.1, д.2167, л.23,2.
- 147 Материалы для отчета Степного генерал-губернатора. ЦГА РК, ф.64, оп.1, д.2054, л.52.
- 148 Дело об агитации среди киргиз Каркаралинского и Павлодарского уездов о посылке в Петербург депутации для представления от киргизского народа петиции – царю. ЦГА РК, ф.64, оп.1, д.5658, л.24– 26, 29.
- 149 Букейхан А. Таңдамалы. Избранное. – Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 1995. – Б. 66-77.
- 150 Садуақасов С. Екі томдық шығармалар жинағы.– Алматы: Алаш, 2003. – Т. 2. – 360 б.
- 151 Дулатова Д.И., Нуртазина Н.Д. Докладная записка Серали Лапина. Вестник КазГУ. Серия историческая. – 1997.– №5.– С.10– 17.
- 152 Жакыпбек С.К. Репрессии колониальных властей против лидеров освободительного движения 1905–1907 гг. // Вестник КазНУ. Серия историческая. – 2001. – № 2. – С. 49–55.
- 153 Ауэзова З. Это был гениальный прорыв // Казахстанская правда. –2008, январь - 9.
- 154 О Государственной программе. Путь в Европу на 2009– 2011 годы. Указ Президента Республики Казахстан от 29 августа 2008 года // <http://www.nomad.su/?a=3-200809100240>.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

А. О недостатках проекта Положения об управлении Степных областей, составленного Земским отделом Министерства Внутренних Дел

Киргизы – народ большей частью среднего роста, сравнительно красивой наружности, веселого, беспечного нрава, крепкого сложения, – обладают физической силой и ловкостью, награждены многими симпатичными моральными качествами, выносливы способны как к тяжелому физическому труду, так и высокой культуры и цивилизации. Киргизы принадлежат к одному из древнейших народов азиатского материка; происхождение их теряется в баснословных временах турецкой истории.

В силу естественно – исторических условий занимаемой ими частью Азиатского материка большей частью окраин безводных, пустынных равнин, они издавна ведут пастушеский образ жизни, занимаясь скотоводством, кочуют в мирное время с одного места на другое, в зависимости от состояния подножного корма для стада. Владея универсальным переносным разборчатым жилищем человека, войлочную юртовую, киргизы выработали такую подвижность, быстроту и легкость при переходах с одного места на другое, что свободно могли во всякое время года менять места, а главное ускользать от преследования врагов со своими семьями и стадами, и этому главным образом, обязаны тем, что, несмотря на разные невзгоды, остались нестертыми с лица земли более сильными народами Азии во времена варварства.

В объяснительных записках к проекту положения, составленному Земским отделом и в трудах Особого Присутствия при Акмолинском областном Правлении, рассматривавшего этот проект, а также в Степном Положении Высочайше Утвержденном 25–го марта 1891 года, изд. Земским отделом в Санкт – Петербурге 1891 г. с достаточной подробностью и ясностью обрисован вред развития страстей киргиз во время парадной борьбы при выборах должностных лиц волостных управителей.

С окончательным попаданием кочующих в наших пределах киргиз под власть России, когда занимаемые ими степи фактически стали русскими провинциями, киргизский народ в силу фатального хода логического процесса в рост нации, должен слиться с русским народом в солидарности интересов, без различия расы, веры и языка, и вместо хищнических набегов на русские границы, должен сделаться защитником их.

Возврат его к прежнему вне историческому существованию, с этого момента сделался для него фактически невозможным, так как ставший на путь исторической жизни, киргизы должны идти по одной и той же с русскими стези прогресса и цивилизации и пользоваться благами наравне с остальными подданными Империи.

Рассматриваемый проект Положения, в сущности, есть продолжение тех же неудачных законодательных работ по управлению инородцами, которые проектировались и осуществились раньше и привели к отрицательным результатам, т. е. не привлекли киргиз к оседлости, не развили у них

промышленности и вообще не изменили строя их жизни, так что, введением проектируемого ныне Положения в действие будет сделано лишь повторение тех же неудачных, по отношению киргиз, опытов, какие уже были испытаны раньше изданием ныне действующего Положения (25 марта 1891 г.).

Исходя из того взгляда, что всякий закон, не вытекающий из действительной потребности жизни и не соответствующий естественному ходу развития жизни края, для которого он издан, должен неизбежно потерпеть неудачу, что киргизский народ в Степных областях переживает тот исторический момент, в которой должна произойти коренная ломка обветшавшего строя, когда с одной стороны возникали требования, вынуждающий этот народ принять форму европейского общежития, а с другой, принадлежащая поддержка обычаев и мусульманской догматики, удерживать его от этого, – следует признать, что рассматриваемый проект Степного Положения, на основе всего сказанного, не дает убеждения в том, что он вполне соответствует Высочайшей Воле, выраженной в Высочайших резолюциях на всеподданнейших отчетах Губернатора и Степного Генерал – Губернатора, а также – требованиям современной жизни Степных областей. Точно также нельзя поручиться за то, как это заявил Степной Генерал – Губернатор Барон фон Таубе (35), что проект и теперь не потерпит неудачу в жизни.

В виду всего сказанного выше, казалось бы, что для исполнения означенной выше Высочайшей воли переее всего необходимо было:

А) предварительное составление проекта Положения об управлении Степей, изучить чрез особую комиссию, на месте настоящее состояние киргизских степей, после проведения Сибирской железной дороги;

Б) собрать материал по этому предмету в форме статистических, обработанных на месте данных, необходимых для подкрепления выводов о насущных потребностях края;

В) затем уже составить проект Степного Положения исходя из руководящих принципов: достижения единства власти управления, равноправности населения пред законом, как в пользовании естественными дарами природы, так равно в отношении отбывания общественных и общегосударственных повинностей, с полным изъятием из употребления архаических форм управления киргизской общины: народного суда, руководства обычаями и прочих анти культурных и анти гражданских элементов, поддерживающих вредную для государства обособленность киргизского населения, и препятствующих ему в дальнейшей жизни идти одного с коренным русским населением стезею прогресса и цивилизации под сенью Самодержавия.

24 февраля 1902 г.
г. Омск.

И. Мельников.

Б. Дело об агитации среди киргиз Каркаралинского и Павлодарского уездов о посылке в Петербург делегации для представления от киргизского народа петиции– царю
28 июля 1905 – 14 февраля 1906 г.

21 авг. 1905 г. Каркаралинский уездный начальник Господину Управляющему Канцелярией Степного Генерал– губернатора.

РАПОРТ – сообщает, что представляет список киргизов Каркаралинского уезда, подписавший телеграмму на Высочайшее имя от 22 июля с.г. с ходатайством о представлении киргизам права участвовать в Государственной Думе (в телеграмме сказано «В Земском Соборе»). Далее пишет, что телеграмму подписали 42 доверенных, по два от волости. «Приговоры и доверенности были отправлены ученому лесоводу Алихану Букейханову, который можно думать, является главным организатором и руководителем дела по составлению петиции и телеграммы на Высочайшее имя. Затем Букейханов отправил петицию в Петербург из Омска 28 июля с.г. очевидно, пользуется в степи авторитетом. Помогал ему Акпаев Якуп».

«Доверенными лицами для участия в народном представительстве от вверенного мне уезда намечены гг. Алихан Букейханов и Якуп Акпаев».

Уездный начальник

(подпись не разборчива)

Приведен список 42 киргизов Каркаралинского уезда, подписавших коллективную телеграмму, на Высочайшее имя с ходатайством о представлении киргизам права участвовать в народном представительстве.

На л. 9 Степному Генерал– губернатору.

Военный губернатор Семипалатинской области 3 авг. 1905 г. (№53) пишет «... представляю ... телеграмму (Копию с Копии) поданную киргизами Каракаралинского уезда на Высочайшее имя».

Составлена в Омске и прислана в Каркаралинск по почте, откуда 22 июля за подписью 42 имеющих себя доверенными от киргизов Каркаралинского уезда отправлена на Высочайшее имя через местную почтово– телеграфную контору, и независимо сего, по почте в редакцию газет «Сын отечества» и «Русские ведомости» для напечатания.

И.д. Губернатору
Вице– губернатор

(подпись не разборчива)

Ф.64. оп.1, д. 5658. Л. 24– 26, 29.

Телеграмма

Его императорскому величеству Государю Императору

В Омске совещание чиновников различных ведомств во главе с Генерал Сухотиным высказались против допущения представителей от киргизов в Земском соборе в духе проекта Министра А.Г. Булыгина; подобное недалновидное решение объяснимо лишь незнакомством с характером развития и стремлением главной массы населения Степного Края, на которое это устранение произвело удручающее впечатление.

Киргизы, населяющие огромную территорию примыкающую к Китаю и Афганистану связывают свою судьбу и интересы с судьбами всего Государства, считают себя равноправными с другими народностями и знают решения Вашего Величества привлекать достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей. В самом деле – какие – же могут быть серьезные основания, не греша против элементарной справедливости и истины, выделять шести – млн. киргизов в особую бесправную, в незаконную группу. Правда – мы занимаемся скотоводством и интересы скотоводческого хозяйства заставляют нас кочевать, а не бродить, как думают, летом 3– 4 месяца, но следует ли из этого лишать такого важного драгоценного политического права участвовать в Земском соборе. Почему занятие скотоводческой культурой должны лишать киргиза избирательного права и лишает занятия торговлей, земледелием, рыболовством и другими промыслами? Народы Российской империи действительно весьма различны по образованности, культуре и следовательно пониманию государственных задач, между ними киргизы занимают не первое, но и не последнее место. Но доказано, чтобы киргизы общественные и государственные задачи понимали хуже русских крестьян, не говоря уже о других оседлых инородцев, призываемых предпочтительно перед киргизам устройству государственной жизни. Кто будет защищать интересы киргизов? Кто может правильно выяснить назревшие их нужды и способы их удовлетворения, если не будут участвовать в земском соборе избранные нашим народом на общепринятых теперь основаниях представители? Просим верить, государь что мы, киргизы, не хуже других считаем себя подготовленными к этой великой работе, нас не желают знать, считают чем то низшим, бюрократия смотрит на нас свысока и пренебрежительно; за то отношение приходится нам расплачиваться дорогой ценой. Во всяком случае, мы не повинны в том, что нас не знают те, кому сие надлежит знать. В виду изложенного всеподданнейше просим Ваше Императорское величество повелевать призвать в земской собор. Как высказано нами в петициях. Представителей от киргизского населения, так как правильное выяснение наших назревших нужд и способы их удовлетворения, а также и правильное наше отношение к другим народам Империи, могут быть установлены лишь при участии представителей от киргизского народа.

Подписано 42 доверенными от Каркаралинского уезда

Верно: Старший чиновник особых поручений (подпись не разборчива)

ДАЛЕЕ – Каркаралинскому уездному начальнику (Ф.И.О. не указана) из Канцелярии Степного Генерал– губернатора 9 авг. 1905 г. №95. пишут, что Главный начальник края просит сообщить для доклада Его Высокопревосходительству фамилии киргизов (хотя бы нескольких) подписавших телеграмму и кто отправлял телеграмму в Омск.

Управляющему Канцелярии Степного Генерал– губернатора.
Каркаралинский уездный начальник 21 авг. 1905 г.

Список от 42 доверенных киргизов, подписавших телеграмму.

1. Балсеит Макатаев и М.Толубаев
2. К.Матаев и Т.Джандибаев
3. М.Татымбетов и М.Акпаев
4. О.Кандыбаев
5. С.Кангожин и О.Ажангабытаев
6. А.Джандеркин и С.Меертанов
7. А.Давлетов и У.Бугумбаев
8. Д.Кулбат и Б.Ботабаев
9. К.Тулбаев и Т.Кашаков
10. Д.Меертанов и Д.Байкобин
11. Н.Орманбетов и Т.Ждантокин
12. А.Султанов и А.Нахипов
13. Д.Аяганов и Д.Джодыозеков
14. Х.Байбарин и И.Кангожин
15. Т.Токсамбаев
16. Д.Купанов и Т.Бакин
17. Д.Бейсенбин и Д.Тасбулатов
18. Т.Алтынтарин и Р.Сатпаев
19. А.Бекбенбетов и Т.Сатанов
20. О.Минаяков и Ч.Сатанов
21. М.Кулбаев и С.Койсоймасов

Каркаралинский уездный начальник
Штабс – Ротмистр

(подпись не разборчива)

Ф.64. оп.1. д.5658. л.10

Таблица А 1 - В. Гражданские чины в дореволюционной России

Класс	Чин	Обращение*
I	Канцлер; Действительный тайный советник I класса	Ваше Высокопревосходительство
II	Действительный тайный советник	
III	Тайный советник	Ваше превосходительство
IV	Действительный статский советник	
V	Статский советник	Ваше высокородие
VI	Коллежский советник	Ваше высокоблагородие
VII	Надворный советник	
VIII	Коллежский асессор	
IX	Титулярный советник	Ваше благородие
X	Коллежский секретарь	
XI	Корабельный секретарь (до 1834 г.)	
XII	Губернский секретарь	
XIII	До 1834 г.: Провинциальный секретарь; Синодский регистратор; Кабинетский регистратор	
XIV	Коллежский регистратор	
*Обращение к титулованной особе – графу, князю – Ваше сиятельство		
Ректоры Московского университета (Биографический словарь). М., 1996 /Составитель В.В. Ремарчук – Справочно – информационная серия «Московский университет на пороге третьего тысячелетия». Вып. 11. М., 1996. 272 с.		

Таблица А 2 - Г. Табель о рангах по состоянию на 1917 год

Классы	Армейская пехота, артиллерия и инженерные войска	Армейская кавалерия	Казачьи войска	Гвардейская пехота, артиллерия и инженерные войска	Гвардейская кавалерия	Военно-морской флот	Гражданские чины	Придворные чины
1	2	3	4	5	6	7	8	9
I	Генерал – фельдмаршал	–	–	–	–	Генерал-адмирал	Канцлер, действительный тайный советник I класса	
II	Генерал от инфантерии, генерал от артиллерии, инженер-генерал	Генерал от кавалерии	–	–	–	Адмирал	Действительный тайный советник	Обер-камергер, Обер-гофмаршал, обер-гофмейстер, обер-шенк, обер-штаб-мейстер, обер-егер-мейстер, обер-форшнейдер
III	Генерал-лейтенант	Генерал-лейтенант	–	–	–	Вице-адмирал	Тайный советник	Гофмейстер, гофмаршал, штаб-мейстер, егермейстер, обер-церемоний-мейстер
IV	Генерал-майор	Генерал-майор	–	–	–	Контр-адмирал	Действительный статский советник	Камергер
V	–	–	–	–	–	–	Статский советник	Камер-юнкер, церемоний-мейстер

Продолжение таблицы А 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9
VI	Полковник	Полковник	Полковник	Полковник	Полковник	Капитан 1-го ранга	Коллежский советник	–
VII	Подполковник	Подполковник	Войсковой старшина	Капитан	Ротмистр	Капитан 2-го ранга	Надворный советник	–
VIII	Капитан	Ротмистр	Есаул	Штабс-капитан	Штабс-ротмистр	Старший лейтенант	Коллежский асессор	–
IX	Штабс-капитан	Штабс-ротмистр	Подъесаул	Поручик	Поручик	Лейтенант	Титулярный советник	–
X	Поручик	Поручик	Сотник	Подпоручик	Корнет	Мичман	Коллежский секретарь	–
XI	–	–	–	–	–	–	Корабельный секретарь	–
XII	Подпоручик	Корнет	Хорунжий	–	–	–	Губернский секретарь	–
XIII	Прапорщик запаса	–	–	–	–	–	–	–
XIV	–	–	–	–	–	–	Коллежский регистратор	–

История Казахстана в русских источниках. XVI-XX веков. Т. VIII, ч. I – II. Алматы, «Дайк - Пресс», 2005.
Т. VIII. часть 2. О почетнейших и влиятельнейших ордынках: алфавитные, именные, формулярные и послужные списки. 12 ноября 1827 г. – 9 августа 1917 г. / Сост., предисловие, комментарии и указатели Б.Т. Жанаева. – Алматы: Дайк – Пресс, 2006. – 962 с. + 8 вкл.